К76 5/11
Вып 1.

К 76 5/11

Я. Я. СТРАХОВ

ГОЛОСЪ

ИЗЪ

ЗЕМСТВА.

ВЫПУСКЪ I.

1235

А. Кошелева.

ИЗДАНІЕ

въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда.

МОСКВА.

Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, домъ Торлецкаго.

1869.

ГОЛОСЪ

ИЗЪ ЗЕМСТВА.

К76 5/11
Н. Я. СТРАХОВ

ГОЛОСЪ
ИЗЪ
ЗЕМСТВА.

ВЫПУСКЪ I.

А. Кошелева.

1235
10

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, домъ Торлецкаго.
1869.

БИБЛИОТЕКА
2649
1932

Статьи, нами издаваемыя, написаны были не одновременно и не по одному общему плану, а по поводу разныхъ возникавшихъ вопросовъ. Теперь они нами пересмотрѣны, исправлены и расположены въ нѣкоторомъ порядкѣ. Немного новаго читатель найдетъ въ нашей книгѣ. Мы не поставили себѣ цѣлью быть своеобразными и еще менѣе—провозвѣстниками какихъ-либо истинъ, до насъ невѣдомыхъ. Мы считаемъ себя не столько сочинителями этой книги, сколько передатчиками того, что внушили намъ: жизнь общественная, которой мы никогда не чуждались,—дѣла общественныя, въ которыхъ мы принимали посильное участіе,—и общественное мнѣніе, нами искренне и глубоко уважаемое; мы прилежно къ нему прислушивались, старались отличать въ немъ случайное отъ существеннаго, и полагали долгомъ, по возможности, подчинять сему послѣднему наши личныя воззрѣнія. Въ одномъ желаемъ удостовѣрить читателя: тутъ нѣтъ ничего сознательно, преднамѣренно написаннаго въ духѣ какой либо партіи. Что намъ казалось хорошимъ, кѣмъ и какъ бы то сдѣлано ни было, мы одобряли; а что являлось намъ не хорошимъ, того мы не оправдывали, а выставляли безъ всякихъ прикрасъ.

Полагаемъ также не лишнимъ предъупредить читателя, чтобы онъ не искалъ, въ нашей книгѣ, рѣзкихъ выраженій, громкихъ словосплетеній (фразъ) и безусловныхъ приговоровъ. Эти орудія, по большой части, производятъ раздраженіе, которое мы считаемъ почвою мало плодотворною: на ней рѣдко зарождаются дѣльные разговоры, а еще рѣже—соглашенія. Мы старались

высказывать наши мнѣнія какъ можно скромнѣе; если и за симъ что нибудь въ рѣчахъ нашихъ, покажется жесткимъ, то уже вина не наша, а сущности самаго дѣла, нами излагаемаго.

Главная наша цѣль, при изданіи этихъ статей—возбудить обмѣнъ мыслей между людьми, дѣятельно занимающимися земскимъ дѣломъ, о предметахъ имъ близкихъ и дорогихъ. Такая бесѣда для всѣхъ насъ необходима: только общеніемъ мы можемъ исправлять наши воззрѣнія, и предположенія по земскому дѣлу, и что́ не менѣе важно—оживлять, ободрять и укрѣплять другъ друга. Всего удобнѣе было бы вести такую бесѣду въ повременныхъ изданіяхъ; но едва ли теперь это возможно. Наши журналы до того исключительны, что рѣдкая статья земскаго человѣка, безъ урѣзокъ, найдетъ себѣ въ нихъ помѣщеніе. Вслѣдствіе этого, мы рѣшились издать наши статьи, въ видѣ особой книги. Приглашаемъ къ тому же нашихъ собратій по земству. Авось, со временемъ, возникнетъ журналъ, въ которомъ мы будемъ имѣть возможность, не становясь подъ знамя какой либо мнимой партіи, бесѣдовать о томъ, какъ дѣйствительно идутъ наши земскія дѣла, и какъ ихъ лучше устроить, для блага нашего отечества.

Все что́ явится въ печати, по поводу нашей книги, мы временно примемъ только къ свѣдѣнію. Не будемъ отвѣчать въ журналахъ, ибо не имѣемъ въ виду ни одного изъ нихъ, которому бы мы вполнѣ сочувствовали. Наши отвѣты, поясненія и дополненія явятся въ слѣдующемъ выпускѣ нашей книги.

15 марта 1869 г.

Москва. *А. Кошелевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. О земскихъ собраніяхъ. (1868) 1
II. Что такое русское дворянство, и чѣмъ оно быть должно? (1861) 26
III. О дворянствѣ и землевладѣльцахъ. (1869) 50
IV. О нынѣшнемъ положеніи крестьянъ и о мѣрахъ къ улучшенію ихъ быта. (1868) 72
V. О городахъ и горожанахъ. (1869) 107
VI. О приходскихъ попечительствахъ. (1869) 121
VII. О сельскихъ школахъ. (1869) 133
VIII. О мѣрахъ къ сокращенію пьянства въ народѣ (1869) .. 151

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Нѣсколько словъ по поводу нападокъ на земство и земскія учрежденія (1867) 1
II. Дворянское дѣло. Статья И. С. Аксакова (1861) 33
III. По поводу опредѣленія Св. Синода, о суммахъ какими могутъ распоряжаться приходскія попечительства. Статья Д. Ѳ. Самарина. (1869) 50

I.

О ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ.

Много великихъ, истинно благодѣтельныхъ, изъ жизни Русскаго народа почерпнутыхъ мыслей, перешло, въ нынѣшнее достославное царствованіе, изъ области будущаго въ область настоящаго, изъ ряда пожеланій, надеждъ и предположеній въ число совершившихся или совершающихся дѣлъ. Такъ крестьяне освобождены не съ правомъ блуждать по пространной нашей имперіи, а съ положительнымъ поземельнымъ надѣломъ, что́ требовалось и духомъ нашего народа и складомъ обширной и разнообразной нашей земли; такъ, въ основу нашего преобразованнаго судопроизводства, положены мировыя судебныя учрежденія и присяжные засѣдатели, что́ также вполнѣ согласно съ нравственными свойствами нашего народа, чуждающагося неумолимой строгости и положительности писаннаго закона, и высоко цѣнящаго приговоры человѣческой совѣсти; такъ мысль земства, какъ единства всѣхъ Русскихъ гражданъ, прежде существовавшая только въ исторіи, въ умѣ нѣсколькихъ передовыхъ людей и въ безсознательномъ чаяніи простолюдина, нашла жизнь въ земскихъ учрежденіяхъ.

—О сихъ то послѣднихъ мы и предполагаемъ здѣсь вести рѣчь.

Земскія учрежденія встрѣчены были вообще съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ другія нами упомянутыя преобразованія. Причиною тому были тѣсные предѣлы, въ которые, Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, была заключена земская дѣятельность. Были люди, и ихъ число немалое, которые сперва считали за лучшее вовсе уклониться отъ участія въ учреждаемыхъ собраніяхъ и управахъ, потому что кругъ дѣйствія, имъ отведенный, лишалъ возможности устроить и обставить ихъ такъ, какъ того требовало успѣшное и разумное веденіе дѣлъ, земству ввѣренныхъ. Люди же болѣе разсудительные и не увлекавшіеся теоретическими и мечтательными возрѣніями, были инаго мнѣнія: они видѣли въ этой именно ограниченности первоначальнаго круга дѣйствія земства, залогъ прочности и будущности его существованія. Нельзя было не сознавать нашей неподготовленности вообще къ самоуправленію. Если бы разомъ намъ было отведено обширное поприще, то мы бы раскидались, растерялись, не могли бы хорошо узнать свой участокъ и дѣльно съ нимъ справиться. Но всѣ съ благодарностью оцѣнивали въ Положеніи то, что вмѣшательство администраціи въ дѣла земства казалось положительно ограниченнымъ статьями 90, 91, 94—96 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и что, въ границахъ отведенной области, предвидѣлась для земства возможность быть нѣсколько самостоятельнымъ.

Необходимость возстановленія земства была очевидна. Ее сознавали всѣ состоянія гражданъ и само правитель-

ство. Мѣстное управленіе ни кѣмъ лучше ведено быть не можетъ какъ людьми мѣстными, по выбору и подъ надзоромъ мѣстнаго населенія; а правительство тѣмъ болѣе и тѣмъ лучше въ состояніи управлять государствомъ, чѣмъ менѣе вниманіе его отвлечено отъ дѣлъ общихъ, дѣлами мѣстной администраціи. Если это справедливо вообще, то оно особенно вѣрно теперь и относительно пространной нашей имперіи. Нельзя не видѣть, что дѣла административныя съ каждымъ годомъ умножаются и усложняются: отношенія между гражданами, съ развитіемъ земледѣлія, промышленности, торговли и гражданственности, и съ постояннымъ увеличеніемъ народонаселенія, учащаются и становятся все значительнѣе и разнообразнѣе; безпрестанно возникаютъ новыя потребности, о которыхъ прежде и не помышляли; къ тому же, что̀ прежде можно было сдѣлать въ теченіи годовъ и мѣсяцевъ, то теперь необходимо устроить въ продолженіи недѣль и дней. А потому настоящее время требуетъ мѣстнаго самоуправленія настойчивѣе чѣмъ прежде. Россія же съ своими многоразличными климатами, почвами, народными способностями и обычаями, съ своими богатствами и нуждами, съ крайне разнообразными степенями развитія своихъ гражданъ и пр. имѣетъ болѣе нужды въ мѣстномъ самоуправленіи чѣмъ какое либо другое государство. И эта потребность равно настоятельна какъ для гражданъ, такъ и для самаго правительства. Есть ли возможность изъ Петербурга завѣдывать, хотя чрезъ посредство губернскаго начальства, мостами, гатями, дорогами, школами, больницами, богадѣльнями, запасными магазинами, застрахованіемъ сельскихъ строеній и пр.? Есть ли

возможность изъ Петербурга или даже изъ губернскаго города, назначать съ сознаніемъ тѣ сотни служащихъ, которые необходимы для веденія мѣстнаго хозяйства и мѣстнаго судопроизводства? Есть ли наконецъ возможность высшему правительству, находящемуся въ нѣсколькихъ сотняхъ и тысячахъ верстъ отъ управляемыхъ мѣстностей, имѣть надлежащій надзоръ за всѣми частями мѣстной администраціи? Нѣтъ! такія задачи не подъ силу самымъ способнымъ, самымъ трудолюбивымъ, коротко знающимъ свою страну государственнымъ людямъ. Сознанію этой истины земство обязано своимъ возстановленіемъ: правительство даровало ему права, и всѣ разряды народонаселенія дружно соединились для принятія этихъ правъ и для пользованія ими; даже люди, сперва предполагавшіе воздерживаться отъ участія въ дѣлахъ земства, не отстали отъ прочихъ. Такъ мысль о земствѣ была дорога всѣмъ Русскимъ и жива въ ихъ сознаніи!

Вступленіе земства въ отправленіе своихъ обязанностей было соединено съ многоразличными и весьма значительными затрудненіями. Оно нашло уѣздное и губернское хозяйство въ самомъ растроенномъ положеніи: мосты по большой части были ветхіе и исправлялись только передъ проѣздомъ губернаторовъ или другихъ важныхъ особъ, а въ остальное время всѣ принуждены были ѣздить мимо мостовъ, подвергая часто опасности свою жизнь, лошадей и везомую кладь; на перевозахъ грабили, а солдаты, приставленные для надзора, только усиливали поборы, требуя часть ихъ и на свою долю; хлѣбные магазины были почти всегда и вездѣ пусты;

больницы содержались такъ, что въ нихъ болѣзни усиливались, а не излѣчались; школы существовали только по вѣдомостямъ; а статистическихъ свѣдѣній, совершенно необходимыхъ для всякаго правильнаго управленія, не было въ сборѣ почти никакихъ, ибо невозможно было считать таковыми тѣ, которые ежегодно, въ очищеніе номера, отправлялись къ губернаторамъ (*). Притомъ передача въ завѣдываніе земства этого растроеннаго хозяйства производилась администраціею почти повсемѣстно съ такими пріемами и формальностями, которыя только затрудняли и замѣдляли окончаніе дѣла. Изъ этого возникали стол-

(*) Вотъ два случая, вполнѣ характеризующіе способъ собиранія статистическихъ свѣдѣній земскою полиціею:

1-й. Привозитъ исправникъ къ предводителю вѣдомость объ урожаѣ хлѣбовъ въ уѣздѣ, на бѣло переписанную и къ отсылкѣ приготовленную. Предводитель замѣчаетъ исправнику, что урожай показанъ чрезъ чуръ малымъ. Исправникъ видитъ основательность этого замѣчанія и призадумывается; но вдругъ блеснула ему счастливая мысль: „ничего“ говоритъ онъ, „можно бѣдѣ помочь, не переписывая бумаги: стоитъ прибавить по одному нулю къ цифрамъ урожая и дѣло съ рукъ сойдетъ“.

2-й. Одинъ прикащикъ входитъ осенью къ своему помѣщику, прибывшему въ первый разъ въ имѣніе и спрашиваетъ: „прикажете отправить къ исправнику вѣдомость объ урожаѣ“? Какъ опыты урожая еще не были сдѣланы, то такой вопросъ удивилъ помѣщика, и онъ спросилъ прикащика о томъ, какъ онъ покажетъ урожай? Прикащикъ удивленный такимъ вопросомъ, спокойно отвѣчалъ: „въ этомъ нѣтъ никакого затрудненія—вотъ уже лѣтъ десять какъ мы переписываемъ вѣдомость, составленную покойнымъ вашимъ батюшкою, и полиція остается довольною, что мы всегда въ срокъ подаемъ нашу вѣдомость“.

кновенія, жалобы, объясненія, изслѣдованія и наконецъ рѣшенія; а между тѣмъ время бѣжало и разстройство по всѣмъ частямъ хозяйства увеличивалось.

Когда въ первый разъ собралось земство, хотя живущее въ одномъ и томъ же уѣздѣ, или въ одной и той же губерніи, однако составленное изъ разнородныхъ, мало другъ другу знакомыхъ личностей, естественно, что оно нѣсколько призадумалось, стало осматриваться, и дѣйствуя не для очистки померовъ, а въ собственномъ дѣлѣ, захотѣло сперва его узнать. Осажденное со всѣхъ сторонъ требованіями о пособіи, о разрѣшеніяхъ, объ утвержденіяхъ и пр. оно сочло долгомъ дѣйствовать осторожно какъ изъ опасенія промаховъ, такъ и изъ боязни причинить себѣ вредъ и убытки. Недоброжелатели земства подняли крикъ, что земство ничего не дѣлаетъ, что управы стóятъ дороже чѣмъ казенныя управленія, что дороги и мосты стали еще менѣе удобопроѣзжи чѣмъ прежде, что больницами, школами и прочими необходимыми учрежденіями занимаются только на словахъ, и что въ дѣйствительности общественное хозяйство вообще приходитъ еще въ худшее противъ прежняго положеніе. Эти жалобы и обвиненія, конечно, не смущали людей, живущихъ во внутренности имперіи, знавшихъ какъ дѣло дѣйствительно обстоитъ; но эти рѣчи нашли вѣру у людей пребывающихъ въ столицахъ и особенно въ Петербургѣ, и знакомыхъ болѣе съ тѣмъ, что дѣлается въ Парижѣ, чѣмъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи.

Теперь прошло первое трехлѣтіе земской дѣятельности и мы можемъ окинуть его взглядомъ. Пути сообще-

нія почти вездѣ значительно улучшились; много безполезныхъ большихъ дорогъ упразднено; новыя дороги требуемыя промышленностью и торговлею, проложены; мосты и гати исправляются, такъ что во всякое время можно ѣздить по нимъ безопасно; больницы и врачебная часть по уѣздамъ устроиваются; хлѣбные магазины наполняются хлѣбомъ въ количествахъ небывалыхъ; земское взаимное застрахованіе строеній не только введено, но вездѣ идетъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ; сельскія школы хотя еще мало умножаются, но сознаніе необходимости распространенія грамотности въ народѣ до того усилилось въ земствѣ, что многія губернскія собранія предположили устроить училища для образованія сельскихъ учителей, и что почти всѣ уѣздныя собранія назначили болѣе или менѣе значительныя суммы въ пособіе сельскимъ школамъ. Сверхъ того, во многихъ мѣстностяхъ, сборы земскіе взимаются уже не поровну со всякой земли, а по разсчету ея доходности; для чего губерніи раздѣлены на полосы, а уѣзды на мѣстности, которыя и платятъ сборъ, смотря по плодородію земли и по другимъ выгодамъ, съ нею соединеннымъ. Кой гдѣ пошли даже далѣе: земли оцѣнены по родамъ ихъ употребленія. Нельзя упустить изъ вида и того, что управы и собранія теперь сознаютъ все болѣе и болѣе важность своего призванія и лежащую на нихъ отвѣтственность; что люди способные выказываются; что понятія о службѣ общественной созрѣваютъ; и что установляются такіе способы общественнаго хозяйничанія, которые были не мыслимы при казенномъ управленіи, и которые даютъ возможность производить рабо-

ты и подряды и лучше и дешевле. Но всего важнѣе то, что земство сплотняется, что землевладѣльцы-дворяне, по своему просвѣщенію, достаткамъ и опытности въ дѣлахъ управленія, становятся въ главѣ земства, что крестьяне вовсе не выказываютъ къ нимъ недоброжелательства, а напротивъ того, весьма охотно принимаютъ ихъ совѣты, предложенія и разъясненія, и рѣдко подаютъ свой голосъ отдѣльно. Купцы и духовенство, хотя менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, не возбуждаютъ однако розни въ земствѣ. Однимъ словомъ земское дѣло идетъ впередъ, лучше чѣмъ можно было даже ожидать.

Знаемъ, что не вездѣ послѣдствія земскаго управленія одинаковы: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ назначены служащимъ по земству большія жалованія, что́ совершенно противурѣчитъ достоинству и существу земской дѣятельности; иныя губернскія собранія захватываютъ то, что́ должно принадлежать вѣдѣнію уѣздныхъ собраній; тамъ и сямъ проявляются сословныя претензіи; но возможно ли такому новому, важному, одновременно въ 33 губерніяхъ пущенному въ ходъ дѣлу, войти въ жизнь общественную однообразно, вездѣ съ равнымъ успѣхомъ и при одинаковомъ содѣйствіи всѣхъ разрядовъ народонаселенія. Существенно важно то, что вездѣ земскія учрежденія пошли въ ходъ; что нигдѣ не проявилось явной, коренной розни между различными состояніями; что ошибки, промахи, упущенія составляютъ исключенія въ дѣятельности земскихъ собраній; что своекорыстныя дѣйствія членовъ управъ почти безпримѣрны; и что земская жизнь становится существенною частью на-

шей деревенской жизни. Такія послѣдствія земской дѣятельности, полученныя въ три года, суть непреложныя ручательства за будущность и крѣпость нашего земства вообще.

И все это совершилось при обстоятельствахъ, далеко не благопріятныхъ для вступленія земства въ жизнь, ему предназначенную. Только за три года предъ изданіемъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, уничтожены были узы крѣпостнаго права, сковывавшія два состоянія, которыя должны были явиться главными дѣятелями въ жизни земской. Перемѣна эта была не постепенная ни въ отношеніи времени, ни въ отношеніи сущности дѣла, а быстрая и коренная. И не смотря на то, не вооружились другъ противъ друга ни помѣщики для возврата утраченнаго, ни крестьяне для отмщенія за прошлое. Напротивъ того, гласные отъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и гласные отъ крестьянъ сѣли за одинъ столъ, какъ будто вѣкъ за нимъ сидѣли, и занялись общими дѣлами, не поминая прошедшаго и имѣя въ виду только настоящее и будущее. Это—великолѣпное свойство русскаго характера, свойство не помнить зла и соединяться какъ только можно и нужно; оно одно объясняетъ существованіе такой пространной имперіи какова Россія и должно служить ей на всегда главнымъ руководителемъ въ ея внутренней политикѣ. — Не могла не отозваться неблагопріятно, на начало земской дѣятельности, и затруднительность нашихъ финансовыхъ дѣлъ вообще. Недостатокъ въ деньгахъ и у землевладѣльцевъ и у крестьянъ; застой торговли, пріостановленіе промышленныхъ заведеній и предпріятій—все это крайне стѣсняло дѣйствія земства.—Кромѣ этихъ общихъ, изъ обстоятельствъ

времени и самаго дѣла возникшихъ затрудненій къ развитію земскихъ учрежденій, были еще другія, которыя оказались для нихъ тѣмъ тягче, чѣмъ прямѣе они къ нимъ относились и чѣмъ они были неожиданнѣе.

1) Нѣкоторыя земскія собранія, въ первые годы своего существованія, неномѣрно обложили торговыя и промышленныя свидѣтельства и билеты, а равно патенты на винокуренные заводы и питейныя заведенія. Вслѣдствіе этого, возникли отъ разныхъ лицъ жалобы; и сверхъ того въ министерствѣ финансовъ, возникло опасеніе, чтобы высокіе сборы, въ пользу земства, съ винокуренія и съ торговли виномъ не повредили акцизнымъ доходамъ.

Почему 21 ноября 1866 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ, что земской сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ, а также съ патентовъ на винокуренные заводы и питейныя заведенія, не долженъ превышать 25% взносимой въ казну цѣны, а со всѣхъ прочихъ установленныхъ закономъ торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ и съ билетовъ на содержаніе открытыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, этотъ сборъ не долженъ быть выше 10% взносимой въ казну цѣны. Это ограниченіе сбора съ одного предмета, при неограниченности сбора со всѣхъ прочихъ предметовъ обложенія, и при постепенномъ и неминуемомъ возрастаніи земскихъ расходовъ вообще, поставило купечество въ исключительное положеніе. Оно стало смотрѣть равнодушно на всѣ вновь предлагаемые расходы или на увеличеніе существующихъ расходовъ; оно утратило чувство

тѣсной связи съ остальнымъ земствомъ; а потому съ 1867 года оно принимаетъ слабое участіе въ дѣлахъ земства, говоря: „намъ здѣсь дѣлать нечего — меньше положеннаго не возьмете, а болѣе того потребовать не смѣете“. Конечно необходимо было защитить въ земскихъ собраніяхъ меньшинство торговыхъ и промышленныхъ людей отъ большинства, состоящаго изъ землевладѣльцевъ и крестьянъ; но слѣдовало это сдѣлать такъ, чтобы *купцы и промышленники оставались связанными общимъ интересомъ съ прочими членами земства.* Если бы, вмѣсто назначенія процентовъ съ суммъ, платимыхъ въ казну и потому неизмѣнныхъ, свидѣтельства, билеты и патенты были опредѣлены *по цѣнности представляемыхъ или капиталовъ,* то процентъ обложенія съ земель, строеній и всякаго рода свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ могъ бы быть одинъ и тотъ же; тогда торговцы и промышленники имѣли бы равный интересъ съ землевладѣльцами и крестьянами въ увеличеніи и сокращеніи расходовъ.

Цѣнность капиталовъ, представляемыхъ свидѣтельствами, билетами и патентами могла быть по каждому изъ нихъ опредѣлена правительствомъ или прямо цифрами или указаніемъ на какія цифры должны быть помножаемы цѣны, платимыя въ казну за упомянутые документы. Пока правительство не рѣшило какой *maximum* земскаго сбора можетъ быть допущенъ съ цѣнъ платимыхъ въ казну за свидѣтельства, билеты и патенты, до тѣхъ поръ еще можно было недоумѣвать на счетъ того, какую цѣнность назначить капиталамъ, представляемымъ этими документами или какіе множители должны быть

указаны, для полученія цифры этихъ капиталовъ. Но какъ скоро рѣшено было дозволить земствамъ брать съ гильдейскихъ свидѣтельствъ и съ патентовъ на винокуренные заводы и на питейныя заведенія по 25%, а со всѣхъ прочихъ свидѣтельствъ и билетовъ по 10% съ цѣнъ, платимыхъ въ казну, то всякое неудомѣніе должно было исчезнуть и уже нетрудно было опредѣлить прямо цѣнность капиталовъ по каждому свидѣтельству, билету и патенту, или указать множителей для полученія цифръ капиталовъ. Оставалось только, по 33 губерніямъ, въ которыхъ существуютъ земскія учрежденія, вывести среднюю цифру обложенія въ пользу земства съ оцѣночнаго рубля собственности, и тогда нужныя цыфры были бы получены. Если средняя цифра обложенія оказалась бы приблизительно въ $^1/_4$ коп. съ рубля или по 2 р. 50 к. съ тысячи, какъ должно полагать по большинству извѣстныхъ земскихъ раскладокъ, то пришлось бы только суммы, платимыя въ казну за свидѣтельства и патенты перваго рода, помножить на 100, а свидѣтельства и билеты втораго рода—на 40, и цифры капиталовъ были бы опредѣлены. Такъ свидѣтельство 2-й гильдіи стоющее 65 руб., представляло бы капиталъ въ 6500 руб. и съ него платежъ былъ бы 16 руб. 25 коп., т. е. то, что платится теперь; свидѣтельство на мелочной торгъ 1-го класса, стоющее 20 руб. и дающее нынѣ въ пользу земства не свыше 10%, было бы оцѣнено въ 800 руб.; по винокуреннымъ заводамъ за патентъ на каждыя 560 ведеръ емкости квасильныхъ чановъ платится въ пользу казны по 10 руб., и допущенъ земскій сборъ не свыше 25%, а потому такой

патентъ представлялъ бы капиталъ въ 1000 рублей; а промысловое свидѣтельство въ 2 руб. 50 коп. платящее въ пользу земства не свыше 25 коп. равнялось бы капиталу въ 100 рублей. При средней цифрѣ обложенія, всѣ свидѣтельства, билеты и патенты платили бы то, что они и нынѣ платятъ; но при повышеніи или пониженіи цифры обложенія, они платили бы болѣе или менѣе, глядя потому повышается или понижается смѣта земскихъ расходовъ *). Предлагаемый нами способъ капитализаціи свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, и обложенія представляемыхъ ими капиталовъ далъ бы возможность уравнительно облагать сборомъ въ пользу земства всѣ состоянія, входящія въ его составъ, и такимъ образомъ возстановилъ бы нарушенное единство земства, оградивъ притомъ его меньшинство отъ непомѣрныхъ требованій большинства. Такое измѣненіе весьма желательно

(*) Если бы средняя цифра обложенія оказалась не въ $^1/_4$ к., а приблизительно въ $^1/_3$ или $^1/_5$ коп. съ оцѣночнаго рубля собственности, то, въ первомъ случаѣ, цѣны свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ слѣдовало бы помножать на 75 и 30, а въ послѣднемъ—на 125 и 50, и первоначальные платежи въ пользу земства были бы именно тѣ, какіе правительствомъ опредѣлены. Съ установленія постоянныхъ платежей съ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, т. е. съ ноября 1866 года, цифра обложенія значительно усилилась, ибо расходы увеличились, а торговля и промышленность остались при первоначальныхъ платежахъ. Въ этомъ именно и заключается недостатокъ существующаго способа обложенія торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ. А потому справедливость требуетъ принять не теперешнюю а первоначальную цифру обложенія, т е. ту, которая существовала въ 1866 году.

и теперь вполнѣ своевременно, ибо торговцы и промышленники еще не успѣли вполнѣ отдѣлиться отъ земства.

II. Нѣкоторыя земства, въ первыхъ своихъ собраніяхъ, увлеклись за предѣлы указаннаго имъ круга дѣйствія и завели полемику съ мѣстными администраціями. Въ отношеніи послѣдняго обстоятельства не беремъ на себя рѣшить: кто былъ въ этомъ случаѣ болѣе виновенъ; ибо знаемъ, что губернскія и уѣздныя администраціи, во многихъ мѣстностяхъ, весьма недоброжелательно относились къ земскимъ собраніямъ и управамъ, неохотно выпускали изъ своихъ рукъ завѣдываніе мѣстнымъ уѣзднымъ и губернскимъ хозяйствомъ, и часто оставляли безъ отвѣта или безъ удовлетворенія вполнѣ законныя требованія земскихъ управъ. Такія столкновенія, а еще болѣе неосторожныя или даже неумѣстныя выходки земскихъ и другихъ собраній, побудили правительство издать, 13 іюля 1867 года, постановленіе о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Этимъ законоположеніемъ даны предсѣдателямъ такія права, что собранія во всемъ должны имъ безпрекословно подчиняться: предсѣдатели опредѣляютъ очередь для доклада дѣлъ; они прекращаютъ самое разсужденіе по дѣламъ, разсматриваемымъ собраніями, если сочтутъ, что члены удаляются отъ вопроса; они останавливаютъ того изъ членовъ собранія, который уклоняется отъ соблюденія порядка и уваженія къ закону, и въ случаѣ безуспѣшности двукратнаго о томъ напоминанія, лишаютъ этого члена, по собственному усмотрѣнію, права рѣчи по тому вопросу, по коему имъ допущено нарушеніе порядка;

они имѣютъ право признавать несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ предметовъ вѣдомства собранія, предложенія одного или нѣсколькихъ членовъ, и за тѣмъ не допускать къ обсужденію этого предложенія; и члены, недовольные такимъ рѣшеніемъ предсѣдателя, имѣютъ только право изложить о томъ свое мнѣніе письменно и пріобщить его къ журналу. Вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность предсѣдателя, за допущеніе постановленія нарушающаго предѣлы правъ собранія, такъ значительна, что этимъ связанъ не только предсѣдатель, но и каждый членъ, постоянно опасающійся подвергнуть предсѣдателя отвѣтственности, и это тѣмъ тягче, чѣмъ предсѣдатель лучше. При такихъ обстоятельствахъ, и предсѣдатель и члены менѣе заняты дѣломъ, т. е. обсужденіемъ предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, чѣмъ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы не выдти изъ предѣловъ круга своего дѣйствія. А кругъ этотъ, казавшійся сперва положительно опредѣленнымъ, теперь сдѣлался до того неяснымъ и сомнительнымъ, что на каждомъ шагу рождается сомнѣніе: подлежитъ ли это вѣдѣнію земства? Такъ, въ одной губерніи, предсѣдатель не допустилъ къ обсужденію предложеніе нѣсколькихъ членовъ о ходатайствѣ передъ высшимъ правительствомъ о томъ, чтобы разрѣшено было печатать отчеты и пренія въ земскихъ собраніяхъ, безъ предварительной цензуры со стороны гражданскаго начальства. Такъ, въ другой губерніи, предсѣдатель не хотѣлъ допустить къ обсужденію предложеніе о ходатайствѣ передъ высшимъ правительствомъ объ упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ и о распредѣленіи ихъ обязанностей меж-

ду мировыми судьями, земскою управою и полиціею. Да мало ли самыхъ невѣроятныхъ случаевъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ обширности правъ, предоставленныхъ предсѣдателямъ!

Эти права до того тягостны для самихъ предсѣдателей, что лица, которыя могли бы съ пользою для дѣла занять мѣста предводителей, т. е. предсѣдателей земскихъ собраній, уклоняются отъ этихъ должностей, не желая, съ одной стороны, быть всемогущими судьями и рѣшителями судьбы мнѣній своихъ собратій, а съ другой опасаясь отвѣтственности за допущеніе преній и предложеній по предметамъ, которые могутъ *показаться* губернскому или высшему начальству выходящими за предѣлы вѣдомства земскихъ собраній.

А предѣлы эти до того теперь сомнительны, что одинъ губернаторъ, основываясь на ст. 7-й Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, призналъ недѣйствительнымъ постановленіе одного уѣзднаго земскаго собранія, которое положило только представить губернскому собранію о томъ, *не сочтетъ ли оно удобнымъ ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ* объ упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ и о распредѣленіи ихъ обязанностей какъ выше было упомянуто, т. е. между мировыми судьями, земскою управою и полиціею. Въ той же губерніи, губернаторъ призналъ недѣйствительнымъ постановленіе уѣзднаго собранія, положившаго представить губернскому собранію о томъ, *не сочтетъ ли оно возможнымъ ходатайствовать* предъ высшимъ правительствомъ о замѣнѣ постоянной постойной повинности, крайне тягостной для крестьянъ, размѣще-

ніемъ войскъ въ казармахъ, имѣющихъ быть устроенными на счетъ государственнаго земскаго сбора. Эти ходатайства могутъ быть правительствомъ, по государственнымъ соображеніямъ, отклонены; но объявлять недѣйствительными постановленія касательно *самой мысли* о такомъ ходатайствѣ, и такую *мысль* считать какъ бы уже *дѣйствіемъ*, выходящимъ изъ круга дѣлъ, предназначенныхъ для земскихъ собраній, и притомъ на основаніи ст. 7 Положенія о зем. учрежд., значитъ давать этой статьѣ смыслъ черезъ чуръ широкій и произвольный.

Вполнѣ признавая необходимость удержанія земскихъ собраній въ границахъ, ихъ дѣятельности положенныхъ, и на почвѣ существующихъ узаконеній, а равно—пользу утвержденія порядка въ засѣданіяхъ земства, мы не думаемъ однако, чтобы мѣры, узаконенныя 13 іюня 1867 года, достигали своей цѣли. Правительство желаетъ устранить неумѣстныя выходки членовъ собранія и нарушенія ими существующихъ законовъ; но оно, конечно, не имѣетъ въ виду порабощенія собраній предсѣдателямъ, лишенія членовъ всякой самостоятельности, и возложенія отвѣтственности за дѣйствія членовъ собранія и за постановленія самаго собранія, на однихъ предсѣдателей. А между тѣмъ, къ такимъ послѣдствіямъ ведутъ упомянутыя мѣры. Правительство, даровавшее намъ, по собственному изволенію, земскія учрежденія, не можетъ имѣть въ виду лишеніе ихъ всякой силы и значенія; а потому мы питаемъ твердую надежду, что узаконеніе, оказавшееся, по своимъ послѣдствіямъ, зашедшимъ далѣе намѣреній правительства,

будетъ замѣнено такимъ, которое возстановитъ отвѣтственность каждаго за свои дѣйствія, возвратитъ собраніямъ самостоятельность, и оставитъ за предсѣдателями только тѣ права, которыя вполнѣ ясно опредѣлены въ общихъ узаконеніяхъ.

Что касается до употребленія во зло ст. 7 Положенія о зем. учреж., то конечно министерство внутреннихъ дѣлъ не замѣдлитъ циркулярно разъяснить губернаторамъ, что эта статья относится до постановленій и распоряженій земскаго собранія, которыми нарушается кругъ дѣйствія правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій, а вовсе не до *ходатайствъ*, которыми не можетъ быть нарушенъ ни чей кругъ дѣйствія. Ходатайства равно полезны какъ для собраній, такъ и для правительства: первыя чрезъ то высказываютъ свои нужды, а послѣднее ихъ узнаетъ, и всегда имѣетъ возможность оставить ихъ безъ всякихъ послѣдствій, или принять къ свѣдѣнію, или по возможности ихъ удовлетворить. А потому возможно бо́льшая свобода въ этомъ отношеніи не только желательна, но, въ видахъ общаго блага, совершенно необходима.

III. Земскія учрежденія въ началѣ своего существованія пользовались правомъ, подъ своею отвѣтственностью, безъ предварительной цензуры, печатать свои отчеты и преніа. Тогда газеты, наперерывъ одна передъ другой, сообщали о дѣятельности земскихъ собраній; общественное мнѣніе живо ими интересовалось; и начинало возникать общеніе между уѣздными и губернскими учрежденіями. Они стояли не одиночно, зная, что дѣлаютъ другія собранія и управы; всѣ они работали не

въ тайнѣ, а подъ благодѣтельнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія; и неудобствъ отъ такой гласности не оказывалось никакихъ, кромѣ нѣкоторыхъ непріятностей и безпокойствъ для мѣстной администраціи, которой иногда незаконныя, а еще чаще медленныя дѣйствія въ отношеніи къ земскимъ учрежденіямъ, оглашались во всеуслышаніе, и которая, въ избѣжаніе этого, должна была поступать осторожнѣе, и распоряжаться если не быстрѣе, то по крайней мѣрѣ съ меньшею медленностью. Мѣстные администраторы, обезпокоенные, раздраженные опубликованіемъ, на всю Россію, ихъ дѣйствій, подняли страшный шумъ, представляли собранія и даже управы чуть чуть не гнѣздами заговорщиковъ и бунтовщиковъ, и увѣряли, что, при такой будто-бы непомѣрной гласности, нѣтъ возможности управлять губерніями. Нѣсколько неосторожныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ земскихъ собраніяхъ и напечатанныхъ въ газетахъ, окончательно подкрѣпили авторитетъ увѣреній и жалобъ мѣстной администраціи, и тогда, т. е. 13 іюня 1867 г., состоялось другое Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, запрещавшее, *безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства*, печатать состоявшіяся, въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и пр., а равно предшествовавшія имъ суженія, пренія и рѣчи. Дѣйствіе этого закона было самое тяжкое: газеты и журналы замолкли о дѣйствіяхъ земскихъ и другихъ собраній, не вслѣдствіе какого либо соглашенія между ними, а вслѣдствіе невозможности печатать получаемыя кореспонденціи безъ отсылки ихъ

вновь въ тѣ мѣста, откуда онѣ были получены, на предварительную цензуру мѣстныхъ губернскихъ начальствъ; и вслѣдствіе того, что всѣ кореспонденты отказались предварительно представлять губернаторамъ свои отчеты о засѣданіяхъ собраній. Вполнѣ естественно и то и другое: въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, имѣетъ особенный интересъ лишь то, что вчера или на дняхъ случилось, а происшедшее тому назадъ мѣсяцъ или два мѣсяца, есть достояніе исторіи, а не современности. Еслибы издатели журналовъ рѣшились, получаемые ими отчеты о засѣданіяхъ разныхъ собраній, отправлять на предварительную цензуру мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, то, при медленности и неисправности нашихъ почтъ, и при еще большей медленности и неисправности нашихъ бюрократическихъ учрежденій, легко бы могло случиться, что упомянутые отчеты печатались бы шесть мѣсяцевъ и годъ спустя, т. е. тогда, когда новыя собранія уже лишили бы интереса дѣйствія предыдущихъ. Что же касается до кореспондентовъ, то они находятся въ совершенной невозможности представлять свои отчеты предварительно на цензуру мѣстнаго начальства, ибо эти люди вообще не пользуются благорасположеніемъ гг. губернаторовъ, которые видятъ въ нихъ нарушителей, если не общественнаго, то по крайней мѣрѣ ихъ собственнаго спокойствія. Извѣстны и забавны курьезы, порожденные предварительною цензурою губернскихъ начальствъ; „Сѣверная почта“ сочла долгомъ ихъ нѣсколько оправдать; но ея слова не убѣдили никого, ибо очевидно было, что она сама имъ не вѣрила. Съ тѣхъ поръ цензура

губернскихъ начальствъ не смягчается, и продолжаетъ являться въ самыхъ неожиданныхъ видахъ. Такъ еще въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1868 года, журналы засѣданій одного земскаго уѣзднаго собранія, печатаемые земскою управою, подверглись сокращенію, а именно не разрѣшено было печатать все относящееся до постановленій земства о тѣхъ ходатайствахъ, о которыхъ было упомянуто выше на стр. 16 и 17; хотя, ни въ преніяхъ, ни въ самомъ изложеніи дѣла, не было ни одного слова, которое могло бы заставить задуматься самаго трусливаго обыкновеннаго цензора. Губернаторомъ не были пропущены эти статьи журнала только потому, что эти постановленія имъ, губернаторомъ, объявлены были недѣйствительными.

При такой стѣсненной гласности по дѣламъ земскихъ собраній, каждое изъ нихъ работаетъ отдѣльно, не можетъ пользоваться счастливыми мыслями и опытностью другихъ собраній, и даже не въ состояніи обстоятельно и своевременно отдавать отчетъ въ дѣйствіяхъ своимъ довѣрителямъ. При подобномъ положеніи, можетъ ли настоящимъ образомъ выработаться земская дѣятельность? Могутъ ли улучшенія по раскладкѣ повинностей, по устройству школъ, больницъ, врачебной части въ уѣздахъ, богадѣленъ и пр., по дорожнымъ сооруженіямъ, по оцѣнкѣ имуществъ, по собиранію статистическихъ свѣдѣній и пр. распространяться и становиться общимъ достояніемъ земства? Не могутъ ли, при такой ограниченной и поздней гласности, нѣкоторыя земскія собранія и уѣздныя и губернскія, увлекаясь сословными интересами, дѣйствовать вопреки интересамъ земства?

Къ сожалѣнію, на первые два вопроса нельзя отвѣчать иначе, какъ отрицательно, а на послѣдній—утвердительно. И такіе отвѣты не основаны на предположеніяхъ и опасеніяхъ, а извлечены изъ дѣйствительности.

А потому весьма желательно, чтобы это постановленіе, вызванное не настоящими нуждами страны или правительства, а только жалобами мѣстной администраціи и опасеніями Богъ вѣсть чего, было какъ можно скорѣе отмѣнено. Оно всего болѣе задерживаетъ успѣхи земской дѣятельности; ибо безъ гласности, по возможности полной, успѣшная земская дѣятельность немыслима. Отмѣна этого постановленія тѣмъ необходимѣе, что у насъ земское дѣло вовсе не привлекаетъ къ себѣ излишняго числа дѣятелей; что оно требуетъ труда, а мы вовсе на него не падки; что предметы, подлежащіе обсужденію земства, по существу своему, вовсе не завлекательны; и что весьма многіе изъ землевладѣльцевъ, которыхъ особенно желательно привлекать къ земскому дѣлу, оправдываютъ свое уклоненіе отъ него тѣми стѣснительными мѣрами, которыя были приняты въ 1867 году.

Упрекаютъ земство вообще въ слабой дѣятельности и въ нерадивомъ посѣщеніи земскихъ собраній. Эти обвиненія конечно не вполнѣ лишены основанія; но чья въ томъ главная вина? Неправы конечно гласные, уклоняющіеся отъ исполненія своихъ обязанностей и не превозмогающіе того тяжелаго чувства и тѣхъ непріятностей, которыя причиняютъ имъ полновластіе предсѣдателей и произволъ губернаторовъ; но нельзя признать свободными отъ упрека и тѣ обстоятельства, которыя стѣсняютъ, затрудняютъ, дѣлаютъ крайне тяжкою

земскую дѣятельность. Завѣдываніе мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ чрезъ людей мѣстныхъ, выгодно для совокупности мѣстныхъ жителей и для правительства; но для гласныхъ, даже для членовъ управъ, эта служба не есть выгода, а повинность. Всякій порядочный членъ управы, на службѣ по желѣзнымъ дорогамъ, на коронномъ мѣстѣ или при занятіи сельскимъ хозяйствомъ, пріобрѣтетъ много болѣе, чѣмъ что онъ получитъ по своему мѣсту въ управѣ. Если находятся люди, ревностно посвящающіе себя земской службѣ, то необходимо ихъ поощрять, конечно не наградами, а доставленіемъ имъ возможности и удобствъ къ успѣшной дѣятельности. Земство, хорошо это зная, съ искреннею благодарностью относится къ людямъ, принимающимъ на себя бремя общественной службы. Желательно, чтобы правительство, возвратившее земству жизнь, сознало также эту истину, и дало ему возможность, въ отведенной области, дѣйствовать самостоятельно и свободно; ибо только такая дѣятельность привлечетъ къ себѣ людей лучшихъ, увеличитъ ихъ рвеніе и будетъ дѣйствительно полезною для земства, для правительства и для всего государства.

Знаемъ, что много разныхъ жалобъ и обвиненій предъявляется противъ земства, и что почти столько же предложеній дѣлается въ видахъ его выпрямленія, очищенія и улучшенія. О тѣхъ и о другихъ мы говорили, и разбирали ихъ въ особой статьѣ, нынѣ нами перепечатываемой въ Приложеніяхъ (№ 1); здѣсь мы скажемъ, по этому предмету, только нѣсколько словъ. Не совсѣмъ честно, подъ видомъ дружбы, желанія добра учрежденію,

подкапываться подъ его коренныя начала. Лучше сказать откровенно: мы не хотимъ земства, а желаемъ, чтобы дворянство стояло особнякомъ, въ званіи господствующаго сословія; и чтобы порядокъ и все устройство, при поддержкѣ со стороны правительства, исходили отъ этого высшаго въ государствѣ сословія. Предлагать же ограниченіе выборнаго начала и включеніе въ земскія собранія гласныхъ не по выбору, а по цензу; увѣрять, что поземельная собственность вообще и въ особенности крупная, недостаточно ограждена, и что для этого необходимо усилить поземельное представительство; проповѣдовать безвозмездную земскую службу и такимъ образомъ устранять изъ нея людей не только недостаточныхъ, хотя способныхъ, но и тѣхъ, которые про себя имѣютъ средство къ жизни въ деревнѣ; и все это дѣлать во имя какихъ-то особенныхъ охранительныхъ началъ—значитъ дѣйствовать подъ вліяніемъ или крайняго ослѣпленія или своекорыстныхъ цѣлей. Истинно охранительныя начала коренятся у насъ въ земствѣ, т. е. въ совокупности землевладѣльцевъ, крестьянъ и горожанъ. У насъ, слава Богу, всѣ состоянія крѣпко привязаны къ уже существующему; даже лучшія нововведенія принимаются не безъ страха и не вполнѣ охотно; и самыя даруемыя права считаются народонаселеніемъ скорѣе повинностями, чѣмъ преимуществами и выгодами. При такомъ общемъ настроеніи, намъ нечего опасаться революціонеровъ, и изобрѣтать противъ нихъ какія-то искуственныя, привилегіями обставленныя, комбинаціи; опасны для насъ только люди, смущающіе другихъ пугаломъ революцій, у насъ невозможныхъ, видящіе

вездѣ и во всемъ заговоры, вредныя направленія, тайныя злоухищренія, соціализмъ, коммунизмъ, нигилизмъ и пр. пр. Отводя безпрестанно глаза съ себя на другихъ, небрезгая клевѣтою и выказывая постоянно, хотя и невольно, раздраженіе, эти люди сами себя уличаютъ въ недобрыхъ замыслахъ, которые они приписываютъ другимъ, или у страха глаза уже больно велики.

Въ заключеніе, выскажемъ надежду, даже увѣренность, что земство останется у насъ земствомъ, что ни одна изъ частей его, состоя изъ Русскихъ, не посягнетъ на цѣльность и права его, и что оно будетъ строго держаться на почвѣ законности, дѣйствуя въ области ему указанной, охраняя ее и не переступая границъ, его дѣятельности положенныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оживимъ себя упованіемъ, что Тотъ, Кто даровалъ земству жизнь, не оставитъ въ силѣ вновь установленныхъ ограниченій, стѣсняющихъ его дѣятельность, и возвратитъ земству единство, самостоятельность и гласность, поколебленныя постановленіями отъ 21 ноября 1866 и отъ 13 іюня 1867 года.

20 ноября 1868.

с. Песочня.

II.

ЧТО ТАКОЕ РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО, И ЧѢМЪ ОНО БЫТЬ ДОЛЖНО (*)?

I.

Нельзя не поблагодарить „День“ и за возбужденіе и за правильное постановленіе вопроса о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ значеніи дворянства у насъ на Руси. Вѣдь это для насъ не только вопросъ жизни или смерти, но и злоба дня сего, даже настоящаго часа.

(*) Эта статья написана была, въ декабрѣ 1861 года, по поводу вопроса, возбужденнаго въ то время газетою „День“, въ статьѣ И. С. Аксакова подъ заглавіемъ: „Дворянское дѣло“. Хотя съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, однако дѣло дворянское осталось не разрѣшеннымъ; а потому думаемъ, что эта статья, напечатанная въ первый разъ въ Лейпцигѣ въ 1862 году, еще не утратила смысла. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать къ ней нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ мы указываемъ измѣненія, происшедшія въ положеніи этого дѣла. Въ слѣдующей статьѣ, мы излагаемъ наши мысли о нынѣшнемъ состояніи этого вопроса и о мѣрахъ необходимыхъ, по нашему мнѣнію, къ окончательному его разрѣшенію. Съ дозволенія И. С. Аксакова, мы перепечатываемъ, въ Приложеніяхъ подъ № II, вышеупомянутую его статью.

Необходимо намъ повнимательнѣе вникнуть въ этотъ вопросъ, оцѣнить, безъ предубѣжденій, наше настоящее, и, отложа въ сторону и барскую спѣсь, и барскую лѣнь, и предразсудки всякаго рода и происхожденія, спросить себя откровенно: чѣмъ же мы должны быть въ будущемъ?

Мы не станемъ говорить объ историческомъ значеніи дворянства; эта сторона вопроса весьма вѣрно, хотя кратко, однако вполнѣ удовлетворительно разъяснена въ передовой, нами въ Приложеніяхъ перепечатываемой, статьѣ „Дня“; здѣсь мы разсмотримъ нынѣшнее положеніе дворянства, и осмѣлимся представить, на судъ нашихъ собратій, нѣсколько мыслей на счетъ того, чего мы должны ожидать отъ будущаго.

Многіе толкуютъ о дворянствѣ, о поддержаніи его сословной самостоятельности, о сохраненіи его правъ и преимуществъ; но знаютъ ли эти многіе, что̀ такое дворянство по той грамотѣ, которою они гордятся? Это опредѣленіе, отъ слова до слова, перешло въ Сводъ законовъ, т. IX. ст. 14, изд. 1857 года, и вотъ оно:

„Дворянское *названіе* есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами; чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему *наричаніе* благородное“.

Въ статьѣ 2-й того же тома сказано:

„Въ составѣ городскаго и сельскаго населенія, по различію правъ состоянія, различаются закономъ четыре *главные роды людей*; 1) дворянство, 2) духовенство, 3) городскіе обыватели и 4) сельскіе обыватели“.

Слѣдовательно, нигдѣ дворянство даже не названо сословіемъ, а просто состояніемъ; какую можетъ оно имѣть самобытность, когда всякій имѣетъ право въ него входить, безъ его вѣдома и согласія! Что это за аристократія, которая считаетъ своихъ членовъ сотнями тысячъ, и въ которой покрайней мѣрѣ четыре пятыхъ не имѣютъ куска насущнаго хлѣба.

Дворянство, и по закону и на самомъ дѣлѣ, есть только состояніе—названіе—парицаніе.

Но быть можетъ съ этимъ состояніемъ, названіемъ, парицаніемъ, соединены какія либо значительныя права и преимущества? Откроемъ томы IX и III, и посмотримъ, что они намъ представляютъ.

1) Дворяне каждой губерніи составляютъ отдѣльное общество (Т. IX ст. 88).

Но и купцы и мѣщане и крестьяне имѣютъ свои отдѣльныя общества, пользуясь надъ дворянами тѣмъ преимуществомъ, что они живутъ вкупѣ и имѣютъ свои мѣстные интересы, а дворяне каждой губерніи разсѣяны по всей Имперіи и общаго между ними лишь одно названіе; общихъ же дѣлъ мѣстныхъ они никакихъ не имѣютъ.

2) Дворяне имѣютъ право, для совѣщанія по общественнымъ своимъ дѣламъ, составлять собранія. (ст. 90).— Обыкновенныя собранія бываютъ чрезъ три года, въ опредѣленное время, съ дозволенія и по распоряженію начальника губерніи (ст. 92).—Для производства выборовъ и прочихъ дѣлъ назначается до пятнадцати дней (т. III. Уставъ о службѣ по выборамъ, ст. 116). — Чрезвычайныя собранія составляются по созыву губерн-

скаго предводителя дворянства, съ разрѣшенія начальника губерніи (т. III ст. 95).

И эти права имѣютъ люди прочихъ состояній въ государствѣ, съ тою только разницею, что староста можетъ, во всякое время, созвать крестьянъ на сходку, не спрашиваясь кого бы то ни было; а уѣздный предводитель не вправѣ собрать своихъ дворянъ, даже въ уѣздное собраніе, не получивши на то предварительно разрѣшенія отъ начальника губерніи.

3) Дворянство имѣетъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ, представлять объ оныхъ, чрезъ губернскаго предводителя, начальнику губерніи и министру внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ, приносить всеподданнѣйшія прошенія Императорскому Величеству (т. III. ст. 112).

Это право конечно весьма значительно, но должно ли оно оставаться исключительнымъ преимуществомъ дворянства? Не слѣдуетъ ли его распространить на всѣ прочія состоянія? Возможно ли лишить какое либо общество права совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ, и доводить о томъ, по начальству, до свѣдѣнія высшаго правительства. — Всякій въ Русскомъ царствѣ имѣетъ право, лично или по почтѣ, подать Государю свое всеподданнѣйшее прошеніе; неужели совокупность отдѣльныхъ личностей — общество, будетъ лишено этого права? Нѣтъ! такое ограниченіе не согласно ни съ духомъ времени, ни съ духомъ правительства, положившаго конецъ крѣпостной зависимости людей.

4) Дворянство имѣетъ право выбирать, не только своихъ предводителей, депутатовъ и прочихъ служащихъ

по дѣламъ, исключительно дворянскимъ, но и предсѣдателей палатъ, совѣстнаго судью, уѣздныхъ судей, земскихъ исправниковъ и засѣдателей разныхъ палатъ и судовъ.

Очевидно, что это право, послѣ обнародованія Положеній 19 февраля 1861 г., не можетъ оставаться исключительною принадлежностію дворянства. Предсѣдатели, судьи и засѣдатели судятъ не однихъ дворянъ, а исправники распоряжаются не ихъ одними дѣлами; прежде мы были владѣльцами крестьянъ, представителями всего огромнаго сельскаго населенія; теперь крестьяне сдѣлались самостоятельнымъ состояніемъ. Слѣдовательно назначеніе сихъ должностныхъ лицъ на будущее время отъ насъ однихъ зависѣть не можетъ. Они будутъ или избираться всѣми сословіями или назначаться правительствомъ. Не разъ говорили, что послѣдній способъ замѣщенія всѣхъ судебныхъ и полицейскихъ должностей имѣетъ быть принятъ; мнѣніе о выгодахъ подобнаго назначенія поддерживается и доселѣ многими бюрократами. Теперь это мнѣніе, кажется, устраняется предположеніемъ предоставить выборъ всѣхъ поименованныхъ должностныхъ лицъ не одному дворянству, а всѣмъ сословіямъ, чьи дѣла ими производятся. И справедливость, и практическая польза, даже необходимость, говорятъ за это мнѣніе. Отстаивать противное—значитъ работать въ пользу мнѣнія бюрократовъ; и проявленіе узко-эгоистическихъ сословныхъ домогательствъ можетъ насъ лишить даже участія въ дѣлѣ, которымъ одни мы теперь завѣдывать не можемъ, и которое въ соединеніи съ лицами

другихъ состояній, мы можемъ лучше справить, чѣмъ правительство въ пространномъ нашемъ государствѣ (*).

5) Дворянскіе депутаты, вмѣстѣ съ депутатами отъ городовъ, участвуютъ въ разсмотрѣніи смѣты и учиненіи раскладки земскихъ повинностей (т. IX, ст. 100).

Крестьяне, участвуя въ платежѣ земскихъ повинностей, не могутъ теперь не участвовать, чрезъ своихъ депутатовъ, и въ разсмотрѣніи смѣтъ и въ учиненіи раскладки сихъ повинностей. Это очевидно, и не требуетъ никакихъ доказательствъ (**).

6) Россійскому дворянству даровано навсегда, и въ потомственные роды, свобода вступать въ общую государственную службу, безъ принужденія къ оной, развѣ бы востребовала того особливая надобность, именнымъ

(*) Изъ этаго многое исполнилось, а отстальное измѣнилось. Мировые судьи избираются земствомъ; а предсѣдатели и члены общихъ судовъ назначаются правительствомъ; исправники и прочіе члены земской полиціи также назначаются правительствомъ. Противъ такихъ измѣненій мы теперь нимало не возражаемъ. Земство, пользуясь правомъ избранія мировыхъ судей, и участвуя, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, въ рѣшеніяхъ по уголовнымъ дѣламъ въ окружныхъ судахъ, получило все то, что теперь можетъ быть ему предоставлено; и за тѣмъ, назначеніе членовъ общихъ судовъ удержано и должно быть удержано правительствомъ за собою. Земство завѣдуетъ хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи, чрезъ земскія управы; собственно полицейская расправа, должна, по крайней мѣрѣ теперь, принадлежать общей администраціи.

(**) Это также измѣнено: смѣты на уѣздныя и губернскія потребности, и отчеты въ израсходованныхъ по этому предмету суммахъ, составляются земскими управами, а разсматриваются и утверждаются земскими собраніями.

Высочайшимъ указомъ ознаменованная (ст. 188). Дворянамъ, въ прохожденіи службы военной и гражданской, а также и службы по выборамъ, предоставляются особенныя права, въ Сводѣ военныхъ постановленій и уставахъ о службѣ гражданской, подробно исчисленныя (ст. 196).

Мы можемъ служить и не служить; имѣемъ право поступать на службу и выходить въ отставку; но не отъ нашего ли сословія состоитъ всего болѣе людей на государственной службѣ? Даже въ военной службѣ дворянъ болѣе, относительно численности нашего состоянія, чѣмъ крестьянъ и мѣщанъ, обязанныхъ отправлять рекрутскую повинность. Слѣдовательно вольность дворянства, въ семъ случаѣ, есть только мнимая. Что же касается до преимуществъ по службѣ, то мы ими болѣе обязаны нашему образованію, чѣмъ нашему происхожденію. Дверь на службу, чрезъ университеты, гимназіи и разныя учебныя заведенія, отперта для всѣхъ сословій. Мы по преимуществу въ нее входимъ, потому что мы, не зависимо отъ нашего дворянскаго достоинства, всего болѣе имѣемъ къ тому средствъ и охоты; преимущества же наши по происхожденію, теперь почти не существуютъ: и человѣкъ, освободившійся отъ крѣпостной зависимости, образовавшійся въ университетѣ, и получившій тамъ степень кандидата или магистра, имѣетъ, и по справедливости долженъ имѣть, преимущество надъ плохоучившимся дворяниномъ, хотя бы потомкомъ самаго древняго княжескаго рода.

7) Дворяне судятся одними себѣ равными (т. IX, ст. 97).

—Они свободны отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 199).—Они изъемлются отъ личныхъ податей (ст. 200).

Эти права суть права дѣйствительныя; ихъ мы должны удержать, но не какъ исключительныя на всегда привилегіи своего состоянія, а какъ права, которыхъ мы достигли прежде прочихъ, которыя мы готовы распространить на всѣхъ, и которыя необходимо должны сдѣлаться достояніемъ каждаго Русскаго гражданина. Пусть право быть судимымъ себѣ равными, становится принадлежностію всякаго городскаго и сельскаго обывателя; пусть отъ тѣлесныхъ наказаній изъемлется все большее и большее число людей; пусть личныя подати переходятъ въ косвенные налоги; все это въ порядкѣ вещей; все это такъ и быть должно. Не исключительнымъ обладаніемъ того, что̀ должно быть правомъ каждаго, можетъ дворянство возвыситься и умножить свою силу, богатство и благосостояніе. Времена, когда можно было жить на счетъ другихъ, прошли, и они уже возвратиться назадъ не могутъ (*).

(*) Пожеланія, здѣсь изложенныя, отчасти уже исполнены. Люди всѣхъ состояній судятся одинаково общими судами. Теперь крестьяне, по маловажнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, имѣютъ привилегію быть судимыми одними себѣ равными; но они готовы отказаться отъ этой привилегіи, и весьма желаютъ имѣть право приносить, на приговоры волостныхъ судовъ, жалобы мировымъ судьямъ.—Если воровство вещей, стоющихъ не свыше 30 руб., учинено крестьяниномъ у крестьянина, то онъ судится своимъ судомъ и приговаривается или къ штрафу, или къ аресту не свыше семи дней, или къ 20 розгамъ; если же воровство учинено дворяниномъ, и украденный предметъ стоитъ болѣе 50 коп., то онъ судится об-

8) Помѣщичьи дома свободны отъ постоя (ст. 203). Желательно, чтобы это преимущество было распространено на всѣ сословія. Мы знаемъ, какъ тяжела эта повинность для крестьянъ: въ свою единственную избу, они должны помѣстить одного или нѣсколькихъ чужихъ людей, и дѣлиться съ ними часто послѣднимъ кускомъ мяса. А потому нельзя не желать, чтобъ эта натуральная повинность была, въ непродолжительномъ времени, обращена въ денежную (*).

9) Помѣщики допускаются къ подрядамъ и поставкамъ, на всякую сумму, безъ записки въ гильдіи.—Они имѣютъ право, безъ записки въ гильдіи, продавать оптомъ и отпускать, чрезъ учрежденныя таможни и заставы,

---

щими судами, и можетъ быть заключенъ въ тюрьму и лишенъ правъ состоянія. Едва-ли дворяне постоятъ за эту привилегію.—Тѣлесныя наказанія, если еще вовсе не отмѣнены, то они значительно сокращены. Можно пока ихъ оставить относительно крестьянъ по приговорамъ ихъ судовъ; но землевладѣльческое и городское состоянія должны быть безусловно отъ него освобождены.—Замѣна личныхъ податей иными, болѣе справедливыми и болѣе производительными, остается еще pium desiderium.

(*) Необходимость освобожденія крестьянъ и горожанъ отъ постоянной постойной повинности, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе настоятельною. Нѣкоторыя земскія собранія уже высказались въ этомъ смыслѣ. Надобно думать, что правительство въ видахъ, какъ пользы войскъ, такъ и освобожденія обывателей отъ этой тяжкой повинности, не замедлитъ замѣнить ее казарменнымъ помѣщеніемъ войскъ. Этого требуютъ и военная дисциплина, и улучшеніе быта солдатъ и офицеровъ, и уравнительное разложеніе этой повинности на всѣ состоянія государства.

собственныя свои издѣлія и произведенія своихъ хозяйствъ (ст. 204, 205 и 206.).

Продажа собственныхъ произведеній должна быть свободною для всѣхъ землевладѣльцевъ, ибо съ земли они уже заплатили подать, и требовать ее съ нихъ, въ другой разъ, было бы несправедливо.

Что же касается до правъ вступать въ заподряды, то имъ изъ дворянства пользуются весьма немногіе. Если мы ставимъ въ казну товары, нами скупаемые и перепродаваемые, т. е. если ведемъ торговлю, то должны и платить подати, съ правомъ на оную сопряженныя.

10) Дворяне имѣютъ право учрежать въ своихъ деревняхъ, безъ записки въ гильдіи, заводы и фабрики (ст. 205). Они пользуются также правомъ устроивать винокуренные заводы и производить винокуреніе (ст. 207).

Право учреждать фабрики и заводы принадлежитъ людямъ всѣхъ сословій. Положенія 19 февраля 1861 года предоставляютъ это право и крестьянамъ. Все преимущество дворянства заключается въ словахъ: *безъ записки въ гильдіи.* Важная ли это привилегія? Неслѣдуетъ ли, въ видахъ государственныхъ, поощрять учрежденіе фабрикъ и заводовъ вообще *внѣ* городовъ? А потому не должно ли распространить это преимущество на владѣльцевъ всѣхъ земель, состоящихъ въ извѣстномъ разстояніи отъ городовъ? Что касается до права винокуренія, то оно конечно важно, но этотъ законъ нарушается ежедневно: купцы берутъ на аренду помѣщичьи заводы, и курятъ отъ ихъ имени, какъ будто отъ своего. Даже нѣкоторые купцы покупаютъ земли на имя дворянъ, устроиваютъ тамъ заводы, берутъ

съ собственниковъ, въ свое обезпеченіе, заемныя письма или другія обязательства, и пользуются правомъ винокуренія, какъ будто статья 207 и не существовала. Слѣдовательно нѣтъ намъ никакой надобности отстаивать это право, какъ преимущество дворянъ, а не землевладѣльцевъ вообще, и это тѣмъ для насъ легче, что все-таки мы останемся землевладѣльцами по преимуществу (*).

Вотъ главныя права и преимущества, коими доселѣ пользуются дворяне. Они, конечно, весьма и весьма незначительны. До 19 февраля 1861 г. мы имѣли исключительное право владѣть населенными имѣніями, крестьянами и дворовыми людьми; но это право—перлъ (хотя и далеко не безукоризненный) нашихъ правъ, теперь есть уже достояніе исторіи; неужели мы будемъ отстаивать лоскуты нашего прежняго барскаго халата? Неужели мы захотимъ сохранить всѣ невыгоды привилегированнаго состоянія, ради пустыхъ преимуществъ, съ нимъ сопряженныхъ? Неужели мы согласимся быть единицами посреди сельскаго населенія, и считаться чѣмъ-то особеннымъ, вызывающимъ противъ насъ и зависть, и вражду, ради только пустыхъ, ничего существеннаго намъ не дающихъ привилегій? Нѣтъ! мы чувствуемъ ежедневно все болѣе и болѣе безсиліе нашего сословія; мы сознаемъ все яснѣе и яснѣе, что не имѣемъ твердой почвы подъ ногами; и съ каждымъ днемъ убѣждаемся, тверже и тверже, что иное значеніе насъ ожидаетъ, и что къ

(*) Эта привилегія дворянства отмѣнена указомъ отъ 29 октября 1868 года. Жаль только, что допущены исключенія въ пользу дворянъ Прибалтійскихъ и Западныхъ губерній.

нему мы теперь обязаны устремить всѣ наши усилія (*).

Какое же наше будущее назначеніе, и что должны мы дѣлать для достиженія его?—Это мы попытаемся указать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

II.

Не безъ страха и трепета приступаемъ мы къ продолженію нашей бесѣды. Мы, конечно, не думаемъ представить полные и окончательные отвѣты на вопросы, выше нами постановленные. Нѣтъ! Мы сочтемъ себя весьма счастливыми, если намъ удастся, хотя нѣсколькими указаніями, помочь нашему сословію въ разрѣшеніи трудной задачи, ему предлежащей.

Можемъ ли мы образовать изъ себя настоящую аристократію?

Очевидно, нѣтъ; мы не имѣемъ для того ни исторической почвы, ни средствъ въ настоящемъ. Насъ насчитывается до четырехъ сотъ тысячь душъ обоего пола. Изъ насъ нѣкоторые Рюриковичи, древнѣйшіе дворяне;

(*) Съ 1861 года послѣдовали значительныя перемѣны. Дворяне-землевладѣльцы уже не стоятъ особняками; мы вошли въ составъ землевладѣльческаго состоянія; и рядомъ съ нами сидятъ и равными съ нами правами пользуются личные землевладѣльцы изъ крестьянъ, купцовъ, мѣщанъ и духовенства. Мы не возбуждаемъ, слава Богу, ни чьей зависти, ни чьей вражды: завидовать намъ не въ чемъ, а дворянство, въ большей части мѣстностей, поставило себя такъ относительно другихъ состояній, что всѣ прочія состоянія обращаются къ нему за совѣтами и съ просьбами о защитѣ, и начинаютъ имѣть къ намъ чувства пріязни и уваженія.

другіе и весьма многіе — дворяне со вчерашняго дня. Иные обладаютъ огромными помѣстьями; другіе не имѣютъ куска насущнаго хлѣба. Нѣкоторые изъ дворянъ, по просвѣщенію, не уступаютъ наиболѣе образованнымъ людямъ въ Европѣ; но многіе (и даже изъ древнѣйшихъ фамилій) ходятъ въ лаптяхъ, своими руками пашутъ землю, и не знаютъ русской грамоты. Изъ такихъ элементовъ нѣтъ возможности составить плотную, сильную аристократію. А дворянство сортовать, выбирать изъ него достойныхъ, *лучшихъ*, кто возьмется? и по какимъ признакамъ исключать? Къ тому же аристократическое начало не въ духѣ нашей исторіи, нашихъ нравовъ и обычаевъ. Были у насъ времена патріархальныя; вывертывались промежутки олигархическіе; но никогда аристократія не играла у насъ свойственной ей роли. Сверхъ того аристократія, въ самыхъ аристократическихъ государствахъ, теперь съ каждымъ днемъ утрачиваетъ все болѣе и болѣе своей силы; и тамъ, лишь жертвами, уступками, она искупаетъ право на дальнѣйшее существованіе. То ли Англійскій лордъ теперь и тому пятьдесятъ лѣтъ назадъ? Главная сила теперь, въ нижней палатѣ, а верхняя—терпима какъ одинъ изъ органовъ всѣми любимой, всѣми чтимой, всячески охраняемой народной, туземной, съ многовѣковымъ обычаемъ сросшейся, конституціи.—Въ настоящее время, создать, гдѣ бы то ни было, аристократію труднѣе, чѣмъ плыть противъ сильнаго рѣчнаго потока, чѣмъ на парусахъ идти противъ вѣтра.

Къ счастію, такая мысль и не коренится въ большинствѣ, въ массѣ нашего дворянства; едвали она со-

ставляетъ глубокое убѣжденіе даже немногихъ изъ его членовъ.

Всѣ, почти всѣ чувствуютъ невозможность для дворянства оставаться отдѣльнымъ привилегированнымъ сословіемъ, и признаютъ необходимость соединиться съ остальнымъ народонаселеніемъ, и, съ нимъ вмѣстѣ, составитъ живое, сильное, разумное цѣлое.

Соединиться? Но какъ? Въ этомъ и вся великая, многотрудная задача!

Иные предлагаютъ намъ записываться въ волости, въ мірскія общества. Мысль эта, съ вида, прекрасная, поэтическая; но какъ ее исполнить? Вдумайтесь въ нее; представьте себѣ, что она узаконена, и попытайтесь ее привести въ дѣйствіе. Понятія, языкъ, нравы и обычаи у насъ иные, чѣмъ у поселянъ; интересы наши, какъ личныхъ землевладѣльцевъ, въ весьма многомъ различны отъ интересовъ крестьянъ-общинниковъ; какъ же мы можемъ составить съ ними одно общество? Сверхъ того, попробуйте явиться, въ качествѣ члена, на мірской сходъ; и чѣмъ вы тамъ будете? Особнякомъ, и притомъ смѣшнымъ особнякомъ. Вы можете дѣлать и говорить что хотите; но на васъ будутъ смотрѣть съ недовѣріемъ, если не съ явнымъ смѣхомъ или негодованіемъ. Старайтесь приноравливаться къ понятіямъ крестьянъ; входите въ ихъ виды и требованія; оставьте, въ своемъ помѣщичьемъ домѣ, излишнее ваше образованіе и привычки, съ нимъ соединенныя; а все таки крестьяне ни какъ не сочтутъ васъ за своего брата. Маскамъ вообще не вѣрятъ; а русскій человѣкъ, съ свойственною ему смѣтливостію, съ подозрительностію, по-

рожденною въ немъ крѣпостнымъ правомъ, и съ здравымъ естественнымъ умомъ, будетъ на замаскированнаго дворянина смотрѣть какъ на незваннаго гостя, который хуже татарина, и сочтетъ это за штуку, изобрѣтенную дворянствомъ для возвращенія себѣ обманомъ правъ, утраченныхъ имъ чрезъ освобожденіе крѣпостныхъ людей. — Стоитъ себѣ представить приведеніе въ дѣйствіе приписки дворянъ къ волостямъ или мірскимъ обществамъ, и чувствуешь, что она невозможна. Эта мысль очевидно родилась вдали отъ дѣйствительнаго быта; она дѣлаетъ честь душѣ ея виновниковъ, но на практикѣ она совершенно не исполнима.

Какъ же намъ соединиться съ народомъ?

Откровенно, безъ всякаго притворства, не умаляясь, сохраняя то, что имѣемъ, пользуясь этимъ какъ можно полнѣе и разумнѣе, даже стараясь пріобрѣсти какъ можно болѣе новыхъ правъ и значенія; но всѣмъ этимъ пользоваться — не исключительно, не замкнуто-привилегированно, а съ приглашеніемъ къ себѣ всѣхъ желающихъ и могущихъ стать въ наши ряды.

Мы должны оставаться землевладѣльцами, дорожить этимъ званіемъ, смотрѣть на землю, какъ на главный, самый существенный источникъ силы; но обязаны пріобщать къ себѣ всякаго владѣющаго или пріобрѣтающаго извѣстный minimum земли на правахъ личной собственности. Такимъ образомъ, не мы пойдемъ въ чужое общество, а къ намъ придутъ; не мы будемъ умаляться, унижаться, а входящіе къ намъ будутъ стараться подниматься, возвышаться, и, пріобрѣтеніемъ поземельной собственности, свѣдѣній, опытности и проч.,

достигать между нами бо̀льшаго значенія. Общины необходимы, онѣ для нашего государства тоже что̀ баластъ для корабля—онѣ обезпечиваютъ ему устойчивость; въ нихъ разумный консерватизмъ; онѣ на всегда устраняютъ отъ насъ пролетаріатъ; онѣ—вѣрный, всегдашній пріютъ для огромной массы сельскаго населенія. Но люди сильные, богатые, не могутъ и не должны оставаться въ общинѣ; они тамъ могутъ сдѣлаться или деспотами или жертвами общей зависти и недоброжелательства. Имъ долженъ быть открытъ выходъ изъ общины и входъ въ другое сельское сословіе. Принимая ихъ въ свои ряды, мы будемъ получать новыя, здоровыя силы изъ массы сельскаго населенія; чрезъ нихъ мы съ нимъ соединимся, устроимъ, поддержимъ, умножимъ наши связи съ самою крѣпкою, всего менѣе испорченною частію нашего народа. Мы будемъ не замкнутымъ сословіемъ; не чрезъ чины — лѣстницу, по понятіямъ крестьянъ, для нихъ не доступную, — можно быть однимъ изъ насъ, но пріобрѣтеніемъ извѣстнаго количества земли. Это понятіе такъ сродно нашему сельскому населенію, это ему такъ необходимо, что даже въ нынѣшнемъ году, приходили ко мнѣ богатые крестьяне, и спрашивали, куда бы имъ приписаться: къ сельскимъ обществамъ — да чѣмъ же мы тамъ будемъ, — насъ заѣдятъ: въ мѣщане — въ городскіе обыватели — туда записываться намъ не приходится; нельзяли намъ остаться такъ — самимъ по себѣ? Сословіе личныхъ землевладѣльцевъ должно образоваться, оно не будетъ созданіемъ теоретическимъ, откуда-то заимствованнымъ; оно неотразимо требуется нуждами какъ дворянства, такъ

и прочихъ землевладѣльцевъ, и потому оно быстро и естественно устроится. Оно будетъ сильно какъ потому, что въ его рукахъ сосредоточится всего болѣе земли, и что оно будетъ имѣть по преимуществу средства къ образованію; такъ и потому, что оно будетъ въ себя принимать лучшихъ людей изъ окружающаго народонаселенія; что, чрезъ нихъ, оно съ нимъ свяжется, и, посредствомъ ихъ оно, наконецъ, побѣдитъ то недовѣріе, которое народъ питаетъ къ помѣщикамъ, какъ къ сословію чиновному, какъ къ классу баръ, пользовавшихся такъ долго, почти безъ учета и ограниченія, трудомъ и личностію крѣпостныхъ людей.

Но какъ это исполнить?

Думаемъ, что сія задача менѣе трудна, чѣмъ съ перваго взгляда кажется. Не легко создавать, идти на перекоръ общимъ мнѣніямъ; но здѣсь все устроится естественно, само собою.

Во 1-хъ, необходимо *окончательно разрѣшить крестьянскій вопросъ посредствомъ выкупа.* Впрочемъ это дѣло, хотя конечно трудное, но неотложное, необходимое во всякомъ случаѣ, при всѣхъ возможныхъ разрѣшеніяхъ дворянскаго вопроса; а потому здѣсь мы не будемъ объ этомъ распространяться (*).

(*) Это дѣло съ тѣхъ поръ значительно двинулось впередъ. Изъ числа десяти милліоновъ крестьянъ, получившихъ освобожденіе въ силу Положеній 19 февраля 1861 года, болѣе двухъ третей уже прекратили всякія обязательныя отношенія къ своимъ прежнимъ помѣщикамъ и сдѣлались крестьянами собственниками. Крестьяне удѣльнаго вѣдомства, государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, также

Во 2-хъ, необходимо самому дворянству сдѣлать зачинъ дѣла о преобразованіи своего сословія. Для этого должно просить *о дозволеніи составить комитеты, въ губернскихъ городахъ, для пересмотра постановленій о дворянствѣ и для составленія предположеній, требуемыхъ нынѣшнимъ его положеніемъ.* Эти предположенія могутъ быть потомъ обсуждены въ чрезвычайныхъ собраніяхъ дворянства и, чрезъ депутатовъ, на основаніи Св. зак. т. III ст. 113 и 114, представлены высшему правительству. Какъ дѣло въ началѣ чисто дворянское, какъ въ немъ одно сословіе отказывается отъ своего привилегированнаго положенія, и изъясняетъ готовность открыть свои пріемныя двери для лицъ всѣхъ прочихъ сословій, то такое дѣло можетъ быть, по крайнѣй мѣрѣ на первыхъ порахъ, ведено правительствомъ совокупно съ депутатами одного дворянскаго сословія.

Тутъ предстоитъ Русскому дворянству совершить подвигъ великій. Повинуясь не силѣ, не внѣшнимъ крайнимъ обстоятельствамъ, даже не указаніямъ свыше, сбоку или снизу; но, по собственному изволенію, руководствуясь яснымъ пониманіемъ своего прошедшаго и настоящаго, сознаніемъ общихъ современныхъ потребностей и своею любовію къ отечеству, дворянство должно отказаться отъ своихъ исключительныхъ преимуществъ, сойти съ пьедестала привилегированнаго сословія, и пригласить лицъ изъ другихъ сословій стать

получаютъ владѣнныя записи. Слѣдовательно крестьянъ, остающихся въ обязательныхъ отношеніяхъ, остается съ небольшимъ три милліона душъ, и число ихъ съ каждымъ днемъ уменьшается.

въ его ряды. Такимъ дѣйствіемъ мы не умалимъ себя, не сократимъ своихъ правъ, а ихъ разширимъ и пополнимъ; мы, и это всего важнѣе, пріобрѣтемъ твердую, дѣйствительную почву для своего существованія, и значеніе наше, какъ состоянія, будетъ не то, которое мы доселѣ имѣли.

Въ 3-хъ, тогда мы можемъ *составить настоящее, плотное окружное или уѣздное землевладѣльческое общество*. Интересы всѣхъ землевладѣльцовъ будутъ одни и тѣже, и, въ нашихъ собраніяхъ, мы можемъ искренно и дружно ихъ обсуживать. Остальное сельское населеніе будетъ къ намъ расположено не враждебно, а благосклонно; ибо ихъ родные, люди, къ которымъ они имѣютъ довѣріе и уваженіе, будутъ посреди насъ; къ тому же каждый изъ поселянъ можетъ, исполнивши извѣстныя условія, сѣсть посреди насъ. Тогда въ состояніи будутъ образоваться настоящія уѣздныя собранія, ибо, для обсужденія дѣлъ общихъ, касающихся не одного нашего землевладѣльческаго сословія, могутъ и должны быть призваны выборные и отъ крестьянскихъ обществъ и отъ городскихъ обывателей. Тогда мѣстная общественная жизнь разовьется не отрывочно, не одиночно, не наталкиваясь тутъ на подозрѣнія, тамъ на вражду, а при общемъ содѣйствіи, повсемѣстно, при благорасположеніи и довѣріи всѣхъ и каждаго.

При такомъ преобразованіи никто не потеряетъ, а всѣ выиграютъ.

Мы, дворяне, перестанемъ быть безсильными единицами, отрѣшенными членами великаго русскаго народа, заподозрѣннымъ простѣнкомъ между имъ и Царемъ; на

насъ не будутъ болѣе смотрѣть какъ на чиновниковъ, какъ на чужеядовъ; наши собранія не станутъ являться народу сборищемъ людей, противъ него злоумышляющихъ, и мы сами, не стоя болѣе на ложной, несостоятельной почвѣ, не будемъ представлять зрѣлища неотраднаго, доселѣ обычнаго: много шума, да мало толка. Мы сдѣлаемся иными людьми. Въ сущности — мы люди русскіе; сверхъ того, по просвѣщенію, образованію и достаткамъ, мы стоимъ впереди и выше всѣхъ. Все зло насъ съѣдающее, заключается въ ложномъ нашемъ положеніи. Мы не аристократы, а корчимъ аристократовъ; мы не имѣемъ ни силы, ни значенія, которыя даетъ аристократія, а между тѣмъ несемъ всѣ невыгоды, всѣ тяжести, съ нею сопряженныя. Это извращаетъ наши понятія, даетъ ложное направленіе нашимъ дѣйствіямъ; это производитъ то странное явленіе, что каждый изъ насъ поодиночкѣ лучше, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Замѣчательно, что міръ (крестьянскій) умнѣе и добрѣе крестьянина, взятаго отдѣльно, а у насъ на оборотъ. Впрочемъ это вполнѣ естественно, такъ это и должно быть въ томъ и въ другомъ случаѣ. Егоистическіе порывы крестьянъ взаимно умѣряются, умъ одного пополняетъ умъ другаго, и какъ они стоятъ на своей собственной почвѣ, то ихъ приговоры и дѣйствія выхотятъ разумнѣе, чѣмъ мнѣнія и поступки одиночные (*).

(*) Къ сожалѣнію, это не вполнѣ оправдалось на дѣлѣ. Крестьянскіе сходы представляютъ теперь зрѣлище не вполнѣ утѣшительное. Обстоятельнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ статьѣ о крестьянскомъ дѣлѣ.

Мы, напротивъ того, въ дворянскомъ собраніи, сдвигаемся съ своего настоящаго общечеловѣческаго основанія; мы думаемъ быть особенными какими-то людьми, обманываемъ себя насчетъ назначенія нашего сословія, заявляемъ постоянно претензіи, и — остаемся не при чемъ. Довольно бывали мы на выборахъ, но почти никогда не случалось намъ видѣть дворянина довольнаго дѣйствіемъ окончившагося собранія. Это одно уже доказываетъ, что мы сѣли не въ свои сани. При предлагаемомъ преобразованіи, мы сдѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы быть должны: по землевладѣнію, по просвѣщенію, по вліянію на мѣстное и общее управленіе, мы станемъ во главѣ народа; потому что и онъ и правительство будутъ имѣть въ насъ равную нужду; мы будемъ между ними не простѣнкомъ, а посредникомъ: народъ будетъ радоваться нашему значенію, ибо посредствомъ его мы будемъ въ состояніи за него ходатайствовать съ успѣхомъ; правительство будетъ къ намъ благоволить, насъ цѣнить и уважать, потому что чрезъ насъ оно будетъ дѣйствовать на остальное народонаселеніе.

Крестьяне хотя многочисленны и сильны, но они никогда не могутъ стать на степень первенствующаго сословія въ государствѣ. Его отношенія къ правительству должны остаться на всегда посредственныя. Не въ барышахъ будутъ крестьяне, если, между ними и властію, станутъ чиновники. Самыми естественными, самыми удобными и всего болѣе благорасположенными посредниками для нихъ могутъ быть лучшіе люди изъ сельскаго населенія, т. е. землевладѣльцы. А таковыми будутъ не одни дворяне, не такое сословіе, въ кото-

рое чтобы вступить надобно пройти чрезъ лѣстницу чиновъ, т. е. полнаго отчужденія отъ крестьянскаго быта, а лица посреди ихъ живущія, имѣющія съ ними всякаго рода связи, и отчасти еще вчера бывшія сочленами ихъ мірскихъ обществъ. Сословіе землевладѣльцевъ еще необходимѣе для крестьянъ, чѣмъ даже само для себя; люди богатые, образованные всегда и вездѣ будутъ имѣть свое личное значеніе. Крестьяне, помимо землевладѣльцовъ, не могутъ найти лучшихъ представителей, защитниковъ, учителей, общихъ распорядителей, высшихъ судей (*).

При упомянутомъ преобразованіи, правительство не только не утратитъ своей силы, а напротивъ того, его могущество усилится и укрѣпится. Теперь оно насылаетъ указы и предписанія; но нельзя не сознаться, что часто они плохо или вовсе не исполняются. Теперь каждый становой, каждый исправникъ всемогущъ, и они знать не хотятъ законовъ, а если и знаютъ, то думаютъ только объ одномъ, какъ бы извлечь изъ нихъ свою выгоду, какъ бы обойти ихъ, какъ бы сдѣлать изъ нихъ обоюдоострое

(*) Это очевидно для каждаго порядочнаго помѣщика, живущаго въ деревнѣ: сторонніе крестьяне помѣщичьи и въ особенности изъ государственныхъ имуществъ, безпрестанно приходятъ за совѣтами или ради защиты, или на безпристрастный судъ помѣщика. Мировые посредники и судьи постоянно слышатъ отъ крестьянъ: нѣтъ, батюшка, ты насъ разсуди, а въ волостномъ (судѣ) мы правды не добьемся. Доселѣ наше вліяніе было сокращено прежде крѣпостнымъ правомъ, а теперь еще неразрѣшеннымъ крестьянскимъ вопросомъ. По устраненіи сей послѣдней помѣхи, наше положеніе въ деревняхъ будетъ несравненно лучше.

оружіе, поражающее попеременно и тою и другою стороною. Произволъ чиновниковъ не имѣетъ границъ; начальники, ревизоры все это видятъ; добросовѣстные изъ нихъ преслѣдуютъ ихъ, но съ отчаяніемъ видятъ, что каждое прекращенное злоупотребленіе возраждается сторицею. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, при отсутствіи и невозможности мѣстной общественной жизни, зло не сокрушимо и даже не сократимо. Совершенно иное дѣло будетъ, когда сельскій бытъ устроится правильно, естественно, крѣпко; при развитіи мѣстной общественной жизни, мѣстнаго общественнаго мнѣнія и надзора, правительство будетъ больше и вѣрнѣе знать; и слѣдовательно будетъ имѣть возможность лучше приказывать. За него будутъ смотрѣть и наблюдать тысячи глазъ неподкупныхъ, и произволъ мѣстныхъ властей будетъ поставленъ въ границы, высшею властію указанныя. Тогда, но только тогда явится и общественная нравственность; явятся тогда и люди, и жалобы на не достатокъ въ оныхъ останутся лишь какъ воспоминаніе о прежнихъ временахъ. Нѣтъ! люди у насъ есть, но теперь они скрываются, какъ деньги во время финансоваго кризиса. При гармоніи сельскаго быта, при соединеніи землевладѣльцевъ и крестьянъ, правительство будетъ сильнѣе; ибо въ нихъ оно найдетъ опору нераздвоенную, не враждующую между собою, а прочную, коей цѣлью и главнымъ желаніемъ не можетъ не быть охраненіе общаго спокойствія и порядка: ибо консерватизмъ есть необходимая принадлежность землевладѣльца и земледѣльца. Правило: divide et impera никогда не было у насъ вѣрно; да и въ остальной Европѣ, оно

теперь схоронено подъ развалинами отшедшаго и отходящаго порядка вещей. Чѣмъ сильнѣе будетъ у насъ развиваться мѣстная жизнь, общественная дѣятельность, тѣмъ могущественнѣе будетъ власть центральная. Теперь ей приходится развлекаться мелкими разрѣшеніями, преслѣдовать всюду укоренившіяся злоупотребленія, укрощать однихъ, сдерживать другихъ и неудовлетворять никого. Тогда она можетъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ, изъ центра, съ высоты своего величія, направляя всѣ части къ достиженію одной общей цѣли — блага нашего отечества. Тогда и время и свѣдѣнія вѣрныя, многостороннія, будутъ въ его распоряженіи; тогда оно будетъ болѣе чѣмъ когда либо въ состояніи соображать, что̀ нужно для Россіи вообще или для нѣкоторыхъ частей ея, приказывать удобоисполнимое, и карать за ослушанія. Тогда общее благосостояніе, народное богатство, просвѣщеніе и гражданская нравственность разовьются быстро и сильно, удесятерятъ силы правительства, и возведутъ Россію на степень первенствующей державы, какою быть она предназначена.

8 декабря 1861.

III.

О ДВОРЯНСТВѢ И ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦАХЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ предъидущая статья была написана, времени прошло хотя и не много, но перемѣнъ въ нашемъ общественномъ быту произошло весьма и весьма много. Только что объявленное тогда освобожденіе крѣпостныхъ людей, значительно преобразило нашъ частный, общественный и отчасти даже государственный бытъ. Введеніе гласнаго суда съ мировыми учрежденіями и съ пріобщеніемъ присяжныхъ засѣдателей къ общему уголовному судопроизводству; возвращеніе земства въ жизни, съ передачею ему мѣстнаго общественно-хозяйственнаго управленія; дарованіе нѣкоторой свободы печати; и другія болѣе или менѣе важныя нововведенія существенно измѣнили положеніе дѣлъ вообще. Дворянство почти перестало существовать на дѣлѣ (de facto), ибо дворяне-помѣщики вошли въ составъ земства, и притомъ не какъ дворяне, а какъ землевладѣльцы. Право избирать судей какъ въ уѣздные суды такъ и въ палаты, а равно право назначать членовъ земской полиціи, отошли отъ дворянства. Правда, оно еще собирается, имѣетъ своихъ предводителей и свое депутатское собраніе; но собственно дѣлъ сколько нибудь

важныхъ, у него не осталось никакихъ; а потому собранія дворянства бываютъ столько же малочисленны, сколько и пусты. Уѣздныя собранія по нѣскольку разъ сзываются для выбора то предводителей, то членовъ опеки, но большею частію оказываются несостоятельными; въ губернскихъ же собраніяхъ, за несостоятельностію уѣздовъ, и на уѣздныя должности балотируются по губерніи, или соединенными силами двухъ уѣздовъ. Кромѣ выбора уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства, губернскаго предводителя и секретаря дворянства, собранія повѣряютъ отчеты и смѣты по дворянскому общественному хозяйству, вообще весьма незначительному, и затѣмъ, кромѣ толковъ о дворянскомъ учебномъ заведеніи, гдѣ таковое имѣется, нѣтъ болѣе никакихъ дѣлъ въ завѣдываніи дворянства. А потому и не удивительно, что мало дворянъ съѣзжается на выборы; и что съѣхавшіеся спѣшатъ разъѣхаться. Правда, въ столичныхъ дворянскихъ собраніяхъ, бываетъ дворянъ довольно, идутъ въ нихъ толки обо многомъ, произносятся болѣе или менѣе длинныя рѣчи, и происходятъ многочисленныя балотировки; но дѣла не дѣлается никакого, по простой причинѣ, что и дѣлать нечего; а собираются дворяне потому, что живутъ они въ столицахъ, и не отяготительно для нихъ съѣхаться разъ въ три года, хотя ради бесѣды. Очевидно, что въ этомъ положеніи дворянство долѣе существовать не можетъ, и что оно должно подвернуться полному преобразованію, какъ мы о томъ, въ предъидущей статьѣ, еще въ 1861 году, говорили.

Впрочемъ вопросъ о дворянствѣ, еще прямо не разрѣшенный законодательнымъ порядкомъ, едва затропу-

тый въ дворянскихъ собраніяхъ и мало разработанный въ печати, почти разрѣшенъ, на дѣлѣ, самою жизнью. Землевладѣльцы изъ дворянъ, т. е. огромная и самая значительная часть дворянства, обще съ землевладѣльцами изъ другихъ состояній, образовали, на основаніи закона, особое землевладѣльческое состояніе, которое имѣетъ свои собранія, избираетъ своихъ гласныхъ, и пользуется черезъ нихъ значительнымъ вліяніемъ на ходъ общественно-хозяйственныхъ дѣлъ уѣзда и губерніи. Дворяне-собственники въ городахъ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, уже вошли въ составъ городскихъ обществъ; а дворяне-собственники, въ прочихъ городахъ, ожидаютъ обѣщаннаго преобразованія городскаго устройства, для вступленія также въ составъ городскихъ обществъ. Остались не при чемъ, т. е. только числятся въ дворянствѣ, одни дворяне, не имѣющіе никакой недвижимой собственности ни въ деревняхъ ни въ городахъ; но они и прежде не пользовались никакими правами по выборамъ, и почти никакими правами по прочимъ дѣламъ, бывшимъ въ завѣдываніи дворянства. Слѣдовательно дворянство теперь разошлось, какъ будто изчезаетъ, и остается уже не состояніемъ, а, по точнымъ словамъ закона, „названіемъ“, „парицаніемъ“.

Если до сихъ поръ, только въ немногихъ губернскихъ собраніяхъ дворянства, были толки о ходатайствѣ на счетъ пересмотра дворянской грамоты, или на счетъ преобразованія дворянскаго состоянія, ею окончательно узаконеннаго, то причины тому были различныя. Нѣкоторые дворяне не считаютъ нужнымъ затрогивать этотъ вопросъ потому, что въ ихъ глазахъ, упомянутая гра-

мота, на дѣлѣ, уже перестала существовать; а потому они болѣе не ѣздятъ въ дворянскія собранія, и считаютъ себя членами землевладѣльческаго состоянія, по которому и исправляютъ всѣ обязанности. А другіе дворяне дорожатъ послѣдними остатками прежняго времени, тѣшатъ себя несбыточными надеждами на возвратъ утраченнаго, думаютъ, что къ пеньку срубленнаго дерева можно привить черенки иноземнаго произхожденія, и полагаютъ, что въ теперешнія злыя, по ихъ мнѣнію, времена, не слѣдуетъ касаться узаконеній, доставлявшихъ дворянству и жизнь и выгоды и почести. Мы не раздѣляемъ мнѣнія ни тѣхъ ни другихъ, и считаемъ необходимымъ и вполнѣ своевременнымъ, уяснить наше положеніе, т. е. положительно отмѣнить отжившее, и положительно утвердить то, что силою вещей вызвано или вызывается къ жизни. Въ этомъ особенно убѣждаютъ насъ два соображенія: во 1-хъ, невыгода принадлежать одновременно къ двумъ состояніямъ—къ одному отходящему и къ другому возникающему,—къ одному уже не имѣющему почти никакихъ дѣлъ въ своемъ завѣдываніи, и къ другому еще не получившему всѣхъ законныхъ правъ къ своему окончательному устройству; а во 2-хъ, то обстоятельство, что при этой неопредѣлительности положенія дворянъ и землевладѣльцевъ, распространяется и даже утверждается, въ обществѣ и печати, мысль о полномъ сліяніи землевладѣльцевъ съ крестьянскими обществами. Мы упоминали объ этой мысли въ предъидущей статьѣ (стр. 39), но тогда не придавали этой мысли особеннаго значенія. Мы думали, что какъ она внезапно и легкомысленно была пущена въ свѣтъ,

такъ скоро и безслѣдно она канетъ въ вѣчность; но на дѣлѣ оказывается иное: она находитъ защитниковъ, даже посреди людей, пользующихся уваженіемъ. Къ тому же, если бы эта мысль, сама по себѣ, была безвредна, и утвержденіе ея не сопряжено было съ важными послѣдствіями для землевладѣльцевъ и для всего государства, то можно бы дать ей свободу безпрепятственно переходить изъ одной головы въ другую; но хотя это мнѣніе крайне странно и едвали исполнимо, однако оно можетъ пріобрѣтать себѣ все болѣе и болѣе защитниковъ, и наконецъ, ни съ того ни съ сего, сдѣлаться желаніемъ, требованіемъ общественнаго мнѣнія. А потому мы считаемъ долгомъ, подвергнуть эту мысль нѣсколько обстоятельному разбору. При этомъ, не можемъ умолчать, что, при опроверженіи ея, главное затрудненіе встрѣчаемъ мы въ томъ, что защитники ея до сихъ поръ не позаботились высказать ее нѣсколько положительно, предпочитая удерживать ее на почвѣ общихъ фразъ и туманной неопредѣлительности. Еще странно то, что эта мысль проводится людьми двухъ противоположныхъ направленій—такъ называемаго демократическаго и такъ называемаго аристократическаго. Впрочемъ мы попытаемся собрать воедино разбросанныя проявленія этой мысли, придать имъ, по лучшему нашему разумѣнію, нѣкоторую совокупность, и за тѣмъ, оцѣнить по дѣйствительной ихъ стоимости.

Защитники мнѣнія о полномъ сліяніи землевладѣльцевъ съ крестьянами утверждаютъ, что для прочности и полноты земской жизни, необходимо, кромѣ губернской и уѣздной единицы, имѣть еще единицу менѣе крупную,

основную, живую, которая бы не разъ въ годъ собиралась, а была бы постоянно въ сборѣ—въ отправленіи своихъ жизненныхъ функцій, и которая бы обнимала ближайшія, самыя дорогія для людей отношенія и дѣла; что такою единицею можетъ быть только волость, заключающая въ себѣ одинъ приходъ, и, въ крайнихъ случаяхъ, два прихода; что, въ этой первоначальной единицѣ, сольются просвѣщеніе однихъ съ матеріальною силою другихъ, знанія общія теоретическія съ мѣстными практическими свѣденіями, богатство съ бѣдностію, готовность къ почину съ недостаткомъ предпріимчивости, связи съ высшею администраціею съ безпомощнымъ одиночествомъ и пр.; что такимъ образомъ создастся огромная мѣстная сила, которой воздѣйствіе отзовется на земствѣ уѣздномъ и губернскомъ; что государство также воспользуется плодами этого прекраснаго насажденія, ибо силы его, отъ развитія общаго благосостоянія, удесятерятся и пр. и пр. Къ этому обѣщанію млечныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ, обыкновенно присовокупляютъ, что рознь въ волости между землевладѣльцами и крестьянами немыслима; ибо то, что недостаетъ у однихъ, имѣется у другихъ, что потому гармонія между составными частями волости неминуема, и что такимъ образомъ будетъ обезпечено единство волости, земства и самаго государства.

Мы сильно сомнѣваемся въ непреложности этихъ обѣщаній, и въ основательности доводовъ, приводимыхъ въ ихъ пользу. Намъ говорятъ, что, при сліяніи землевладѣльцевъ съ крестьянами въ волостной единицѣ, рознь немыслима; а мы напротивъ того думаемъ, что, въ этомъ случаѣ, рознь между ними, и притомъ рознь ожесточен-

ная—неизбѣжна. Мы не знаемъ примѣра, чтобы богатство съ бѣдностію, просвѣщеніе съ невѣжественною матеріальною силою, и пр.—дружно сливались; обыкновенно одно порабощаетъ другое, и изъ этого возникаетъ борьба невыгодная, часто гибельная для одной или другой стороны, а иногда и для обѣихъ сторонъ. Мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: какой голосъ на волостномъ сходѣ и судѣ, предполагается дать землевладѣльцу? Личный ли единичный, или голосъ, соотвѣтствующій количеству землевладѣнія? Въ первомъ случаѣ, землевладѣлецъ постоянно будетъ въ меньшинствѣ по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ его интересы несогласны съ интересами крестьянъ: извѣстно, что на сходахъ большинство всегда противъ крестьянъ-богачей, а тѣмъ еще болѣе оно будетъ противу отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ ихъ помѣщиками; слѣдовательно землевладѣльцы будутъ постоянно въ страдательномъ положеніи, что̀ конечно будетъ тяжело для нихъ, но невыгодно и для государства вообще. Если землевладѣльцу данъ будетъ голосъ, соотвѣтствующій количеству земли имъ владѣемой, то по большей части онъ будетъ всемогущъ, и притомъ безъ всякой отвѣтственности за благосостояніе крестьянъ, что̀ конечно будетъ тягостно для нихъ, но также невыгодно и для государства. При соединеніи землевладѣльцевъ съ крестьянами въ волости, дѣйствительное ихъ сліяніе едва ли возможно: всемогущество будетъ непремѣнно на одной сторонѣ, а безсилье, страданіе—на другой. Уравновѣсить силы тѣхъ и другихъ, въ такой мелкой, такъ сказать, домашней единицѣ, какъ въ волости - невозможно: тутъ составныя части слишкомъ разнородны,

а отношенія между ними слишкомъ непосредственны. На одной сторонѣ, при одиночности или при маломъ числѣ личностей, будутъ образованіе, достатки и отсутствіе матеріальной силы; а на другой сторонѣ, при многочисленности людей, недостатокъ образованія, бѣдность и избытокъ силъ матеріальныхъ; какое же тутъ единство возможно? Какая гармонія тутъ мыслима? Единство можетъ вытти только одно: совершенное порабощеніе одной стороны другой, т. е. или возстановленіе крѣпостной зависимости, въ самомъ худшемъ ея видѣ; или уничтоженіе всякой выдающейся личности, всякаго просвѣщенія и богатства.

Можно, говорятъ, голосъ землевладѣльца такъ обставить, что онъ будетъ не всемогущъ, но на столько силенъ, чтобы внести порядокъ въ крестьянскія общества, положить конецъ неурядицѣ, нынѣ въ нихъ господствующей, и замѣнить теперешнее ихъ безсиліе и одиночество благодѣтельнымъ вліяніемъ землевладѣльца на селенія, составляющія волость. Мы вовсе не сомнѣваемся въ возможности добраго согласія между землевладѣльцами и крестьянами, и въ полезномъ дѣйствіи первыхъ на послѣднихъ; но думаемъ, что такія благія послѣдствія возможны только при полной независимости однихъ отъ другихъ; что никакое уравновѣшеніе этой цѣли не достигнетъ; и что искуственное сліяніе землевладѣльцевъ съ крестьянами произведетъ дѣйствіе совершенно цѣли противоположное, т. е. возбужденіе, вооруженіе однихъ противъ другихъ.

Къ тому же, какія общія дѣла, общіе интересы могутъ соединять землевладѣльцевъ и крестьянъ въ волости? Избраніе ли старшины и волостныхъ судей? Едва ли

землевладѣлецъ и крестьяне сойдутся въ выборѣ лицъ въ эти должности. Землевладѣлецъ пожелаетъ, чтобы старшиною былъ человѣкъ строгій, трезвый и исполнительный; а крестьяне (и не одни крестьяне) любятъ имѣть во главѣ своего общества, людей добрыхъ, мягкихъ и не слишкомъ умныхъ. Слѣдовательно, между этими различными желаніями, едва ли возможно соглашеніе. Но скажутъ намъ, пожалуй, крестьяне выберутъ старшиною самаго землевладѣльца. Такіе случаи могутъ быть; но на исключительные случаи разсчитывать не должно. Немногихъ землевладѣльцевъ крестьяне выберутъ; и изъ этихъ немногихъ еще меньшее число въ состояніи будетъ принять на себя обязанности, требующія постояннаго пребыванія въ деревнѣ. Сверхъ того, изъ этихъ послѣднихъ сколько людей будутъ въ силахъ отправлять ежедневно, ежечасно, тьму дѣлъ ничтожныхъ, скучныхъ, часто глупыхъ, а между тѣмъ неустранимыхъ и требующихъ старшинскаго распоряженія? Такія предположенія хорошо дѣлать тѣмъ, кто спокойно и удобно сидитъ въ своемъ кабинетѣ въ Москвѣ или Петербургѣ; но едва-ли ихъ сдѣлаетъ человѣкъ, живущій въ деревнѣ и знающій сельскій бытъ въ дѣйствительности, а не чрезъ игривую призму воображенія. Если кто, живя въ деревнѣ, увлеченный порывомъ усердія къ общему благу, рѣшится на такой подвигъ самопожертвованія, то едвали рвеніе такого человѣка будетъ прочно. Мы знавали такихъ людей въ званіи и мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей; они взваливали на себя и дѣла, прямо къ ихъ должности не относившіяся; казалось, что жерновъ ихъ любви къ человѣчеству все перемѣлетъ; и что же?

Вскорѣ они становились самыми нерадивыми посредниками и судьями, запутывали дѣла и обращались въ бѣгство, отыскивая пріютъ своей гуманности или въ столичныхъ гостинныхъ или за границею. Что же касается до волостныхъ судей, то они по большей части избираются крестьянами, не изъ лучшихъ стариковъ, а по очереди; и это потому, что такая служба считается не почетомъ, не выгодою, а повинностью, отправляемою по статьѣ закона, которая обязываетъ крестьянина не отказываться отъ должности, если онъ не прослужилъ обществу одного полнаго срока. Что же при такомъ выборѣ будетъ дѣлать землевладѣлецъ?

Другое дѣло, подлежащее вѣденію волостнаго схода, заключается въ раскладкѣ волостныхъ сборовъ и повинностей. Земскій сборъ уплачивается землевладѣльцами и крестьянскими обществами по раскладкѣ, утвержденной земскимъ собраніемъ. Мірской сельскій сборъ взимается по раскладкѣ, утверждаемой сельскимъ сходомъ. Въ волости назначаются: жалованья старшины, писаря, волостныхъ судей, сотскаго и сторожа при церкви; плата за лошадей для волостнаго начальства; расходы по рекрутству и нѣкоторые другіе. До сихъ поръ, расходы эти были повсемѣстно умѣренны, хотя отчетность и весьма неудовлетворительна; умѣренность этихъ расходовъ имѣетъ источникомъ то, что платятъ всѣ крестьяне, а пользуются жалованьемъ и извлекаютъ выгоды изъ расходовъ только немногіе крестьяне. Когда волостнымъ сборомъ будутъ обложены земли и частныхъ владѣльцовъ, бывшихъ помѣщиковъ, сохранившихъ за собою по большей части $^3/_5$ и $^2/_3$ всей земли; тогда едва ли

умѣренность расходовъ будетъ отличительною чертою волостныхъ смѣтъ! Землевладѣлецъ будетъ платить большую часть сбора, а жалованіями и всякими расходами будутъ пользоваться крестьяне. Какъ бы не вышло того, что какъ прежде крестьяне платили оброкъ помѣщику, такъ, въ будущемъ, землевладѣльцы не стали бы таковой уплачивать крестьянамъ.

Дѣла по отбыванію рекрутской повинности также завѣдуются волостнымъ сходомъ. Теперь они относятся до однихъ крестьянъ, и ни мало не касаются землевладѣльцевъ. Въ непродолжительномъ времени, эта повинность вѣроятно будетъ распространена на всѣ состоянія; но тогда конечно способъ ея отбыванія установится такой, что волостнымъ сходамъ тутъ нечего будетъ и дѣлать.

Дѣла по содержанію запасныхъ магазиновъ въ исправности суть дѣла чисто крестьянскія, а въ высшей инстанціи—земскія; собственно до землевладѣльцевъ, они ни мало не касаются.

Дѣла по исправленію мостовъ, гатей и пр., слабо относятся до волостныхъ сходовъ; ибо, на большихъ дорогахъ, они, теперь почти вездѣ, исправляются на счетъ земскаго сбора, а по проселочнымъ дорогамъ—собственниками земли на свой счетъ. Слѣдуетъ ли послѣднюю повинность сдѣлать волостною—это еще вопросъ мало обсужденный; мы же, на сколько его изучили, расположены болѣе въ пользу нынѣ существующей системы, чѣмъ какой либо иной.

Дѣла по устройству училищъ, богадѣленъ и пр. суть дѣла менѣе волостныя, чѣмъ собственно приходскія, и потому ими должны бы завѣдывать приходскія попечи-

тельства. Объ этомъ мы будемъ обстоятельнѣе говорить въ статьѣ о приходскихъ попечительствахъ.

Дѣла судныя между землевладѣльцами и крестьянами весьма неудобно передать въ волостные суды. Хотя теперь нерѣдко мы, землевладѣльцы, отдаемъ имъ на рѣшеніе наши дѣла о потравахъ, даже о порубкахъ; но нынѣшнія наши къ нимъ отношенія совершенно иныя: мы вполнѣ независимы отъ крестьянскаго суда, добровольно ему подчиняемся, имѣемъ право прямо обращаться къ мировымъ судьямъ, и что всего важнѣе, между нами и крестьянами нѣтъ розни. Но когда мы будемъ подвѣдомы волостному суду, и мировый судья сдѣлается для насъ только апелляціонною инстанціею; когда, на сходахъ между нами и крестьянами, возникнетъ и утвердится рознь; тогда волостной судъ будетъ для землевладѣльцевъ великою тягостью; тогда судъ можетъ преобразиться въ борьбу между ними и крестьянскими обществами.

За тѣмъ, какія еще дѣла принадлежатъ или могутъ принадлежать къ завѣдыванію волостнаго управленія? Важныхъ мы не знаемъ никакихъ, и увѣрены въ одномъ: какія бы дѣла въ этомъ отношеніи намъ ни были указаны, ни въ одномъ изъ нихъ не будетъ единства интересовъ землевладѣльческихъ и крестьянскихъ. Эту увѣренность мы основываемъ на разнородности этихъ интересовъ въ волости, а еще болѣе на невозможности тутъ ихъ устроить такъ, чтобы одна сторона не подавляла другую.

Да къ чему насъ втискивать въ волость? Этаго не желаютъ ни землевладѣльцы ни крестьяне; въ этомъ нѣтъ выгоды и для правительства. Наше теперешнее положе-

ніе въ деревнѣ, со дня на день, становится сноснѣе; благорасположеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ устанавливается; наше вліяніе въ земскихъ собраніяхъ усиливается; къ чему же отъ добра, уже имѣющагося, искать добра неизвѣстнаго, и быть можетъ не добра, а великаго зла? Крестьяне хотя и недовольны своимъ нынѣшнимъ положеніемъ, однако они вовсе не желаютъ, чтобы, въ ихъ общества и ихъ дѣла, включены были люди иныхъ понятій и обычаевъ, бывшіе ихъ помѣщики, къ которымъ они не могутъ не сохранять еще нѣкоторыхъ подозрѣній. Для правительства гораздо удобнѣе имѣть дѣло съ двумя независимыми другъ отъ друга состояніями, чѣмъ съ однимъ, которое при единомысліи (едва ли возможномъ), будетъ слишкомъ сильно, а при розни (неминуемой), будетъ источникомъ слабости самаго государства.

Не понимаемъ мы также необходимости имѣть единицу менѣе крупную, болѣе живую, чѣмъ какою является уѣздная единица. По нашему мнѣнію, только въ уѣздномъ земскомъ собраніи крестьяне, землевладѣльцы и горожане, могутъ имѣть общіе интересы, которые еще болѣе сливаются въ губернскомъ собраніи. Ниже уѣздной единицы мы находимъ: во 1-хъ крестьянъ, большею частію владѣющихъ землею общинно и составляющихъ общества, т. е. нравственныя единицы съ особыми интересами, обычаями и понятіями; во 2-хъ, личныхъ землевладѣльцевъ, болѣе или менѣе крупныхъ, имѣющихъ свои земли, интересы, обычаи и понятія; наконецъ въ 3-хъ, горожанъ, также имѣющихъ свои интересы, обычаи и понятія. Какая необходимость, какая возможность спаивать всѣ эти разнородности въ первомъ, ближайшемъ

ихъ проявленіи? Спайка эта, всегда болѣе или менѣе насильственная, никогда не желательна; но она становится необходимостью, когда общіе интересы обывателей извѣстной мѣстности до того общи и сильны, что безъ совокупнаго ихъ устройства могутъ пострадать частныя дѣла обывателей. Такъ крестьяне, владѣющіе землей въ общей дачѣ, имѣющіе одно стадо и ежедневныя разсчеты и столкновенія, и притомъ нераздѣленные противуположными интересами, должны составлять одно общество. Но землевладѣльцы, владѣющіе по большей части отдѣльными участками земли, имѣющіе отдѣльныя стада и угодья, и дѣйствующіе по найму рабочихъ, по отдачѣ земли въ наемъ, по разнымъ подрядамъ, куплямъ и продажамъ, противуположно выгодамъ крестьянъ, не могутъ быть включены въ одно съ ними общество. Интересы землевладѣльцевъ и крестьянъ становятся общими только въ уѣздной единицѣ, гдѣ опредѣляются общіе по уѣзду расходы и сборы, гдѣ выбираются должностныя лица для всего уѣзда, и гдѣ идетъ рѣчь объ общеполезныхъ учрежденіяхъ для всѣхъ состояній и мѣстностей уѣзда. Нетолько нѣтъ надобности въ единицѣ болѣе мелкой чѣмъ уѣздная, но нѣтъ даже возможности таковую создать, безъ вреда для землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Въ заключеніе нашихъ возраженій противъ мнѣнія о сліяніи землевладѣльцевъ съ крестьянскими обществами въ волости, скажемъ, что состоянія крестьянское и землевладѣльческое теперь устроиваются; съ каждымъ днемъ, они получаютъ большую состоятельность; къ чему теперь ломать существующее или образующееся, и создавать то, что не вызывается ни жизнью, ни желаніями

кого либо, и что̀ даже не обѣщаетъ въ будущемъ вѣрнаго улучшенія.

За тѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію слѣдующаго вопроса: желательно ли, чтобы дворянство оставалось въ томъ положеніи, въ какомъ оно нынѣ находится?

Конечно, если бы намъ непременно предстояло сліяніе съ крестьянами въ волости, то лучше оставаться какъ можно долѣе даже въ нынѣшнемъ положеніи. Но мы такой будущности допустить не можемъ; ибо увѣрены, что желанія обѣихъ сторонъ будутъ приняты въ соображеніе; что правительство пойдетъ послѣдовательно по пути, имъ избранному; и что оно будетъ развивать имъ насажденное, помогать жизни въ выработкѣ ею требуемаго, и освящать ею создаваемое; а потому мы вполнѣ устраняемъ мысль объ упомянутомъ сліяніи. Если, при послѣдующемъ изложеніи, намъ придется кой что повторить, то впередъ извиняемся: мы желаемъ по возможности уяснить читателю нашу мысль и полнѣе ее представить.

Мы, дворяне-землевладѣльцы, составляемъ главную суть двухъ состояній: дворянскаго и землевладѣльческаго. Если бы каждое изъ нихъ имѣло значительныя, самобытныя права, то принадлежать къ двумъ состояніямъ—было бы для насъ весьма выгоднымъ. Но на дѣлѣ оказывается, что каждое изъ этихъ состояній имѣетъ то, чего у другаго нѣтъ, и не пользуется тѣмъ, что̀ составляетъ долю другаго. Дворянство имѣетъ предводителей, свое законное устройство и неоцѣненное право прямо приносить жалобы и прошенія своему Государю; но въ завѣдованіи дворянства нѣтъ почти никакихъ дѣлъ; область

его дѣятельности хотя обширна, почти ни чѣмъ положительно не ограничена, однако пуста, и нѣтъ въ ней предметовъ, подлежащихъ его дѣйствію. Землевладѣльческое состояніе, напротивъ того, не имѣетъ ни своего устройства, ни своего предводителя или старшины, ни права, принадлежащаго каждому вѣрноподданному, повергать всеподданнѣйшія прошенія Государю Императору; но члены этаго состоянія имѣютъ главное вліяніе на ходъ дѣлъ уѣзднаго и губернскаго общественнаго хозяйства, участвуютъ въ выборѣ членовъ мироваго судебнаго учрежденія и завѣдуютъ, въ званіи членовъ училищныхъ совѣтовъ, народнымъ образованіемъ. Дворянство собирается обыкновенно только разъ въ три года; а землевладѣльческое состояніе, въ лицѣ гласныхъ, собирается, и въ уѣздѣ и въ губерніи, ежегодно, или и чаще, по востребованію обстоятельствъ. Дворянскія собранія посѣщаются все менѣе и менѣе; а земскія собранія и уѣздныя и губернскія, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе развиваются и начинаютъ пріобрѣтать нѣкоторую самостоятельность. При такомъ положеніи дѣлъ, оба состоянія слабы и страдаютъ разными недостатками; а потому и дворянамъ-землевладѣльцамъ нѣтъ выгоды принадлежать къ двумъ состояніямъ, т. е. числиться въ одномъ и дѣйствовать въ другомъ. Необходимость преобразованія дворянства, исполнившаго свое назначеніе, въ возникающее землевладѣльческое состояніе, имѣющее стать въ главѣ земства, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе настоятельною. Пока существовало крѣпостное право на людей, дворянство отправляло государственную повинность управленія двумя огромными состояніями

крестьянъ и дворовыхъ людей, и пользовалось правами и преимуществами, съ этою обязанностью сопряженными; оно имѣло въ своихъ рукахъ и земскую полицію и судопроизводство въ двухъ инстанціяхъ. Съ упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія, положеніе дворянства совершенно измѣнилось; оно покончило свою службу и должно поспѣшить на новое поприще, которое для него открывается. Это поприще хотя у́же, но самостоятельнѣе и дѣльнѣе; здѣсь въ виду менѣе блеска, но болѣе независимости; и что всего важнѣе:—здѣсь почва не искуственная, не привилегированная, не основанная на угнѣтеніи однихъ и отверженіи другихъ, а естественная, всѣмъ доступная и могущая быть пріемникомъ правды, общихъ интересовъ и полной гражданской дѣятельности. Здѣсь дворянство, по преимущественному своему просвѣщенію, по своимъ достаткамъ и по опытности въ дѣлахъ управленія, неизбѣжно, по ходу вещей, займетъ первенствующее мѣсто, и оно займетъ его тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ оно будетъ менѣе предъявлять претензій на первенство. За нимъ пуще всего не слѣдуетъ гнаться, даже не должно его прямо имѣть въ виду; оно неминуемо будетъ наше, если только мы просто отнесемся къ дѣлу, усердно имъ займемся, и забудемъ нашу прежнюю привилегированность. Все это — не надежды, не предсказанія, не обѣщанія, а уже наступающая дѣйствительность: въ земскихъ собраніяхъ, голосъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ, если только онъ не стѣсняется сословными интересами, есть рѣшительный по дѣламъ общественнымъ; въ управахъ, всѣ дѣла въ рукахъ землевладѣльцевъ-

дворянъ; и мировое судопроизводство также въ ихъ завѣдываніи.

Что же намъ теперь дѣлать? Намъ слѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ пустыхъ преимуществъ, которыя насъ отдѣляютъ отъ прочихъ состояній, и стать, просто на просто, на почвѣ землевладѣнія—почвѣ твердой и вѣрной. Сложивши такимъ образомъ съ себя двуличность, т. е принадлежность къ двумъ состояніямъ, мы будемъ въ силахъ устроить землевладѣльческое состояніе, и поставить его прочно во главѣ земства. Вотъ нынѣшнее наше призваніе; сюда мы должны устремить всѣ наши усилія.

Всякое промедленіе въ окончательномъ нашемъ преобразованіи въ земледѣльческое состояніе—для насъ вредно. Уже теперь дворянскія собранія даютъ поводъ къ неуважительнымъ о нихъ отзывамъ и къ насмѣшкамъ; уже теперь поступаютъ въ предводители не тѣ люди, которыхъ бы желали видѣть изъ землевладѣльцевъ на предсѣдательствѣ въ земскихъ собраніяхъ; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; и мы можемъ упустить благопріятное время для пріобрѣтенія, въ пользу землевладѣльческаго состоянія вообще, вліянія и силы въ земствѣ. Горожане и крестьяне, видя наше неустройство и наши сословныя претензіи, могутъ устроиться помимо насъ, что̀ конечно едва ли будетъ выгодно для нихъ самихъ, но уже конечно крайно вредно для насъ. Только немедленное, искреннее и полное соединеніе всѣхъ землевладѣльцевъ, въ одно законноустроенное состояніе, можетъ отвратить эту бѣду и скрѣпить тѣ связи съ крестьянами и горожанами, которыя теперь возникаютъ и легко могутъ порваться.

Но неужель дворянство должно быть вполнѣ уничто-

жено? Нѣтъ! Пусть оно остается чѣмъ оно и есть по закону (ст. 14 т. IX Свода законовъ), т. е. „названіемъ“ „нарицаніемъ“, а не тѣмъ, чѣмъ многіе его считаютъ и чѣмъ оно, на законномъ основаніи, даже никогда и не было, т. е. сословіемъ. Князья, графы, бароны, простые дворяне, сохранятъ свои названія, но съ ними не будутъ сопряжены никакія преимущества, отдѣляющія ихъ отъ прочихъ гражданъ. И теперь эти титулы и названія не даютъ никакихъ правъ; сколько изъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянству не имѣютъ куска хлѣба, сидятъ на козлахъ, пашутъ землю, поступаютъ на службу и даже въ работники къ купцамъ и крестьянамъ, и пр. Предполагаемая отмѣна во все не касается ни титуловъ, ни названій; она относится только до дворянъ-землевладѣльцевъ и до землевладѣльцевъ-недворянъ, которыхъ предполагается слить во едино.

Но чѣмъ же будутъ дворяне-неземлевладѣльцы? Тѣмъ же чѣмъ они и теперь, т. е. могутъ называться, если хотятъ, дворянами, но должны причислиться къ какому либо состоянію и всего удобнѣе имъ приписаться къ городамъ. Но, въ этомъ случаѣ, они будутъ мѣщанами? Нѣтъ! Съ отмѣною дворянскаго состоянія, должно преобразоваться и городское устройство. Объ этомъ рѣчь впереди, но здѣсь скажемъ только, что, какъ внѣ городовъ, всѣ землевладѣльцы имѣютъ составить одно состояніе, такъ и горожане, называясь дворянами, купцами, ремесленниками и пр. должны также образовать одно состояніе, а именно состояніе городское или состояніе горожанъ.

Что же теперь слѣдуетъ дѣлать для окончательнаго образованія землевладѣльческаго состоянія?

Самымъ естественнымъ, самымъ разумнымъ, самымъ достойнымъ путемъ для дворянства, было бы ходатайствовать о преобразованіи дворянскаго состоянія и о перенесеніи его правъ, отчасти на землевладѣльческое состояніе, а отчасти на земство вообще. Такъ избраніе предводителей могло бы быть передано землевладѣльческому состоянію, котораго старшина былъ бы и предсѣдателемъ въ земскихъ собраніяхъ. Вмѣсто губернскаго предводителя, могъ бы избираться уѣздными старшинами изъ среды себя, или изъ другихъ почетныхъ землевладѣльцовъ губерніи, губернскій старшина. Землевладѣльческое состояніе должно бы, въ составѣ, указанномъ ст. 23 Положенія о земск. учрежд., имѣть свои собранія по дѣламъ, собственно относящимся до этого состоянія. Въ такихъ собраніяхъ, кромѣ выбора гласныхъ, происходили бы выборы товарищей старшины или засѣдателей, для завѣдыванія дѣлами опекъ. Впрочемъ должно надѣяться, что эти послѣднія дѣла, крайне обременительныя, и въ уѣздахъ, и городахъ, для предводителей дворянства и прочихъ лицъ, завѣдывающихъ опеками, будутъ такъ устроены, что, только въ исключительныхъ случаяхъ, они останутся на обязанности землевладѣльческихъ избранниковъ. — Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній и нѣкоторыя другія права, коими пользуются дворяне должны бы также быть распространены, если не на все земство, то покрайней мѣрѣ на все землевладѣльческое состояніе. Что же касается до права дворянства, непосредственно подавать жалобы и прошенія Государю Императору, то оное слѣдовало бы передать не землевладѣльческому

состоянію, а всему земству, т. е. губернскому земскому собранію.

Указанный путь былъ бы, какъ сказано, лучшимъ, но едвали онъ возможенъ; во всякомъ случаѣ, онъ былъ бы крайне медленъ. Наши дворянскія собранія состоятъ не изъ людей избранныхъ, т. е. лучшихъ, а изъ всѣхъ, имѣющихъ извѣстный цензъ владѣнія, и даже его не имѣющихъ. Какъ скоро сдѣлается извѣстнымъ, что вопросъ о дворянствѣ будетъ подлежать обсужденію собранія, то сюда явятся даже люди, никогда не принимавшіе въ немъ участія. Въ дворянскихъ собраніяхъ вообще, пренія едва возможны: тутъ и сидятъ не такъ, какъ нужно для совѣщаній; и, при многочисленности членовъ, не привыкшихъ къ преніямъ, нѣтъ возможности удержать надлежащій порядокъ. А потому рѣшеніе большинства едва ли будетъ такое, какого желательно достигнуть; развѣ починъ будетъ отъ правительства, которое на обсужденіе предложитъ только нѣсколько вопросовъ, заключающихъ въ себѣ главную суть предполагаемаго преобразованія. Тогда дѣло можетъ устроиться иначе, и мнѣніе дворянства не окажется противорѣчащимъ вышеизложенному.

Другой путь, ближе къ цѣли ведущій, есть слѣдующій: составить въ Петербургѣ коммиссію, въ которую пригласить экспертовъ изъ дворянъ, преимущественно изъ предсѣдателей губернскихъ управъ, которые всѣ—дворяне, пользуются общимъ уваженіемъ, и въ дѣлахъ болѣе опытны, чѣмъ большинство дворянъ. Къ этимъ экспертамъ, слѣдовало бы присоединить Головъ изъ трехъ городовъ, гдѣ городское устройство уже преобразовано.

Эта коммиссія выработала бы проектъ преобразованія дворянскаго состоянія въ землевладѣльческое и городское, который и сообщить дворянскимъ собраніямъ и тремъ городскимъ думамъ С.-Петербурга, Москвы и Одессы, съ тѣмъ, чтобы они представили свои на проектъ замѣчанія. По полученіи этихъ замѣчаній, коммиссіи слѣдовало бы собраться вновь, исправить свой проектъ, и передать на разсмотрѣніе и утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Выгоды этаго пути: преобразованіе совершится, не безъ согласія дворянства; дворянство будетъ имѣть возможность высказывать свои желанія; мнѣнія разныхъ губернскихъ дворянскихъ собраній будутъ полнѣе и единообразнѣе, ибо всѣмъ будетъ сообщенъ одинъ и тотъ же проектъ, и дѣло получитъ болѣе успѣшное движеніе.

Заключимъ нашу статью искреннимъ пожеланіемъ, чтобы она была встрѣчена безъ предъубѣжденій, прочтена и разобрана безъ раздраженія, и послужила къ разъясненію дѣла и къ умиротворенію противуположныхъ мнѣній, нынѣ раздѣляющихъ дворянство. Этого искренне желаетъ пишущій эти строки дворянинъ, землевладѣлецъ и Русскій, прожившій болѣе 60 лѣтъ въ дѣлахъ и хлопотахъ, въ деревнѣ и городахъ, въ жизни частной и на службѣ государственной и общественной; и нынѣ, по довѣрію своихъ согражданъ, состоящій въ разныхъ общественныхъ званіяхъ и должностяхъ.

10 января 1869.

Москва.

IV.

О НЫНѢШНЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ И О МѢРАХЪ КЪ УЛУЧШЕНІЮ ИХЪ БЫТА.

Идетъ слухъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ подвергнуть изслѣдованію нынѣшнее положеніе крестьянъ, и сравнить его съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ они находились въ 1860 году. Такое предположеніе нельзя не признать добрымъ, мудрымъ и вполнѣ своевременнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно рождаются опасенія на счетъ послѣдствій такаго, оффиціальнымъ образомъ произведеннаго, изслѣдованія. Эти опасенія еще усиливаются вслѣдствіе того, что трудно ожидать, чтобы наша журналистика, своими собственными средствами, была въ состояніи исправить ошибки оффиціальныхъ свѣдѣній и выводовъ, и пополнить ихъ недостатки. Странно: нельзя сказать, чтобы мы, по природѣ, были лгуны или лишены практическаго смысла. Нѣтъ! въ Русскихъ есть добросовѣстность, а смышленность и способность ихъ къ дѣламъ житейскимъ—даже замѣчательны. А между тѣмъ, и въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ бумагахъ и статьяхъ, самый главный недостатокъ есть отсутствіе правды; и какъ администрація, такъ и журналистика

постоянно стоятъ на почвѣ, чуждой дѣйствительности и ими самими искуственно создаваемой. Въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и отчетахъ, представляются цифры и соображенія, по большей части коё-гдѣ и коё-какъ схваченныя, съ цѣлью утвержденія и оправданія какихъ-либо предвзятыхъ мнѣній или въ угожденіе начальству. Въ журнальныхъ кореспонденціяхъ, свѣдѣніяхъ и расказахъ, сообщается только то, что согласно съ мнѣніями направленія, къ которому принадлежитъ издатель. Потребности въ правдѣ, горячаго стремленія къ ней, тоски по ней,—къ сожалѣнію, нѣтъ нигдѣ. Самые добросовѣстные администраторы и журналисты безжалостно гнутъ данныя подъ ярмо своихъ убѣжденій, не стараясь вникать во внутренній смыслъ совершающихся событій и подвергать свои убѣжденія новымъ провѣркамъ. Сверхъ того, и это особенно прискорбно: господствующія у насъ направленія въ обществѣ, въ журналистикѣ и въ администраціи отличаются не основательностью, не умѣренностью, не правдивостью, не устойчивостью, не знаніемъ настоящаго дѣла, а увлеченіями, исключительностью и вообще способностью довольствоваться, на живую нитку сшитыми свѣденіями и выводами; ложь, даже клевета считаются у насъ не безнравственными средствами къ достиженію цѣли.

При такихъ обстоятельствахъ, предполагаемое оффиціальное изслѣдованіе можетъ имѣть особенно важныя послѣдствія: оно можетъ также легко повести къ ухудшенію, какъ и къ улучшенію нынѣшняго сельскаго быта. А потому люди, не принадлежащіе къ администраціи и не состоящіе въ обязательныхъ отношеніяхъ къ журнальнымъ редакціямъ,—люди, живущіе въ деревнѣ, занимающіеся

хозяйствомъ, принимающіе участіе въ земскихъ дѣлахъ, и состоящіе съ крестьянами въ ежедневныхъ, ежечасныхъ сношеніяхъ, обязаны, каждый по своей мѣстности, высказывать правду по крестьянскому дѣлу. Для этихъ людей, правда доступнѣе чѣмъ для другихъ, потому что они стоятъ ближе къ дѣйствительности, что ежедневный опытъ ихъ отрезвляетъ, и что они находятся подъ дѣйствіемъ не своей личной, часто спотыкающейся мудрости, а той, которая внушается совершающимися дѣлами и событіями. Думаемъ, что журналы, особенно нѣкоторые изъ нихъ, не откажутъ въ помѣщеніи такихъ статей; ибо они поймутъ, что такія статьи могутъ быть особенно полезными для нашей журналистики, страждущей вообще малокровіемъ и худосочіемъ (*). Думаемъ, по крайней мѣрѣ, надѣемся, что администрація также не отнесется съ презрѣніемъ къ отзывамъ этихъ людей, хотя бы эти отзывы были составлены и не по формамъ, бюрократіею выработаннымъ, отличались не краткостью, сдѣлавшеюся нынѣ необходимою принадлежностью благоприличнаго доклада, и не содержали въ себѣ безусловнаго восхваленія или такаго же осужденія предпринятыхъ преобразованій. Въ исполненіе упомянутой обязанности, и въ виду высказанной надежды, мы рѣшились написать нижеслѣдующія строки.

(*) Эта надежда наша не сбылась: печатаемая нынѣ статья отправлена была въ редакцію одного изъ всего менѣе исключительныхъ журналовъ; но и тамъ, она не могла быть напечатана. Печатаются статьи и хуже нашей; слѣдовательно она не помѣщена, не по причинѣ ея низкаго достоинства, а по причинамъ инаго свойства.

Улучшился ли бытъ крестьянъ послѣ 19 февраля 1861 года? Вотъ вопросъ, который всего чаще предлагается и на который, по большей части, даются краткіе, рѣшительные отвѣты. Мы думаемъ, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣчать ни коротко, ни безусловно. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, бытъ крестьянъ дѣйствительно и значительно улучшился; въ другихъ же отношеніяхъ, онъ несомнѣнно ухудшился. Дать рѣшительный, безоговорочный отвѣтъ на постановленный вопросъ—считаемъ мы дѣломъ болѣе чѣмъ неосторожнымъ.

Бытъ крестьянъ чувствительно улучшился въ слѣдующихъ отношеніяхъ: во 1-хъ теперь наказываютъ крестьянъ розгами гораздо мѣнѣе чѣмъ то было прежде; во 2-хъ, они знаютъ свои обязанности, и никто не можетъ требовать съ нихъ, по своему произволу, лишнихъ работъ или денегъ; сверхъ того, они освобождены отъ подводъ и мелкихъ поборовъ; а барщина, равно невыгодная для помѣщиковъ и крестьянъ, видимо изчезаетъ съ лица земли Русской; въ 3-хъ, они увѣрены, что и сами и члены ихъ семействъ, не будутъ взяты во дворъ или отправлены неизвѣстно куда; въ 4-хъ, они знаютъ, что имѣютъ собственность, которую, по произволу, никто у нихъ отнять не можетъ; въ 5-хъ, заработки видимо развиваются, и предпріимчивость крестьянъ растетъ замѣтно; однимъ словомъ, крестьяне, въ послѣдніе восемь лѣтъ, значительно поднялись въ сознаніи своихъ человѣческихъ правъ.

Въ другихъ отношеніяхъ, бытъ крестьянъ не улучшился, а рѣшительно ухудшился. Достатки ихъ не увеличились, а скорѣе уменьшились. Главное богатство

крестьянъ состоитъ въ скотѣ. По свѣденіямъ, мною собраннымъ по многимъ селеніямъ, и по отзывамъ самихъ крестьянъ, а равно помѣщиковъ, во все не враждебно относящихся къ уничтоженію крѣпостнаго права на людей, очевидно что и лошадей и коровъ и овецъ, осталось у крестьянъ на половину и даже меньше противъ прежняго. Число избъ и другихъ домашнихъ строеній увеличилось, но не вслѣдствіе того, что крестьяне разбогатѣли или что желаютъ доставить себѣ больше жизненныхъ удобствъ, а по причинѣ раздѣловъ, которымъ подверглись почти всѣ крестьянскія семейства. Мимоходомъ скажемъ, что дѣлежи до того участились, что уже нѣтъ большихъ семействъ, и что почти всѣ крестьяне теперь живутъ одиночками, лишенными возможности идти въ рабочіе или на другіе промыслы. Вновь разбогатѣвшихъ людей почти нѣтъ; а многіе изъ зажиточныхъ перешли въ число нуждающихся. Старыхъ кладушекъ почти нигдѣ не видно; а мы, люди пожилые, очень хорошо помнимъ, что даже послѣ 1840 года, когда цѣны на хлѣбъ почти удесятерились (онѣ доходили до 40 руб. на монету за четверть ржи), завѣтныя кладушки оставались на крестьянскихъ гумнахъ. Помѣщики, по большей части, не оставляютъ хлѣбныхъ запасовъ въ скирдахъ, предпочитая или беречь хлѣбъ въ амбарахъ или превращать его въ деньги. Крестьяне, напротивъ того, въ житницахъ держутъ хлѣбъ только для расхода, а запасы хранятъ въ кладушкахъ. Они даже неохотно обращаютъ хлѣбъ въ деньги, довѣряя болѣе первому чѣмъ послѣднимъ; прежде они говорили, что деньги круглыя—легко катятся; а теперь они изобрѣли другую поговорку: бумажки

легко истираются и межь пальцевъ проходятъ. А потому отсутствіе кладушекъ на гумнахъ, въ нашихъ краяхъ, есть несомнѣнный признакъ обѣдненія крестьянъ.—Нравственность ихъ не улучшилась, а значительно ухудшилась: пьянство сдѣлалось болѣзнью почти общею; воровство особенно крестьянами у крестьянъ усилилось въ размѣрахъ разительныхъ; уваженіе къ старикамъ видимо изчезаетъ; а общинное начало, прежде сильное въ крестьянствѣ, и бывшее основаніемъ и источникомъ общественной нравственности въ этомъ сословіи, видимо слабѣетъ, и вмѣсто того развивается самое тѣсное себялюбіе, которое при отсутствіи просвѣщенія, убійственно дѣйствуетъ на дѣла и понятія людей. Слѣдовательно, обѣдненіе крестьянъ и ухудшеніе ихъ нравственности не подлежатъ никакому сомнѣнію. Какія главныя тому причины?

Первая, главнѣйшая причина указанныхъ золъ заключается въ страшной неурядицѣ, господствующей въ крестьянскомъ самоуправленіи.

Трудно повѣрить до какаго безобразія доходятъ безпорядки къ крестьянскихъ обществахъ. Почти всѣ начальники—пьяницы. Знавали мы людей, вовсе не пившихъ вина, которые, сдѣлавшись старшинами или сельскими старостами, спились скруга, и произвели значительные захваты изъ мирскихъ суммъ. Сельскіе и волостные сходы, безъ вина, не кончаютъ никакаго дѣла: отведеніе ли новыхъ усадьбъ, пріемъ ли въ общество новыхъ членовъ, увольненіе ли изъ онаго выбывающихъ членовъ, — словомъ все требуетъ выставки, въ пользу мира, извѣстнаго количества ведръ вина. Порядочные крестьяне

перестали ходить на сходы; а горланы, промотавшіеся крестьяне и другіе негодяи господствуютъ на сходахъ, которые собираются весьма часто; ибо крестьяне и ихъ начальства находятъ очень пріятнымъ пьянствовать и потомъ опохмѣляться. Должно сказать, что посредники, по большей части, ограничиваются полученіемъ своего жалованья и не занимаются болѣе исправленіемъ своихъ обязанностей. Къ тому же, и обязанности и власть ихъ весьма ограничены. По части судебной и исполнительной, они только передатчики дѣлъ мировымъ судьямъ и полицейскому управленію; а въ отношеніи къ крестьянскимъ обществамъ, они совершенно безсильны. Вслѣдствіе этаго неурядица въ крестьянствѣ—страшная. Крестьяне, т. е. добропорядочные изъ нихъ, шибко тяготятся этимъ положеніемъ. Они обращаются къ помѣщикамъ, къ посредникамъ и къ мировымъ судьямъ, за совѣтами и съ просьбами о защитѣ. На дняхъ, въ Сапожковскомъ земскомъ собраніи, былъ случай, который доказываетъ, какъ мало они на себя надѣятся.

Мировые посредники Сапожковскаго уѣзда подали собранію мнѣніе о томъ, что наступило время упразднить ихъ должности, и что слѣдуетъ предложить губернскому земскому собранію ходатайствовать объ этомъ предъ высшимъ правительствомъ. Гласные отъ землевладѣльцовъ тотчасъ согласились съ этимъ мнѣніемъ; но гласные отъ крестьянъ пришли въ страшное смущеніе и говорили: „а кто же нами будетъ управлять? теперь на сельскія начальства можно еще пожаловаться хотя посреднику; а если его не будетъ, то сходы, старосты и судьи насъ просто съѣдятъ—ложись да умирай“.

Стоило большихъ хлопотъ и разъясненій, чтобы наконецъ убѣдить ихъ на изъявленіе согласія на упомянутое предложеніе. Особенно подвинуло ихъ на изъявленіе согласія — увѣреніе, что права и обязанности посредниковъ перейдутъ къ мировымъ судьямъ, а не къ полиціи. Когда наконецъ они согласились, то и тогда сказали: „Господа, смотрите, будетъ хуже; теперь мало у насъ порядка, а тогда и во все его не будетъ. Мы одни управиться не можемъ“. Слова весьма замѣчательныя!

Посредники должны быть упразднены, потому что весьма немногіе изъ нихъ теперь занимаются своимъ дѣломъ, что они дорого стоятъ земству, и что это учрежденіе, обреченное упраздненію, безсильно къ обузданію крестьянскаго своеволія; но чѣмъ-нибудь оно должно быть замѣнено; такъ, безъ замѣны, оно упразднено быть не можетъ.

Вторая причина обѣдненія крестьянъ и упадка ихъ нравственности заключается—въ отсутствіи правосудія въ волостныхъ судахъ. Тутъ также одно вино все рѣшаетъ; и выигрываетъ свое дѣло тотъ, кто выставитъ болѣе вина. Права собственности и личности совершенно не ограждены, и крестьяне всѣ единогласно жалуются на свои суды. Нѣкоторые посредники, выходя изъ предѣловъ своей власти, заставляютъ суды, при вопіющихъ несправедливостяхъ, пересматривать и перерѣшать дѣла ими уже рѣшенныя; но такіе посредники составляютъ исключенія изъ общаго правила, и такія ихъ дѣйствія нельзя признать формально законными.

Окончательность рѣшеній волостныхъ судовъ освобож-

даетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности; и потому они рѣшаютъ дѣла безъ всякаго зазрѣнія совѣсти.—Прежде, въ Сапожковскомъ уѣздѣ, мировые судьи принимали къ своему разсмотрѣнію дѣла о кражѣ между крестьянами; по полученіи же рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента отъ 11 іюля 1867 года, мировой съѣздъ долженъ былъ признать эти дѣла неподсудными мировымъ учрежденіямъ; и надобно было видѣть и слышать отчаяніе, по этому случаю, крестьянъ: они въ одинъ голосъ говорили; „нѣтъ! видно мировые судьи не про насъ, а для однихъ бояръ да купцовъ, а мы головою выданы пашимъ пьянчугамъ“. —Когда имъ на это замѣчали, что эти судьи ими же самими избираются; то они отвѣчали: „выбираемъ мы мужиковъ порядочныхъ, да больно скоро они становятся никуда не годными“. А еще чаще крестьяне говорили: „да кто ихъ, т. е. судей, выбираетъ? такіе же пьянчуги какъ они сами.“ *Безаппеляціонность* крестьянскаго суда есть зло великое, едва ли не главное, и требуетъ скорѣйшаго устраненія.

Третья причина обѣдненія крестьянъ и упадка ихъ нравственности, заключается въ размноженіи кабаковъ. Не только отъ того соблазнъ усилился, ибо на каждомъ шагу имѣется кабакъ (въ селахъ, гдѣ около 500 душъ, бываетъ до 7 кабаковъ); но другое послѣдствіе еще важнѣе: когда на 500—600 душъ имѣется одинъ кабакъ, то виноторговецъ можетъ честно вести торговлю и заработывать себѣ деньги на прожитокъ; если же, какъ теперь, иногда на 500 душъ имѣется 7 кабаковъ, то виноторговцы, чтобы существовать, должны всячески усиливать свою торговлю, т. е. вино отпускать и въ

долгъ и подъ залогъ всякой всячины и подъ краденыя вещи. Конечно возвышеніе цѣны на патенты, отмѣна полугодовыхъ патентовъ на первое полугодіе, и другія мѣры, узаконенныя въ нынѣшнемъ году, уменьшатъ число кабаковъ; но едва ли онѣ однѣ достигнутъ желаемой цѣли (*). Необходимо принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ сокращенію кабаковъ и въ особенности продажи вина въ долгъ, подъ залогъ и подъ краденыя вещи. Надо жить въ деревнѣ, чтобы видѣть до какаго безо-

(*) Къ сожалѣнію, вышло новое распоряженіе, допускающее, на 1869 годъ, выдачу полугодовыхъ патентовъ на питейныя заведенія. Эта мѣра испрошена министерствомъ финансовъ, въ виду предстоящаго ограниченія числа кабаковъ. Не можемъ скрыть того глубокаго огорченія, которое мы почувствовали при чтеніи этого указа. Мы увѣрены, что число кабаковъ, въ теченіи нынѣшняго года, ограничено не будетъ: для этого нужны такія свѣденія и соображенія, которые собрать не легко. Еслибы постановленіе, изданное въ прошломъ году и еще неприведенное въ исполненіе, на счетъ запрещенія выдачи полугодовыхъ патентовъ на первые шесть мѣсяцевъ года, осталось бы въ силѣ, то число кабаковъ конечно уменьшилось бы на половину; и тогда легче было бы сдѣлать слѣдующій шагъ, т. е. ограничить число кабаковъ по числу народонаселенія. Теперь число кабаковъ, по милости новаго распоряженія, останется прежнее; въ теченіи нынѣшняго года, едва ли состоится обѣщанное ограниченіе числа кабаковъ; и пьянство все болѣе и болѣе будетъ развиваться, разорять и губить народъ. Хотя насъ, земскихъ людей, и считаютъ недальновидными, себялюбивыми и не-финансистами, однако невѣрное можно сказать, что ни одно земское собраніе не предложило или не одобрило бы подобной мѣры. И причина тому только та, что мы живемъ дома, жизнью общею и находимся подъ умудряющимъ дѣйствіемъ совершающихся вокругъ дѣлъ и событій.

бразія дошло пьянство: не по праздникамъ однимъ, валяются пьяные, но и въ будни и особенно по понедѣльникамъ, пьяныхъ видишь сплошь и рядомъ. Бабы и мальчики несутъ выработанныя деньги въ кабакъ и напиваются до упада. Легко себѣ вообразить послѣдствія такаго пьянства: драки, безпутство, кража и пр.

Крестьяне сами сознаютъ весь вредъ отъ размноженія кабаковъ—желаютъ положить границы пьянству, но одни не въ силахъ этого сдѣлать. Очень замѣчателенъ слѣдующій случай, бывшій, въ нынѣшнемъ году, въ Сапожковскомъ земскомъ собраніи: разсуждали, по предложенію одного гласнаго изъ крестьянъ, о средствахъ къ сокращенію пьянства; и шелъ толкъ о томъ, на какое количество душъ слѣдуетъ имѣть кабакъ: одни предлагали на каждые 500 душъ разрѣшать по одному кабаку; а другіе находили что довольно одного кабака и на 1000 душъ. Послѣднее мнѣніе было принято большинствомъ голосовъ, потому что всѣ гласные изъ крестьянъ, за исключеніемъ двухъ, содержащихъ кабаки, подали голосъ за 1000 душъ.

Четвертая причина бѣдственнаго положенія крестьянъ, заключается въ степени умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, не соотвѣтствующей правамъ имъ предоставленнымъ. Закономъ дано имъ полное самоуправленіе, т. е. несравненно бо́льшее чѣмъ дворянамъ и горожанамъ: крестьяне собираются на сходъ, когда хотятъ; они дѣлаютъ приговоры и приводятъ ихъ въ исполненіе, и только не многіе изъ послѣднихъ подлежатъ утвержденію посредника; крестьяне имѣютъ судъ безапеляціонный и пр. Очевидно: имъ даны такая свобода

и такая власть, что они съ ними справиться не въ состояніи. Крестьяне, правда, сдѣлали большіе успѣхи въ сознаніи своихъ правъ; но, къ сожалѣнію, нельзя тогоже сказать относительно ихъ успѣховъ въ сознаніи легшихъ на нихъ обязанностей. Они довольно исправно взносятъ подати; это главнѣйше происходитъ отъ того, что уѣздная полиція, имѣя теперь гораздо менѣе дѣлъ чѣмъ прежде (слѣдствія отошли къ судебнымъ слѣдователямъ, а дѣла по взысканіямъ къ мировымъ судьямъ и общимъ судамъ), все свое вниманіе обратила на взысканіе податей. Но вообще крестьяне до крайности неисполнительны. Не будемъ говорить о худомъ отбываніи барщины, понудившей помѣщиковъ перевести крестьянъ на оброкъ; не станемъ толковать и о не исправныхъ платежахъ оброка, заставляющихъ помѣщиковъ представлять населенныя имѣнія на обязательный выкупъ; но не можемъ не обратить вниманія на постоянное неисполненіе крестьянами всякихъ сдѣлокъ, совершаемыхъ ими какъ между собою, такъ и съ лицами другихъ состояній. Эта ихъ неисполнительность договоровъ доходитъ до того, что почти нѣтъ возможности ни нанимать людей на службу или въ работу, ни отдавать имъ землю въ наемъ. Рабочіе иначе не нанимаются какъ съ полученіемъ денегъ впередъ. Получивши ихъ, сначала они работаютъ порядочно; наступаетъ рабочая пора и они гурьбою приходятъ и требуютъ всѣ остальныя за лѣто деньги, угрожая, при невыдачѣ имъ денегъ, уйти домой. Хозяинъ долженъ покориться ихъ требованію, ибо иначе гумно его, въ самое нужное время, останется пустымъ. Рабочіе, получивъ всѣ слѣдующія имъ деньги, сначала работаютъ

сносно; но вскорѣ ихъ усердіе ослабѣваетъ, и окончаніе сѣва и возки хлѣба производится кое-какъ; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; и осенью рабочіе словно изъ милости что-нибудь дѣлаютъ, отлучаясь безпрестанно то на свадьбы, то на храмовые праздники, которые въ послѣднее время стали праздноваться по цѣлымъ недѣлямъ. Конечно можно жаловаться мировому судьѣ и онъ присудитъ законное удовлетвореніе; но какое? Рабочіе обыкновенно приговариваются къ отжитію остальнаго по условію времени у хозяина и къ уплатѣ за прогульные дни; но кому охота держать у себя рабочаго противъ его воли? а за прогульные дни нѣтъ возможности что либо получить, ибо все имущество въ домѣ принадлежитъ отцу, который всегда отказывается платить за прогульные дни своего сына. —Землю обыкновенно отдаютъ крестьянамъ такъ, чтобы всѣ деньги были уплачены до уборки хлѣба. Эти условія для крестьянъ конечно тяжелы, но никакихъ другихъ допустить нельзя. Какъ 1867 былъ годъ тяжелый, и какъ, въ первой половинѣ 1868, у крестьянъ рѣшительно денегъ не было; то они почти всѣ просили объ отсрочкѣ послѣднихъ уплатъ до 1 сентября. Землевладѣльцы, зная что къ этому времени у крестьянъ еще не можетъ быть денегъ, разсрочили имъ платежи на весь сентябрь такъ, чтобы до Покрова (1 октября) все было уплачено. Крестьяне благодарили, обѣщали все уплатить до срока; но прошелъ и Покровъ, а уплатъ все нѣтъ. Пьянство страшное; свадьбы играются одна послѣ другой; на базарахъ бездна хлѣба; гумна пустѣютъ; а платежей все нѣтъ какъ нѣтъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, крестьяне одного извѣстнаго села составили приговоръ на счетъ

исправленія церкви и обложили себя съ души сборомъ; сверхъ того обязались доставлять подводы на подвозку матеріаловъ. Наняты плотники и каменьщики; выпиты магарычи; пришли рабочіе, а въ матеріалахъ постоянно недостатокъ. И все это отъ того, что некому распорядиться, и что всякій валитъ платежъ и работу на сосѣда.

Безъ кредита большинство крестьянъ обойтись не можетъ, ибо и на наемку земли и на уплату повинностей, у нихъ нѣтъ никогда наличныхъ денегъ. Они нанимаются въ рабочіе и подряжаются на разныя работы только тогда, когда нужда заставляетъ ихъ, тѣмъ или другимъ способомъ, добыть деньги. Не давайте денегъ впередъ, и вы останетесь безъ рабочихъ и не можете произвести никакой работы наймомъ. Въ минуту крайности, крестьяне вполнѣ сговорчивы, и хозяева налагаютъ на нихъ условія тѣмъ болѣе тяжелыя, чѣмъ менѣе они увѣрены въ ихъ исполненіи. Тутъ явная невыгода для обѣихъ сторонъ: тяжесть условій для крестьянъ, и полная неувѣренность въ исполненіи условій для хозяевъ. И въ этомъ отношеніи не замѣтно никакаго улучшенія: въ первые два года послѣ 1861 года, почти невозможно было входить въ какія-либо условія съ крестьянами; за тѣмъ оказалось въ этомъ отношеніи улучшеніе; въ прошломъ году, землевладѣльцы допускали крестьянамъ, по-случаю неурожая, разныя снисхожденія и льготы; и крестьяне, стѣсненные нуждою, и работали хорошо и исполняли порядочно заключенныя ими условія; но въ нынѣшнемъ году, имѣя дома много хлѣба, продавая и пропивая его, совершенно отъ рукъ отбились и нѣтъ

возможности въ чѣмъ либо съ ними столковаться, и что либо съ нихъ получить. Отсутствіе кредита или его утяжеленіе крайне бѣдственны для крестьянъ; совершенная неувѣренность въ исполненіи крестьянами принятыхъ ими на себя обязанностей, дѣлаетъ невозможнымъ правильное веденіе хозяйства. Такое положеніе долго существовать не можетъ: оно разорительно для обѣихъ сторонъ, и весьма не выгодно для государства. Законодательное вмѣшательство въ это дѣло— неизбѣжно.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что сельскій бытъ вообще находится въ бѣдственномъ положеніи. Крестьяне и землевладѣльцы, отдатчики земли въ наемъ и наниматели ея, рядчики и рабочіе—словомъ всѣ страдаютъ отъ неурядицы, въ сельскомъ быту.—Какія же мѣры принять къ улучшенію положенія сельскихъ жителей?

Первою, самою необходимою къ тому мѣрою должно быть установленіе надъ крестьянскими обществами и крестьянами вообще, власти на столько самостоятельной, сильной и прочной, чтобы она могла обуздывать своеволіе этой части народонаселенія. Мы вовсе не за востановленіе помѣщичьей юридикціи, въ какомъ бы то ни было видѣ; покойниковъ не воскрешаютъ; и мы, менѣе чѣмъ кто-либо, жалѣемъ объ этомъ покойникѣ. Мы также не можемъ согласиться на то, чтобы крестьянскія общества были обязаны избирать себѣ попечителей изъ землевладѣльцовъ извѣстнаго ценза. Безвозмездно не многіе согласятся принять на себя такія не легкія и непріятныя обязанности; если же кто ихъ на себя и приметъ, или не будетъ ихъ исполнять, или такъ устроитъ, что мзду

возметъ десятирицею. Назначеніе же за это, по обоюдному согласію, вознагражденія, сопряжено съ большими неудобствами: явятся на эту должность такіе кандидаты, которые усилятъ, а не уменьшатъ неурядицу въ крестьянскихъ обществахъ, и которые окончательно разстроятъ крестьянское самоуправленіе. Къ тому же, служба попечителей безъ контроля — опасна; а подъ контролемъ—она не мыслима. А потому, единственный исходъ въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, чтобы эту административную власть надъ крестьянскими обществами, ввѣрить мировымъ судьямъ и съѣздамъ мировыхъ судей, избираемыхъ всѣмъ земствомъ.

Знаемъ, что, противъ такой передачи, могутъ быть сдѣланы многія и весьма основательныя возраженія. Какъ на судей возлагать обязанности совершенно инаго разряда, а именно распорядительныя? И безъ того, участковымъ мировымъ судьямъ много дѣла, какъ еще отягощать ихъ не малою толикою дѣлъ другаго рода? Теперь мировые судьи пользуются и доброю славою и общимъ къ себѣ благорасположеніемъ и уваженіемъ, за чѣмъ же значительною надбавкою бремени, подвергать опасности самое существованіе этого учрежденія? Къ тому же, какимъ образомъ мировыхъ судей, нынѣ единственныхъ независимыхъ отъ мѣстной администраціи должностныхъ лицъ, ей подчинить, а между тѣмъ это неминуемо, при возложеніи на нихъ обязанностей административныхъ? Все это мы, близко стоящіе къ мировому судебному учрежденію, очень хорошо знаемъ; но другаго исхода изъ нынѣшняго невыносимаго положенія, мы не видимъ. Большой бѣды въ соединеніи судебной и распорядительной власти въ мировыхъ учреж-

деніяхъ, мы не видимъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не одинъ примѣръ Англіи, гдѣ мировые судьи облечены и властью распорядительною, а особенно близкое знакомство съ дѣятельностью мировыхъ судей и посредниковъ, и сверхъ того знаніе, какъ дѣла дѣйствительно на мѣстѣ производятся. Необходимо и не трудно, въ среднихъ и высшихъ инстанціяхъ, судебныя дѣла отдѣлять отъ дѣлъ административныхъ; но крайне трудно, почти невозможно и главное неудобно быть, въ этомъ отношеніи, строго послѣдовательнымъ относительно низшихъ инстанцій, гдѣ бездна дѣлъ такихъ, въ которыхъ судъ и расправа тѣсно соединены, и гдѣ признаніе инаго дѣла судебнымъ, ровнялось бы отказу въ правосудіи. Жалуется крестьянинъ на сельскаго старосту въ переборѣ съ него податнаго сбора; замѣченъ крестьянинъ или начальникъ въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей; нужно взыскать безспорные грошевые долги, а сельское начальство ничего не дѣлаетъ; не чинится мостъ и по этому возникаетъ споръ; и пр. Всѣ эти дѣла суть полусудебныя и полураспорядительныя. Если ихъ признать судебными, то изъ этого выдетъ крайняя медленность въ ходѣ дѣлъ; если же передать ихъ, какъ административныя, уѣздной полиціи, то она опять сдѣлается всемогущею, что, конечно, не желательно. Раздѣлять судъ и расправу въ мелкихъ, ежедневныхъ крестьянскихъ дѣлахъ—весьма неудобно; этого могутъ требовать одни теоретики. При самоуправленіи, такое дробленіе и не нужно и нигдѣ не существуетъ. Учреждать особыхъ земскихъ администраторовъ,—и харчисто и неудобно и даже невозможно. Столкновеніе между этими лицами и мировыми судьями

будутъ ежедневныя. Мы изъ опыта знаемъ, какъ часто теперь посредники и судьи затрудняются въ рѣшеніи подсудности дѣлъ; и если, въ иныхъ уѣздахъ, нѣтъ никакихъ столкновеній, то это только потому, что тамъ всѣ мировые посредники суть вмѣстѣ съ тѣмъ и почетные мировые судьи, и что рѣшенія съѣзда признаются ими безусловно обязательными. Къ тому же, мы не такъ богаты людьми дѣльными и образованными, чтобы, къ двумъ комплектамъ служащихъ (по мировому суду и по земской управѣ), еще прибавлять новый, по необходимости многочисленный; ибо эти администраторы, чтобы быть полезными, должны быть въ недальномъ разстояніи отъ управляемыхъ. Хорошо что мы могли порядочно замѣстить ваканціи мировыхъ судей; откуда намъ взять еще такое же число людей въ земскіе администраторы? Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, потребуется нѣсколько увеличить число мировыхъ участковъ; но это много легче, чѣмъ удвоить число служащихъ по выборамъ земства. Такой именно изходъ изъ нынѣшняго затруднительнаго положенія, уже указанъ нѣкоторыми земствами; и другаго исхода нѣтъ возможности предложить, развѣ съ цѣлью или возстановленія крѣпостнаго права въ иномъ видѣ, отъ чего сохрани насъ Богъ, или увѣковѣченія существующей неурядицы въ крестьянствѣ, долженствующей повести и къ общей неурядицѣ въ государствѣ.

Вполнѣ сознаемъ, что весьма не желательно *сколько нибудь* подчинить мировыхъ судей мѣстной администраціи. Это можетъ быть устранено тѣмъ, что на административныя дѣйствія мировыхъ судей, могутъ быть допущены жалобы ихъ уѣздному съѣзду, которой бу-

детъ ихъ разсматривать въ особомъ административномъ засѣданіи. По тѣмъ же дѣламъ, которыя, по существу своему, не могутъ быть изъяты изъ вѣденія губернскаго начальства, слѣдуетъ ихъ сколь возможно точнѣе обозначить, и вмѣстѣ съ тѣмъ положительно опредѣлить степень его вмѣшательства въ оныя. Конечно смыслъ словъ упругъ; мы знаемъ это по опыту; но чтоже дѣлать? Неужель лучше, въ огражденіе судей отъ притязаній администраціи, головою ей выдать крестьянъ и землевладѣльцевъ? Богъ дастъ, судьи съумѣютъ защитить свою самостоятельность, и начало сліянія властей судебной и административной, въ низшей инстанціи, въ лицѣ земскаго избранника, установится, укрѣпится и войдетъ въ нашу земскую жизнь.—Въ послѣднее время, пошелъ слухъ, что будто правительство предполагаетъ замѣнить посредниковъ чиновниками отъ казны. Мы не можемъ этому вѣрить. Правительство назначаетъ полицейскихъ чиновниковъ; неужели оно убѣждено въ доброкачественности своихъ назначеній, и при томъ такъ убѣждено, что можетъ желать разширенія круга своихъ опредѣленій? Мы, живущіе въ уѣздѣ и знакомые между собою, часто затрудняемся въ выборѣ людей въ разныя должности; неужели губернаторъ, человѣкъ, по большей части, заѣзжій, и имѣющій дѣло преимущественно съ чиновниками, можетъ, съ пользою для дѣла, избирать въ званіе, имѣющее замѣнить званіе посредника. Надзоръ за сельскими и волостными сходами, за сельскими и волостными начальствами, за ходомъ дѣлъ вообще въ крестьянскихъ обществахъ—развѣ можетъ быть порученъ иначе какъ людямъ земскимъ? Чиновники самые отличные совершенно

не способны на дѣла этого рода. Они не поймутъ крестьянъ; крестьяне ихъ не поймутъ; чиновники увидятъ зло тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, и не обратятъ вниманія на то, въ чемъ именно кроется бѣда; они захотятъ или подвести все подъ формы и правила, или, изъ опасенія прослыть людьми не либеральными, еще усилятъ распущенность въ крестьянскихъ обществахъ, и послѣднее будетъ горше перваго. Нѣтъ! Такому слуху мы вѣрить не можемъ; ибо убѣждены что правительство хорошо знаетъ, гдѣ его дѣйствіе необходимо и благодѣтельно, и гдѣ его вмѣшательство неумѣстно и можетъ быть только вреднымъ.

Мы глубоко убѣждены, что, съ пользою для дѣла, права и обязанности мировыхъ посредниковъ не могутъ быть переданы никому, помимо мировыхъ судей; что эти права и обязанности должны быть нѣсколько разширены (но объ этомъ рѣчь впереди); и что полиція должна оставаться при томъ, что нынѣ ею, по этой части, исполняется, безъ всякаго усиленія ея вліянія на крестьянскія общества. Особенно важнымъ можетъ быть присутствіе мировыхъ судей на выборахъ въ должности волостныхъ и сельскихъ начальниковъ и волостныхъ судей. Теперь порядочные крестьяне устраняются и отъ сходовъ и отъ всякихъ должностей; отъ того, сходы безалаберны и выборы очень плохи. Если, на этихъ собраніяхъ, будутъ присутствовать мировые судьи, то хорошіе крестьяне явятся на сходы, и дѣло можетъ пойти совершенно иначе.

Еще одно обстоятельство весьма сильно говоритъ въ пользу передачи обязанностей мировыхъ посредниковъ мировымъ судьямъ: крестьяне, помѣщики и полиція, въ

своихъ дѣйствіяхъ и понятіяхъ, еще стоятъ на почвѣ до-законной, т. е. той, которая существовала до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 года. Одни мировые судьи (по крайней мѣрѣ значительное большинство ихъ), окрещенные въ водахъ законности изученіемъ и исполненіемъ уставовъ, сами преобразились и въ состояніи содѣйствовать къ преобразованію крестьянъ: они одни могутъ ввести, въ крестьянское самоправленіе, справедливость и добрый порядокъ.

Второю мѣрою должна быть отмѣна безаппеляціонности волостныхъ судовъ. Этого желаютъ всѣ крестьяне, безъ исключенія; объ этомъ они слезно молятъ; и это отчасти существуетъ на дѣлѣ въ тѣхъ немногихъ участкахъ мировыхъ посредниковъ, которые крестьянское дѣло принимаютъ къ сердцу. Правда, законъ допускаетъ только кассацію рѣшеній волостныхъ судовъ посредниками, и передачу такихъ дѣлъ въ иные волостные суды; но эта мѣра совершенно неудобна. Если волостные судьи, избранные сельскимъ крестьянскимъ обществомъ, неудовлетворяютъ справедливымъ требованіямъ ихъ членовъ; то чужіе судьи еще несравненно хуже, и тутъ уже одно вино и ничего кромѣ вина, рѣшаетъ дѣло. Такихъ передачъ почти никогда и небываетъ; ибо почти всѣ посредники одного мнѣнія, на счетъ непрактичности этой мѣры. Лучшіе посредники, при полученіи жалобъ на волостные суды, созываютъ ихъ и убѣждаютъ судей, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, перерѣшать при нихъ дѣла, по которымъ состоялись вопіюще-несправедливыя рѣшенія. Слѣдовательно на дѣлѣ, у хорошихъ посред-

никовъ, аппеляція существуетъ, и нѣтъ никакого препятствія дать ей законную форму.

Противъ этого обыкновенно дѣлаются два возраженія: говорятъ во 1-хъ, что нельзя допустить жалобы на суды, судящіе по обычаю, судьямъ, судящимъ по закону; и во 2-хъ, что неудобно предоставлять одноличному судьѣ перерѣшать дѣло, уже рѣшенное коллегіальнымъ судомъ.

Оба эти возраженія только по видимому основательны.

Мѣстные обычаи почти столько же извѣстны мѣстнымъ мировымъ судьямъ, сколько и крестьянамъ; къ тому же, эти судьи будутъ разсматривать крестьянскія дѣла не въ своемъ кабинетѣ, не на основаніи бумажнаго доклада, а въ присутствіи сторонъ и уже послѣ перваго разбора дѣла волостнымъ судомъ; а потому гражданскія дѣла между крестьянами, по аппеляціи, могутъ быть разрѣшаемы мировыми судьями также на основаніи обычая. Это ни мало не противорѣчитъ и существу мироваго суда, ибо, согласно ст. 129 и 130 Устава Гражд. Судопроизводства, мировой судья рѣшаетъ дѣла „по убѣжденію своей совѣсти“, и можетъ при этомъ руководствоваться обычаемъ, лишь бы оный не противорѣчилъ закону. Слѣдовательно къ этимъ статьямъ, нужно сдѣлать только примѣчаніе, что по гражданскимъ дѣламъ между крестьянами, мѣстный обычай долженъ служить основаніемъ для рѣшенія даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ и несогласенъ съ существующими законами. Такъ по закону, дочь послѣ отца получаетъ изъ недвижимаго имущества четырнадцатую, а изъ движимаго четвертую часть; а въ деревняхъ обычай иной: при сыновьяхъ, дочери замужнія ничего не получаютъ, а

не замужнія получаютъ только часть изъ движимаго имущества и то, не изъ лошадей и не изъ земледѣльческихъ орудій, а изъ денегъ, хлѣба, коровъ, овецъ и свиней. Какая бѣда для государства, если мировой судья, въ подобномъ дѣлѣ, рѣшитъ не по общему писанному закону, а по сельскому обычаю?

Относительно втораго возраженія, что будто неудобно допускать жалобы къ одноличному судьѣ на коллегіальный судъ, то и это только теоретически справедливо. У одноличнаго мироваго судьи, по большей части, не менѣе, а скорѣе болѣе просвѣщенія и безпристрастія, чѣмъ у нѣсколькихъ крестьянъ, избранныхъ въ судьи. Противъ этого иные, пожалуй, возопіютъ; но самые благонамѣренные возгласы и увѣренія не измѣнятъ дѣла, какъ оно въ дѣйствительности существуетъ; а всего убѣдительнѣе и заключительнѣе то, что крестьяне единогласно желаютъ, чтобы допущены были жалобы, къ мировому судьѣ, на приговоры волостныхъ судовъ. Отмѣна безаппеляціонности этихъ судовъ необходима; передавать же разсмотрѣніе всѣхъ этихъ аппеляціонныхъ жалобъ съѣзду мировыхъ судей, какъ нѣкоторые предлагаютъ,—совершенно невозможно; это было бы крайне обременительно для крестьянъ и для мироваго съѣзда. Первые должны бы, съ каждою жалобою, отправляться въ городъ, иногда отдаленный на 50 и болѣе верстъ, и тамъ проживать по нѣскольку дней. А съѣздъ мировыхъ судей только и хорошъ, какъ контрольная инстанція надъ судьями, и пока дѣлъ мало. При ежемѣсячныхъ собраніяхъ, продолжающихся два, три дня, принимаютъ участіе, въ разборѣ дѣлъ, почетные мировые судьи, которые, не участвуя въ

ежедневномъ отправленіи суда, своимъ присутствіемъ придаютъ, рѣшеніямъ съѣзда, значеніе приговоровъ общественнаго мнѣнія. Если вмѣнить съѣзду въ обязанность принимать всѣ жалобы на волостные суды, то засѣданія съѣзда продолжатся, ежемѣсячно, по восьми, десяти и болѣе дней; и притомъ съѣздъ не въ состояніи вызывать, какъ-то можетъ сдѣлать мировой судья, всѣхъ лицъ, необходимыхъ для разъясненія дѣла, и не можетъ также отправляться для осмотровъ на мѣста, что, по дѣламъ крестьянскимъ, часто необходимо, и что легко дѣлаетъ мировой судья. Къ тому съѣзды, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже теперь съ трудомъ могутъ состояться, при продолжительности же съѣздовъ, эта бѣда можетъ сдѣлаться общею, и подвергнуть опасности самое существованіе мироваго учрежденія. Можно и должно допустить кассацію съѣздомъ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей, по аппеляціоннымъ жалобамъ на приговоры волостныхъ судовъ; но итти далѣе—вредно для самаго дѣла.

Если сочтено было бы правительствомъ невозможнымъ, допустить аппеляціи, къ одноличному мировому судьѣ, на коллегіальныя рѣшенія волостнаго суда, то есть еще одинъ исходъ: постановить что такіе жалобы разсматриваются мировымъ судьею, совмѣстно съ двумя крестьянами, избранными, по одному, каждою стороною. Такое устройство имѣло бы ту выгоду, что каждая сторона имѣла бы своего заступника, и судья, какъ предсѣдатель, былъ бы въ родѣ суперъ-арбитра третейскаго разбирательства.

Что же касается до покражъ крестьянами у крестьянъ, которыя до сихъ поръ разбирались волостными судами;

то необходимо эти дѣла признать подсудными мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ; иначе выходитъ страшная несообразность: одинъ крестьянинъ крадетъ у помѣщика бревно изъ стопы въ лѣсу или отъ постройки, стоющее 50 коп., и онъ присуждается мировымъ судьею, смотря по обстоятельствамъ дѣла, къ 3, 6 и даже 12 мѣсячному тюремному заключенію. А другой крестьянинъ воруетъ ночью, въ сообществѣ съ другимъ крестьяниномъ, лошадь у крестьянина: и волостный судъ приговариваетъ ихъ къ 7-ми дневному аресту или къ штрафу въ 5 руб. или къ 20 ударамъ розгами.

Третья мѣра должна заключаться въ возстановленіи, по возможности, волостей въ границахъ прихода. Въ Положеніи 19 февраля 1861 года, полагалось изъ каждаго прихода устроить волость, и только въ исключительныхъ случаяхъ и по просьбѣ крестьянъ, допускать соединеніе нѣсколькихъ приходовъ въ одну волость. Но на дѣлѣ вышло иначе. Посредники, особенно въ послѣднее время, при соединеніи государственныхъ крестьянъ съ временнообязанными, задались мыслью, быть можетъ свыше имъ внушенною, увеличивать объемъ волостей и сокращать ихъ число. Они находили это, и для себя болѣе удобнымъ, и видамъ губернскихъ присутствій болѣе соотвѣтственнымъ; а потому они говорили крестьянамъ, что чѣмъ волости будутъ обширнѣе, тѣмъ крестьянамъ придется менѣе платить на содержаніе волостныхъ старшинъ, правленій и судовъ, и почти исторгали, у сходовъ, согласія на соединеніе двухъ волостей въ одну, или на присоединеніе, къ существовавшимъ волостямъ, селеній государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, теперь рѣдкая

волость состоитъ изъ одного прихода, а большая часть изъ нихъ заключаетъ въ себѣ два и три прихода. Въ началѣ, такое увеличеніе волостей казалось даже удобнымъ: расходы на содержаніе волостныхъ властей сдѣлались для крестьянъ мѣнѣе тяжкими; выборъ старшины изъ бо́льшаго числа людей, былъ легче; при недостаткѣ порядочныхъ писарей, замѣщеніе мѣньшаго числа ваканцій было удобнѣе; и вообще сосредоточеніе волостнаго управленія крестьянскихъ обществъ, въ болѣе ограниченномъ числѣ пунктовъ, являлось средствомъ къ сокращенію неурядицы, господствующей въ крестьянскомъ самоуправленіи. Но вскорѣ, послѣдствія такой перемѣны оказались совершенно иными: старшины, плохо справлявшіеся съ дѣлами въ малыхъ волостяхъ, стали еще хуже ихъ вести въ большихъ или увеличенныхъ; прежде, принадлежа къ одному изъ селеній прихода, они воздерживались отъ многаго, что́ они стали себѣ дозволять въ крестьянскихъ обществахъ, къ ихъ приходу не принадлежащихъ; волостные суды еще ухудшились, какъ отъ увеличенія числа судей, такъ въ особенности отъ того, что послѣдняя отвѣтственность передъ своими одноприхожанами, изчезла: „вѣдь не я, а такой или такіе (изъ другаго прихода), такъ присудили“, говорили судьи своимъ односельцамъ. Но самымъ вреднымъ послѣдствіемъ этой перемѣны вышло то, что волостной сходъ изъ выборныхъ, учрежденіе менѣе бытовое чѣмъ искуственное, начавшее только устанавливаться, сплотняться и быть чѣмъ-то цѣлымъ, какъ представитель прихода, единицы бытовой, превратился во что́-то, не имѣющее уже никакаго бытоваго значенія. Замѣчательно какъ у насъ вообще

хлопочутъ о томъ, чтобы сдѣлать крестьянство безличнымъ, не самостоятельнымъ. Для выбора гласныхъ сгоняютъ, изъ разныхъ волостей, выборныхъ, мало между собою знакомыхъ, и приказываютъ имъ выбрать пять, шесть, семь гласныхъ. Если бы соединяли, для выбора одного гласнаго, двѣ или три сосѣдственныя волости, то они еще могли бы выбрать, по свойствамъ и способностямъ, человѣка достойнаго быть гласнымъ и представителемъ этой мѣстности; при нынѣшнемъ же порядкѣ, крестьяне выбираютъ кого попало и, по большей части, кого посредникъ прикажетъ имъ выбрать. Разъединеніе приходской единицы съ волостною, т. е. включеніе двухъ, трехъ приходовъ въ одну волость, есть уничтоженіе всякой возможности для волости быть состоятельною, бытовою единицею. Если это сдѣлано было по легкомыслію, то пора одуматься; если же администрація имѣла при этомъ задніе мысли, то болѣе здравое воззрѣніе на дѣло, должно заставить ее отъ нихъ отказаться. Всякая единица искуственная, не коренящаяся въ народномъ бытѣ—безжизненна, и ни какъ не можетъ служить надежнымъ орудіемъ самоуправленія. Конечно не слѣдуетъ теперь опять все переламывать, какъ уже было разъ сдѣлано; но надобно вмѣнить въ обязанность властямъ, завѣдывающимъ крестьянскими дѣлами, чтобы они вовсе не старались уменьшать число волостей, а напротивъ того, имѣли въ виду возстановленіе волостей въ границахъ прихода, и для этого, изъявляли согласіе на ходатайства крестьянъ объ образованіи самостоятельной волости изъ всякаго цѣльнаго прихода, т. е. чтобы стро-

го держались статей 42—45 Общаго Положенія 19 февраля 1861 года.

Четвертая мѣра или, вѣрнѣе сказать, цѣлый рядъ мѣръ долженъ быть направленъ противъ пьянства. Положеніемъ объ акцизномъ сборѣ дано землевладѣльцамъ право открывать кабаки на своей землѣ. Это было, въ началѣ, допущено, особенно въ угоду Остзейскимъ и Польскимъ помѣщикамъ, съ цѣлью уменьшить ихъ неудовольствіе, возбужденное изданіемъ общаго для всей имперіи закона объ акцизномъ сборѣ. Такое право, въ нашихъ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, сохранилось отъ среднихъ вѣковъ; а у насъ помѣщики никогда имъ не пользовались, и не разсчитывали на доходъ отъ спаиванія крестьянъ. Винная продажа всегда считалась въ Россіи регаліею; и помѣщики, въ огражденіе нравственности крестьянъ, т. е. своей рабочей силы, хлопотали всегда о возможномъ сокращеніи продажи вина въ своихъ имѣніяхъ. Правда, въ послѣднее время откуповъ, открытіе штофныхъ лавочекъ доставляло нѣкоторымъ помѣщикамъ доходъ, но это—изключенія изъ общаго правила. Теперь закономъ (прим. 3 ст. 120 Устава о пит. сборѣ) воспрещено въ условія, постановленія и приговоры, дозволяющіе открытіе питейныхъ домовъ, помѣщеніе статей, касающихся платы, въ пользу лицъ и обществъ, за право торговли крѣпкими напитками; но этотъ законъ, на дѣлѣ, не исполняется, и всегда его легко обходятъ. Заключается условіе на наемъ помѣщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначается и цѣна за право питейной продажи; или никакого условія не заключается, но виноторговецъ, за право производить

питейную торговлю въ извѣстной мѣстности, платитъ или всѣ деньги впередъ за годъ, или выдаетъ на себя срочные векселя. Слѣдовательно, хотя закономъ и воспрещено обложеніе питейной продажи особымъ сборомъ въ пользу землевладѣльцевъ; однако на дѣлѣ это существуетъ и будетъ существовать въ томъ или другомъ видѣ, пока согласіе на открытіе продажи будетъ зависѣть отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Торговля крѣпкими напитками не должна быть *принадлежностью* поземельнаго владѣнія; вино нужно не для земли, а для людей. Торговля этимъ товаромъ, какъ и всякимъ другимъ, должна бы быть совершенно свободною; но какъ опытомъ доказанъ вредъ полной свободы по этой торговлѣ, то она должна быть установлена съ ограниченіями, требуемыми общественною нравственностію, а не выгодами того или другаго землевладѣльца.

Предполагается ограничить число кабаковъ въ каждомъ уѣздѣ и въ каждомъ городѣ. Уѣздныя земскія собранія и городскія думы, по принадлежности, должны будутъ составить свои по сему предмету предположенія, и препроводить ихъ въ губернское собраніе, которое, съ своимъ мнѣніемъ, представитъ эти проэкты, чрезъ начальника губерніи, въ министерство финансовъ. По утвержденіи высшимъ правительствомъ числа кабаковъ на каждый уѣздъ и городъ, распредѣленіе, гдѣ именно могутъ быть устроены кабаки должно, по предположенію, безусловно зависѣть отъ уѣзднаго земскаго собранія и городской думы.

При опредѣленіи числа кабаковъ, допускаемыхъ въ уѣздѣ, имѣется въ виду принять въ соображеніе не

только количество душъ, имѣющихся въ уѣздѣ, но и пространство земли ими занимаемой. Чѣмъ народонаселеніе гуще, тѣмъ число кабаковъ, по числу народонаселенія, должно быть меньше; чѣмъ народонаселеніе разбросаннѣе, тѣмъ число кабаковъ, по народонаселенію, должно быть больше. Такъ, въ первыхъ мѣстностяхъ, считается достаточнымъ одного кабака на 1000 душъ мужеска пола; а въ послѣднихъ, мѣстностяхъ можетъ быть допущенъ кабакъ на 500, 400 и даже 300 душъ. Считаемъ весьма сомнительнымъ успѣхъ этого предположенія. Не будемъ говорить о томъ, что оно совершенно противурѣчитъ началу свободной торговли, лежащей въ основѣ дѣйствующаго Положенія объ акцизномъ сборѣ; но не можемъ умолчать, что, въ этомъ случаѣ, придется питейныя заведенія сдавать съ торговъ или по жеребію; и то и другое едвали желательно. При этомъ вновь заведенные монополисты, пожалуй, воскресятъ пріемы и обычаи откупной системы, что, думаемъ, еще мѣнѣе желательно. Во всякомъ случаѣ, необходимо каждому сельскому обществу предоставить право изъявлять несогласіе на открытіе, въ его селеніи, питейнаго заведенія; и тогда кабакъ открывается въ другомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ народонаселеніе не заявитъ подобнаго нежеланія. Сверхъ того, необходимо еще увеличить цѣну патентамъ на всѣ заведенія для раздробительной продажи вина; этимъ достигнуто будетъ справедливое требованіе на счетъ благонадежности виноторговцевъ вѣрнѣе, чѣмъ всякими свидѣтельствами о нравственности этихъ людей.

Пятая мѣра, и едва ли не самая важная, по крайней

мѣрѣ, такая, которая если не быстро, то совершенно вѣрно должна вести къ улучшенію нравственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ усиленію благосостоянія поселянъ. Эта мѣра заключается въ распространеніи просвѣщенія въ крестьянствѣ. Крестьянамъ даны права значительныя, много превышающія степень ихъ развитія. Конечно лучше было бы разширять права крестьянъ, по мѣрѣ развитія ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей; но дѣло—сдѣлано. Брать назадъ что разъ дано—неудобно, несправедливо, даже невозможно. А потому необходимо, всѣми силами стремиться къ поднятію уровня духовнаго и нравственнаго развитія крестьянъ.

До сихъ поръ, хотя и много было объ этомъ предметѣ говорено въ журналахъ и въ земскихъ собраніяхъ, даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ; однако сдѣлано очень—очень мало. Всего ближе это дѣло касается земскихъ учрежденій; правда, они ежегодно назначаютъ денежныя суммы, которыя по большей части не расходуются и поступаютъ остаткомъ въ земскій капиталъ слѣдующаго года; правда, земскія собранія избираютъ членовъ училищнаго совѣта, который составляетъ протоколы и журналы своимъ засѣданіямъ, и дѣйствительно бывшимъ и тѣмъ, которыя были только на бумагѣ. Правда, представляются и отчеты о школахъ и о дѣйствіяхъ училищнаго совѣта; но далѣе—ничего или почти ничего не дѣлается; и грамотность у насъ слабо, весьма слабо распространяется. Крестьяне, по большей части, относятся къ этому дѣлу равнодушно: сходы, не предвидя чтобы изъ этаго могла выдти попойка, отказываютъ въ деньгахъ на устройство школъ. Духовенство у насъ,

вообще усердное по сбору своихъ доходовъ, весьма небрежно относится ко всему, что не доставляетъ ему рублей и гривенъ. Не желая трудиться безвозмездно, оно или вовсе молчитъ или ограничивается двумя, тремя увѣщаніями на счетъ необходимости имѣть школу, и за тѣмъ успокоивается, и объ обученіи крестьянъ болѣе не хлопочетъ; а члены училищнаго совѣта, не встрѣчая содѣйствія ни отъ крестьянъ, ни отъ духовенства, и не подлежа никакой отвѣтственности за свое бездѣйствіе или за слабыя дѣйствія, также опочіютъ, и представляютъ земскому собранію кой-какіе отчеты на бумагѣ, которая, какъ говорится, все терпитъ, или и во все ничего не представляютъ, что бываетъ еще чаще.

Земство одно не можетъ нести все бремя устройства и содержанія школъ. Крестьяне неохотно устанавливаютъ особый сборъ на этотъ предметъ. Правительство, тратящее большія деньги на университеты, гимназіи и пр. не считаетъ, кажется, своею обязанностью давать деньги на первоначальныя школы. Такимъ образомъ школы остаются безъ средствъ къ существованію; новыя—не открываются, а старыя—закрываются.

Намъ кажется, что обязанность открытія и содержанія школъ должна лежать на крестьянахъ, на земствѣ и на правительствѣ, т. е. не на одномъ комъ либо, а на всѣхъ вмѣстѣ.

Участіе крестьянъ въ этомъ дѣлѣ должно быть установлено закономъ. Такой порядокъ не былъ бы у насъ нововведеніемъ. Пока крестьяне государственныхъ имуществъ были въ завѣдованіи особаго управленія, они обяза-

тельно вносили деньги на школы. Необходимо этотъ порядокъ распространить во всѣхъ прочихъ крестьянъ. Если обложить ихъ съ души по 10 коп., то это дастъ уже довольно значительную сумму. За тѣмъ земства конечно не откажутъ въ добавочномъ пособіи; а для того, чтобы земства были по этой статьѣ щедрѣе, слѣдовало бы положить правиломъ, что правительство даетъ на школы уѣзда такую же сумму, какую назначаетъ отъ себя земство. Эти суммы должны бы составлять особый капиталъ; распоряженіе имъ слѣдовало бы ввѣрить земству, но отчетность по немъ должны бы быть отдѣльная, и остатки имѣли бы поступать не въ общій уѣздный земскій капиталъ, а храниться особо на потребности школъ.

Хотя деньги составлаютъ важную статью въ этомъ дѣлѣ, однако недостатокъ въ нихъ не одинъ задерживаетъ развитіе грамотности въ крестьянствѣ. Другой недостатокъ не мѣнѣе чувствителенъ; а именно недостатокъ въ учителяхъ. Конечно духовенство можетъ въ этомъ дѣлѣ оказывать намъ пособіе; но есть приходы и ихъ не мало, гдѣ никто изъ церковнослужителей не въ состояніи быть учителемъ. Къ тому же необходимо дать на волю крестьянъ избирать учителей, по своему желанію, т. е. изъ духовенства или изъ постороннихъ лицъ; а училищному совѣту необходимо предоставить право устранять тѣхъ преподавателей, которые окажутся неспособными для школы. А потому, для расширенія круга кандидатовъ на званіе учителей, необходимо устроить, по крайнѣй мѣрѣ въ губернскихъ городахъ, школы для образованія сельскихъ учителей. Знаемъ, что, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, уже состоялись постановленія

земства на счетъ учрежденія такихъ заведеній, и что даже проэкты устава для нихъ представлены въ министерство народнаго просвѣщенія, но, сколько намъ извѣстно, немногіе изъ нихъ утверждены правительствомъ. Говорятъ что, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, составленъ нормальный уставъ для заведеній этаго рода. Дай Богъ, чтобъ онъ былъ исполнимъ на дѣлѣ и не устранялъ или не ограничивалъ бы вліянія земства на эти школы, содержимыя земствомъ. Этимъ однимъ сообщится и поддержится жизнь по этой части.

Къ сожалѣнію, ни крестьяне, ни земство, ни даже правительство, еще недостаточно сознаютъ всю безотлагательность мѣръ къ умственному и нравственному развитію народа. Всѣ, кажется, думаютъ, что это должно быть заботою будущаго времени. Такъ можно было думать до 19 февраля 1861 года. Теперь даны крестьянамъ права полныхъ гражданъ; а между тѣмъ уровень ихъ образованія весьма низокъ. Онъ сталъ даже какъ будто ниже противъ прежняго; это конечно не вѣрно, а только кажется отъ того, что прежде ихъ развитіе было выше ихъ положенія, а теперь ихъ права много выше ихъ развитія. Дѣло сдѣлано; нельзя его иначе поправить какъ усиленіемъ мѣръ къ народному образованію; а потому теперь всѣ мы должны это считать первѣйшею нашею обязанностью. И чѣмъ кто стоитъ выше и имѣетъ болѣе власти, тѣмъ обязанность эта для него настоятельнѣе. Этимъ только мы можемъ дѣйствительно и прочно пособить бѣдственному положенію, въ которомъ находится наше сельское населеніе.

Знаемъ, что мы весьма неполно и только поверхностно представили положеніе крестьянства; знаемъ что мѣры, нами указанныя, еще недостаточны; но мы сдѣлали на первый разъ что̀ могли, и что́ успѣли—сдѣлали это безъ всякихъ заднихъ мыслей и съ искреннимъ желаніемъ блага крестьянъ и нашего отечества вообще. Пусть другіе высказываютъ свои мысли; мы не отказываемся впослѣдствіи дополнить и разъяснить то, что̀ теперь нами не досказано или не ясно изложено.

2 ноября 1868 года
с. Песочня
Сапож. уѣзда, Рязан. губ.

V.

О ГОРОДАХЪ И ГОРОЖАНАХЪ.

Наши города далеко не имѣютъ того значенія, какое принадлежитъ городамъ въ западной Европѣ. Тамъ они отличаются и своею многочисленностію, и обиліемъ своего народонаселенія, и богатствомъ, и вліяніемъ на страну вообще. Великобританія, въ этомъ отношеніи, представляетъ образецъ разительный: на пространствѣ 4233 квадратныхъ миль, она имѣетъ около девяти сотъ городовъ, съ числомъ жителей втрое превосходящимъ все сельское населеніе государства. Но и Франція и Пруссія, гдѣ сельское населеніе значительно, и гдѣ поземельная собственность не сосредоточена въ немногихъ рукахъ, представляютъ, въ сказанномъ отношеніи, данныя замѣчательныя. Въ этихъ двухъ странахъ, въ первой на 9885, а во второй на 6391 кв. миляхъ, имѣется въ каждой по тысячѣ городовъ, и ихъ населеніе относится къ сельскому какъ 1 къ 3. Богатства же городовъ и горожанъ превосходятъ, въ нѣсколько разъ, цѣнность всѣхъ внѣ-городскихъ имуществъ съ ихъ устройствами. —Не то у насъ. Въ Европейской Россіи, на пространствѣ почти 100 тысячъ квадратныхъ миль, или 4,960 тысячъ

квадрат. верстъ, имѣется менѣе 900 городовъ, изъ которыхъ только въ 64 народонаселеніе превышаетъ 20 т. душъ, только въ 30 оно выше 30 т. и только въ 5 числится жителей болѣе 100 тысячъ; а есть города съ народонаселеніемъ, не превышающимъ одной тысячи душъ обоего пола; городовъ же, имѣющихъ не свыше пяти тысячъ душъ обоего пола, насчитывается болѣе половины всего имѣющагося въ имперіи числа городскихъ населеній. Что же касается до доходовъ, то они малы до невѣроятія: есть города которые не имѣютъ и 250 рублей годоваго дохода; большинство же изъ нихъ покрываютъ всѣ свои расходы изъ суммы, не превышающей 5000 руб. Городское населеніе въ Россіи относится къ сельскому менѣе, чѣмъ 1 къ 10; а поземельное наше богатство много превосходитъ всѣ богатства городовъ и ихъ жителей.

Конечно о такой, въ семъ отношеніи, нашей отсталости —много горевать нечего. Мы, правда, нѣсколько страдаемъ отъ недостатка въ городахъ и отъ слабаго ихъ развитія; но это легко исправимо. Въ западной же Европѣ, страдаютъ отъ излишка въ городахъ и отъ чрезмѣрнаго ихъ разширенія и усиленія; это зло несравненно болѣе опасное, и къ тому же неизцѣлимое. Въ Великобританіи, гдѣ, какъ извѣстно, вся поземельная собственность находится въ немногихъ рукахъ, живутъ на ней одни малочисленные собственники, фермеры и рабочіе; все же остальное народонаселеніе скучено въ городахъ. Отъ этого, разительная несоразмѣрность между числомъ горожанъ и поселянъ; страшный пролетаріатъ, бѣдность и бездомность; а люди богатые и достаточные обложены,

въ пользу неимущихъ, тяжкимъ налогомъ, который, не смотря на разныя законодательныя и экономическія мѣры, ростетъ съ каждымъ годомъ. Всего хуже, что и не предвидится возможности, даже въ будущемъ, обратнаго движенія горожанъ въ деревни. Только Америка, Австралія и другія малонаселенныя страны нѣсколько избавляютъ Англію и Ирландію отъ излишка бѣдствующаго народонаселенія. Во Франціи, гдѣ, напротивъ того, поземельная собственность до крайности раздроблена, собственники малыхъ участковъ продаютъ ихъ, не имѣя возможности ими прокармливаться, и бѣгутъ въ города искать себѣ пріютъ и пропитаніе; и города, а въ особенности Парижъ, наводняются пришельцами. Правительство и города предпринимаютъ разныя казенныя и общественныя работы, для удовлетворенія своихъ и пришлыхъ бѣдныхъ; эта бѣда, годъ отъ году, становится болѣе и болѣе тяжкою, и грозитъ, въ недальнемъ будущемъ, несостоятельностію казны и городскихъ кассъ по пропитанію неимущихъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, неминуемыми насильственными переворотами въ государственномъ и общественномъ быту Франціи.

У насъ, напротивъ того, городовъ даже слишкомъ мало; а тѣ, которые и имѣются, болѣе походятъ на большія деревни, чѣмъ на города; и ни одинъ изъ нихъ не страдаетъ избыткомъ обывателей. Города, въ каждой странѣ, необходимы. Тутъ особенно развиваются торговля и промышленность, а безъ этого сосредоточенія людей въ нѣкоторыхъ пунктахъ, онѣ не могутъ процвѣтать, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и земледѣліе лишается возможности совершенствоваться и доставлять доходы.

Конечно мы не должны опустошать наши селенія, и имѣть въ виду стягивать оттуда людей въ города. Всякія покровительственныя въ этомъ смыслѣ мѣры были бы неумѣстны и вредны. Но мы не должны также выталкивать оттуда людей, желающихъ или жить своими доходами, или заниматься торговлею и ремеслами. А между тѣмъ положеніе нашихъ городовъ, по большой части, таково, что только по нуждѣ можно въ нихъ селиться. Въ рѣдкихъ городахъ, улицы вымощены и для пѣшеходовъ устроены тротуары; еще рѣже имѣется какое либо уличное освѣщеніе; библіотеки, клубы и пр. составляютъ принадлежности не многихъ городовъ. А для обученія дѣтей, средства крайне недостаточны: хотя не вѣроятно, но къ сожалѣнію несомнѣнно то, что далеко не во всѣхъ городахъ имѣются уѣздныя училища. Сверхъ того почти всѣ города отягощены болѣе или менѣе постояннымъ военнымъ постоемъ, имѣютъ придирчивую и вмѣстѣ съ тѣмъ нерадивую полицію, и зависятъ, по общественному управленію, отъ полуграмотнаго городскаго головы и всемогущаго секретаря думы,—грубаго невѣжды, крючкотворца и почти вездѣ—взяточника.

Для нашихъ городовъ излишекъ въ народонаселеніи менѣе опасенъ, чѣмъ гдѣ либо. Наше сельское населеніе охотно приходитъ въ города на заработки; но еще охотнѣе, по минованіи извѣстныхъ сроковъ, возвращается домой. Это происходитъ какъ отъ простора нашихъ полей и луговъ, такъ и отъ характера нашего населенія. За границею, города пользуются какимъ-то, изъ среднихъ вѣковъ сохранившимся, почетомъ, и сельскіе жители стремятся сдѣлаться горожанами. У насъ замѣтно совер-

шенно противное. Крестьяне не желаютъ попасть въ мѣщане, и имѣютъ къ нимъ даже нѣкоторое презрѣніе; богатые крестьяне не записываются въ купцы, а ведя торговлю, нерѣдко значительную, берутъ только временныя свидѣтельства на производство оной. Мѣщане, даже купцы не прочь отъ переселенія въ деревню, и, купивши болѣе или менѣе значительные участки земли, выстроиваютъ усадьбы, селятся тамъ, и остаются только числящимися въ томъ или другомъ городѣ. Эта драгоцѣнная особенность нашего быта, заслуживаетъ конечно самого тщательнаго охраненія; но она не налагаетъ однако на насъ обязанности удерживать города при ихъ первобытныхъ, нынѣ невозможныхъ, порядкахъ, и при полномъ отсутствіи всякихъ жизненныхъ удобствъ.

Наши города вообще бѣдны: но они бѣдны не столько по количеству живущихъ тамъ бѣдняковъ, сколько по незначительности капиталовъ, въ нихъ находящихся, по слабому развитію торговли и промышленности, и по худому общественному ихъ устройству. Незначительные капиталы, которые Россія имѣетъ, сосредоточены въ весьма немногихъ торговыхъ пунктахъ; прочіе же города перебиваются съ рубля на рубль. Необходимыя вещи для жизни, какъ городской такъ и деревенской, мы не покупаемъ въ ближайшемъ городѣ, а выписываемъ изъ Петебурга, Москвы или Одессы, смотря по тому, который изъ этихъ городовъ къ намъ ближе; и это мы дѣлаемъ не для того чтобы имѣть эти вещи въ самомъ лучшемъ видѣ, а потому, что на мѣстѣ ихъ или купить нельзя, или что одинъ или два монополиста ломятъ за нихъ страшныя цѣны. Не

развиваются же, въ городахъ, торговля и промышленность по той причинѣ, что въ нихъ живутъ люди только по необходимости, стараясь, изъ нихъ выбыть при первой возможности. Что же касается до нашего городскаго устройства, то объ немъ необходимо поговорить подробнѣе, ибо тутъ корень бѣдственнаго положенія нашихъ городовъ.

Городское общественное управленіе до того стѣснено въ своихъ распоряженіяхъ, что оно не можетъ издержать одного рубля, употребить одной сажени городской земли, и устроить что-либо для пользы города, не испросивши предварительно на то разрѣшеніе губернскаго начальства, которое, порядка ради, дѣлаетъ запросы, требуетъ объясненія, дополненія, удостовѣренія и пр.; и такимъ образомъ, иногда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже годовъ, получается окончательное разрѣшеніе или таковой же отказъ, на представленія городскихъ думъ.

Въ городахъ, живутъ купцы, мѣщане, цѣховые, потомственные и личные дворяне, духовенство и крестьяне; но только лица первыхъ трехъ состояній считаются хозяевами въ городѣ, а всѣ прочіе—гостями. Послѣдніе имѣютъ дома, платятъ городскіе сборы и постоянно живутъ въ городѣ; но, несмотря на то, они не считаются принадлежащими къ городскимъ состояніямъ и не имѣютъ голоса по городскому хозяйству. При такомъ устройствѣ, при крайнемъ недостаткѣ просвѣщенія, отличающемъ городскихъ хозяевъ, и при полной подчиненности ихъ губернскому начальству, не мудрено, что наши городскія хозяйства идутъ плохо, что улучшеній въ нихъ не замѣтно, и что однообразіе городской жизни и полный

въ нёй застой, нарушаются только личными происками и разнаго рода злоупотребленіями.

Исключенія въ этомъ отношеніи, составляютъ, кромѣ городовъ Прибалтійскихъ губерній, только города: Петербургъ, Москва и Одесса. Тутъ введено новое городское устройство; прочіе же города его все ожидаютъ. Говорятъ, что это ихъ желаніе вскорѣ исполнится, и что новое, пересмотрѣнное городское Положеніе уже совершаетъ установленные переходы, приближаясь къ окончательному своему утвержденію. Дай Богъ, чтобы эти странствованія скорѣе кончились, и привели къ желаемому результату.

Новое городское устройство, введенное въ упомянутыхъ трехъ городахъ, имѣетъ значительныя преимущества надъ прежнимъ: лица всѣхъ состояній образуютъ полноправное городское населеніе, и принимаютъ участіе въ городскомъ самоуправленіи; общая дума устроена изъ гласныхъ всѣхъ состояній, въ видѣ совѣщательнаго и, во многихъ случаяхъ, рѣшительнаго учрежденія; она — настоящій хозяинъ въ городѣ, а распорядительная дума есть исполнитель ея рѣшеній; засѣданія общей думы не тайныя, а допускаются туда посторонніе лица, въ качествѣ слушателей; и отчеты о ея засѣданіяхъ печатаются во всеобщее свѣдѣніе, хотя и не безъ предварительной цензуры губернскаго начальства, какъ то было до узаконенія 13 іюня 1867 года. Хозяйства въ городахъ: Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ, хотя и не вполнѣ удовлетворительны, однако они значительно улучшились; предприняты и исполнены многія нововведенія по городскому устройству; и если дефициты не покидаютъ

городскія смѣты, то причины тому заключаются, не въ нерадѣніи городскихъ общественныхъ властей, а въ обстоятельствахъ, отъ нихъ не зависящихъ.

Впрочемъ, и это новое городское устройство — не безъ недостатковъ, и даже весьма существенныхъ, что значительно вредитъ его правильному дѣйствію.

Во первыхъ, выборные назначаются городомъ не всѣмъ населеніемъ и не по приходамъ или частямъ города, а каждымъ городскимъ состояніемъ отдѣльно. Такъ въ Москвѣ потомственные и личные дворяне, купцы, мѣщане и цѣховые, выбираютъ, каждые отъ своего состоянія, выборныхъ, которые, изъ среды себя, назначаютъ гласныхъ въ общую думу. Прочіе выборы, кромѣ выбора городскаго головы, производятся также отдѣльно по состояніямъ. Такимъ образомъ, въ думахъ и общей и распорядительной, засѣдаютъ гласные и члены, не отъ города, а отъ отдѣльныхъ городскихъ состояній. Конечно, при нынѣшнемъ расположеніи всѣхъ состояній къ сближенію и единенію, этотъ порядокъ еще не оказалъ особенно вредныхъ послѣдствій; но онъ не только не требуется существомъ дѣла, а ему противенъ; къ тому же онъ несогласенъ съ желаніями городскихъ обывателей, и легко можетъ поселить между ними рознь и борьбу. Если три состоянія стакнутся, то остальнымъ двумъ нечего и ходить въ собраніе; они всегда будутъ въ меньшинствѣ, и должны нести, часто весьма не легкое, иго большинства. Цѣли соотвѣтственнѣе было бы соединить всѣ состоянія во едино, и, въ видахъ предоставленія преимущественнаго значенія достаткамъ и большей образованности раздѣлить горожанъ на три разряда,

изъ которыхъ каждый назначалъ бы одну треть выборныхъ, изъ своего или изъ прочихъ разрядовъ городскихъ обывателей. Первый разрядъ заключалъ бы въ себѣ людей, владѣющихъ домами или промышленными и торговыми заведеніями, дающими доходъ не менѣе извѣстной цифры. Второй разрядъ составляли бы всѣ прочіе домовладѣльцы, фабриканты, заводчики, лавочные торговцы. Въ третій разрядъ вошли бы всѣ горожане, не включенные въ первые два разряда, т. е. всѣ наемщики квартиръ, ремесленники, прикащики въ лавкахъ и въ промышленныхъ заведеніяхъ, рабочіе, слуги и пр. Нѣтъ возможности для всѣхъ городовъ Имперіи, назначать одинъ цензъ, отдѣляющій первый разрядъ горожанъ отъ втораго; а потому необходимо принять одно изъ существующихъ распредѣленій городовъ на категоріи (всего удобнѣе было бы для этого принять то дѣленіе, которое установлено для взиманія платежа за свидѣтельства на право торговли), и по этому распредѣленію назначить особый цензъ по каждому городу. Первый разрядъ могъ бы собираться въ одномъ мѣстѣ, а прочіе разряды, и въ особенности третій разрядъ, должны бы имѣть свои собранія по частямъ города. Такимъ образомъ выборные, и затѣмъ гласные, были бы представителями всего города, а не извѣстныхъ состояній, входящихъ въ составъ городскаго общества. Предоставленіе не домовладѣльцамъ права избранія выборныхъ и быть гласными, необходимо для того, чтобы и ихъ интересы имѣли своихъ представителей, и чтобы городское населеніе все имѣло участіе въ городскомъ управленіи такъ, какъ въ земствѣ и крестьяне пользуются правомъ избранія гласныхъ.

Соединеніе всѣхъ обывателей въ одно состояніе, особенно необходимо, если дворянство, какъ состояніе, подвергнется преобразованію, и дворяне, живущіе въ городахъ, войдутъ въ составъ городскаго состоянія. Они внесутъ наконецъ, въ городское управленіе, элементъ движенія, котораго совершенно недостаетъ нашимъ городамъ.

Странная вещь: вездѣ города суть представители — главные виновники движенія впередъ, а сельское населеніе за ними только слѣдуетъ, и то — издалека. У насъ напротивъ того: за исключеніемъ весьма не многихъ городовъ, всѣ остальные поражаютъ своею неподвижностью. Это происходитъ отъ состава нашего городскаго общества: купцы, мѣщане и ремесленники суть хозяева нашихъ городовъ; а между тѣмъ они, за рѣдкими исключеніями, погружены въ крайнее невѣжество; они едва умѣютъ читать и писать, а многіе и вовсе безграмотны; они ничего не видали, ничего не читали, для нихъ всякое нововведеніе дико; къ тому же они безгласны передъ губернскимъ начальствомъ. Какое усовершенствованіе можетъ быть произведено въ городскомъ управленіи, когда люди, завѣдывающіе городскимъ хозяйствомъ, не только не въ состояніи ввести въ него что-либо лучшее, соотвѣтствующее потребностямъ времени, но сами первые должны бы поступить въ школы, и всему научаться. Пріобщеніе дворянства къ городскому состоянію одно, можетъ дать необходимый толчекъ улучшенію городскаго быта, и поставить наши города на степень развитія, соотвѣтствующую положенію нашего земскаго устройства.

Во вторыхъ, въ городскомъ устройствѣ, введенномъ въ столицахъ и въ г. Одессѣ, слѣдовало бы установить чтобы предсѣдателемъ общей думы, т. е. учрежденія, контролирующаго распорядительную думу, былъ не Голова — предсѣдатель сей послѣдней, а одинъ изъ гласныхъ, избранный городскимъ обществомъ въ предсѣдатели общей думы. Этотъ недостатокъ контроля надъ распорядительною думою, весьма чувствителенъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Неудобства, соединенныя съ предсѣдательствомъ одного и того же лица, въ двухъ учрежденіяхъ — контролирующемъ и контролируемомъ, также весьма ощутительны въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ предводитель дворянства есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предсѣдатель уѣздной управы. Это — весьма естественно: самый добросовѣстный человѣкъ есть плохій контролеръ надъ самимъ собою, особенно если этотъ контроль производится не въ тиши уединенія и самоиспытанія, а при людяхъ, и притомъ съ помощію посторонннихъ силъ.—Противъ предлагаемаго измѣненія, могутъ возразить, что земское собраніе и общая дума находятся не въ одинакихъ условіяхъ: первое собирается разъ, много два раза въ годъ, а послѣдняя имѣетъ свои засѣданія по одному, даже по два раза въ мѣсяцъ. При такихъ частыхъ, почти постоянныхъ засѣданіяхъ, могутъ легко возникнуть столкновенія, даже явная борьба между Головою и предсѣдателемъ общей думы, и тогда городское хозяйство сильно отъ того пострадаетъ. Это —возможно; но неудобства нынѣшняго устройства—неминуемы. Къ тому же, въ избѣжаніе столкновеній между этими двумя предсѣдателями, можно установить, что-

бы обыкновенныя собранія общей думы были по третямъ или четвертямъ года, а чтобы чрезвычайныя собранія созывались не иначе, какъ по требованіямъ распорядительной думы. Впрочемъ, сами городскія общества могутъ легко предъупреждать столкновенія между Головами и предсѣдателями общей думы, избирая въ послѣднее званіе людей пожилыхъ и характера кроткаго. Послѣднее условіе, и безъ того, охотно соблюдается какъ городскими, такъ и прочими обществами.

Въ третьихъ, необходимо бы, въ новомъ городскомъ Положеніи, какъ можно точнѣе опредѣлить случаи и предѣлы вмѣшательства администраціи въ дѣла общественнаго управленія. Это безусловно требуется для того, чтобы люди порядочные и образованные рѣшились войти въ составъ городскаго управленія; скорѣе можно согласиться на тѣсноту круга дѣятельности, чѣмъ на недостатокъ въ немъ самостоятельности. Весьма желательно, чтобы при окончательномъ пересмотрѣ городскаго Положенія, правительство руководствовалось этимъ убѣжденіемъ.

Мимоходомъ не можемъ не упомянуть объ одномъ вопросѣ, который, при введеніи новаго городскаго Положенія, долженъ возникнуть: слѣдуетъ ли его ввести одновременно во всѣ города или только въ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ извѣстное число жителей, и которые, по развитію мѣстной торговли и промышленности, могутъ дѣйствительно считаться городами? Конечно у насъ много городовъ, почти ни чѣмъ не отличающихся отъ селеній, и часто даже имъ уступающихъ; такіе города, по просьбамъ жителей, можно обращать въ селенія, чѣмъ они прежде были, и чѣмъ, по своему быту,

они и остались. Однако едвали удобно, гдѣ бы то ни было, оставлять въ силѣ старое, нынѣ дѣйствующее городское Положеніе. Оно подавляетъ города, не помогаетъ имъ на пути благоустройства, а напротивъ — задерживаетъ ихъ при старыхъ безпорядкахъ; а потому намъ казалось бы необходимымъ упразднить вездѣ существующее городское Положеніе, и въ новомъ законѣ, въ видѣ примѣчаній въ статьяхъ или въ особыхъ статьяхъ, указать упрощенія въ городскомъ управленіи для тѣхъ городовъ, которые, по малолюдности или другимъ причинамъ, пожелали бы имѣть менѣе сложныя, или изъ меньшаго числа лицъ состоящія, управленія.

Вездѣ и во всемъ оказалось у насъ оживленіе и движеніе впередъ. Отмѣна крѣпостнаго права на людей, преобразованіе судопроизводства, введеніе земскихъ учрежденій и желѣзныя дороги, хоронятъ съ каждымъ днемъ отжившее, и сообщаютъ нашему быту новыя средства, пріемы и обычаи. Земледѣліе, въ эти шесть лѣтъ, почти распростилось съ барщиною, считавшеюся у насъ единственно возможною основою обработки полей; вольный трудъ сдѣлался, не только неизбѣжнымъ орудіемъ въ хозяйствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ выгоднымъ. Промышленность и торговля, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства нашихъ финансовъ, развиваются въ нѣкоторыхъ центральныхъ пунктахъ. А большинство нашихъ городовъ—почти не измѣняетъ своего вида. Правда банки устроились теперь въ губернскихъ и нѣсколькихъ уѣздныхъ городахъ, но, за немногими исключеніями, эти банки едва оказываютъ признаки жизни; а сколько городовъ лишенныхъ и этого совершенно необходимаго учрежденія?

Бытъ же въ городахъ остается почти тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и прежде. Долѣе города не могутъ оставаться въ такомъ положеніи; иначе наша торговля и промышленность, слабо у насъ развивающіяся вообще и въ особенности внѣ немногихъ центральныхъ пунктовъ, еще болѣе сосредоточатся въ сихъ послѣднихъ; что̀ не желательно для нихъ самихъ и весьма вредно для страны. Оживленіе и преобразованіе нашихъ городовъ вообще не могутъ быть произведены посредствомъ предписаній и распоряженій высшаго и губернскаго начальствъ; такія благія дѣйствія можетъ оказать только внесеніе, въ городское устройство, просвѣщенія и самостоятельности. Въ этомъ, дворянство можетъ оказать городамъ всего болѣе услугъ. Какъ въ земствѣ, такъ и здѣсь, оно должно принять самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія. Опытъ Москвы, Петербурга и Одессы уже доказалъ пользу такого нововведенія, и остается только воспользоваться этими примѣрами. Въ этомъ, выгода не однихъ городскихъ обывателей изъ дворянъ, а вообще всего городскаго населенія. И это можетъ оказаться на дѣлѣ тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе дворянство сброситъ съ себя мнимыя преимущества, которыми оно теперь не пользуется, а которыя только его тяготятъ и отдѣляютъ отъ прочихъ состояній.

12 февраля 1869

Москва.

VI

О ПРИХОДСКИХЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВАХЪ.

Мы не предполагаемъ много говорить о приходскихъ попечительствахъ, потому что этотъ предметъ уже былъ, обстоятельно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, разсмотрѣнъ и обсуженъ однимъ земскимъ человѣкомъ—Дмитріемъ Ѳ. Самаринымъ, въ его статьяхъ: „Приходъ“ помѣщенныхъ въ газетѣ „Москва“ 1867 и 1868 годовъ. Рѣдко случается читать статьи, написанныя съ такимъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, съ такимъ глубокимъ сознаніемъ земскихъ потребностей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такимъ теплымъ и разумнымъ благодушіемъ. Намъ отрадно высказать наше полное сочувствіе къ основнымъ воззрѣніямъ г. Самарина; отъ души желаемъ, чтобы онъ скорѣе издалъ, особою книгою, свой прекрасный трудъ, много утрачивающій своего значенія отъ того, что онъ выходилъ разновременно, и что заключительныя его статьи еще вовсе не напечатаны. Мы ограничимся здѣсь краткимъ изложеніемъ того, чѣмъ, по нашему мнѣнію, приходскія попечительства должны пополнить земскую жизнь, что̀ задерживаетъ ихъ устройство и дѣйствія тѣхъ изъ нихъ, которыя уже открыты, и чего слѣдуетъ

желать для осуществленія благой мысли, проявленной въ Положеніи о приходскихъ попечительствахъ, Высочайше утвержденномъ 2 августа 1864 года.

Упомянутымъ Положеніемъ указаны, для приходскихъ попечительствъ, четыре главныя цѣли: 1) попеченіе о благоустройствѣ приходской церкви; 2) попеченіе о благосостояніи приходскаго причта; 3) попеченіе объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей въ приходѣ; и 4) попеченіе объ устройствѣ благотворительныхъ дѣйствій въ приходѣ.—Изъ этого очевидно, что приходскія попечительства должны пополнять въ земской жизни, понятой въ обширномъ смыслѣ этого слова, тѣ недостатки, которые въ ней оставляютъ собственно такъ называемыя земскія учрежденія.

Изъ того же Положенія очевидно, что приходскія попечительства не обязательны; что они не могутъ устанавливать никакого обязательнаго сбора съ прихожанъ; и что стихія этихъ учрежденій —полная свобода, а ихъ орудія—убѣжденія и доброхотныя приношенія.

Хотя наши храмы, и безъ приходскихъ попечительствъ, были, по большей части, не въ пренебреженіи; напротивъ того, весьма часто они устроивались, возобновлялись и украшались иждивеніемъ прихожанъ; однако нельзя было не замѣтить, что рука дающая иногда сжималась, по неувѣренности въ томъ, что приносимыя деньги дѣйствительно пойдутъ на нужды и благолѣпіе храма. Эти опасенія, въ послѣднее время, постепенно усиливались, и все болѣе и болѣе были въ ходу слухи о томъ, что не одно мѣстное, но и высшее духовенство

совращало церковные доходы съ первоначальнаго ихъ назначенія, на другія цѣли, вовсе не бывшія въ виду жертвователей. Приходскія попечительства, по смыслу упомянутаго Положенія, должны были положить конецъ этимъ опасеніямъ, возвратить завѣдываніе церковнымъ хозяйствомъ въ руки прихода, отъ котораго оно, вслѣдствіе притязаній духовной власти, неправильно отошло, и который одинъ вправѣ и въ состояніи имъ распоряжаться, какъ слѣдуетъ. Этимъ путемъ имѣлось въ виду достигнуть первой изъ упомянутыхъ цѣлей, и удовлетворить одну изъ существенныхъ потребностей земской жизни.

Вторая цѣль, указанная Положеніемъ, т. е. попеченіе о благосостояніи приходскаго причта, могла быть исполнена попечительствомъ не прямо, а посредственно. Наше сельское приходское духовенство находится, по большой части, въ бѣдственномъ положеніи, что́ сознается какъ правительствомъ, такъ и прихожанами. Это положеніе еще ухудшается тѣмъ, что крохи на свое содержаніе, кромѣ поземельнаго надѣла, духовенство должно собирать съ прихожанъ за исправленіе требъ. Такой сборъ производится и деньгами, и хлѣбомъ, и яицами, и блинами, и пирогами, и даже виномъ. При этомъ торгуются, вымогаютъ, сопротивляются, и пр. Такому положенію, тяжкому для духовенства и далеко не легкому для прихожанъ,—положенію, роняющему духовенство въ глазахъ мірянъ, и препятствующему благому дѣйствію перваго на послѣднихъ,-необходимо положить конецъ. Пока бытъ приходскаго духовенства не будетъ надлежащимъ образомъ обезпеченъ, и пока не будутъ отъ него устра-

нены нынѣ неизбѣжные поборы съ прихожанъ, дотолѣ нельзя и думать объ улучшеніи духовенства, чрезъ привлеченіе въ это званіе людей изъ другихъ состояній, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и объ усиленіи полезнаго дѣйствія пастырей церкви на ихъ духовныхъ дѣтей. Невозможно, чтобы правительство или земскія учрежденія установили какой либо обязательный налогъ въ замѣнъ существующихъ, такъ называемыхъ доброхотныхъ даяній; этотъ доходъ духовенства, какъ онъ ни малозначителенъ въ частности, составляетъ, по каждому уѣзду и губерніи, сумму, почти равняющуюся, а иногда и превосходящую всѣ губернскіе и уѣздные земскіе сборы, которые уже теперь признаются тяжкими (*). Конечно деньги эти, собранныя тѣмъ или другимъ способомъ, извлекаются изъ одного и того же народонаселенія; но тутъ способъ сбора имѣетъ особенную важность: достаточный даетъ причту больше, бѣдный—меньше; и тотъ и другой жертвуютъ по доброй волѣ и въ удобное для себя время. Нѣтъ возможности разложить этотъ сборъ ни на земли, ни на души; онъ былъ бы, въ первомъ случаѣ, весьма отяготителенъ для однихъ; а въ послѣднемъ—для

(*) По Рязанской губерніи, доходъ сельскихъ причтовъ отъ доброхотныхъ даяній, составляетъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, отъ 400 до 800 руб. на приходъ. Въ Рязанской епархіи имѣется около 800 сельскихъ приходовъ. Если среднимъ числомъ принять доходъ причтовъ въ 600 руб.; то общая сумма по губерніи составитъ не менѣе 480 т. руб.; а весь земскій сборъ по губерніи въ 1867 г., съ недоимками, не доходилъ до этой суммы, а въ 1868 году, онъ немногимъ чѣмъ ее превысилъ.

другихъ. Отмѣна существующаго сбора такъ называемыхъ доброхотныхъ даяній—совершенно необходима, не только для духовенства, въ видахъ его обезпеченія и усиленія народнаго къ нему уваженія, но и для крестьянъ, въ видахъ огражденія ихъ отъ вымогательствъ, со стороны безсовѣстныхъ или малозастѣнчивыхъ священно-церковнослужителей. Но эта отмѣна можетъ быть произведена только путемъ добровольныхъ соглашеній, которыя немыслимы безъ приходскихъ попечительствъ. Они одни въ состояніи произвести такія соглашенія, ибо, состоя изъ почетнѣйшихъ мірянъ, попечительства могутъ чрезъ послѣднихъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на прихожанъ вообще. Съ другой стороны, священникъ, будучи членомъ попечительства, посовѣстится предъявлять неумѣренныя требованія, которыя онъ, быть можетъ, позволилъ бы себѣ относительно отдѣльныхъ прихожанъ. Такія именно надежды были высказаны нѣсколькими земствами, и осуществленію этихъ надеждъ препятствовало до сихъ поръ только то, что не учреждались попечительства, или что положеніе, имъ указанное духовною властью, противурѣчило яснымъ словамъ закона.

Относительно третьей цѣли, указанной приходскимъ попечительствамъ, слѣдуетъ сказать, что хотя сельскіе и волостные сходы, тамъ и сямъ, открываютъ и содержатъ школы; что хотя, кой-гдѣ, священники заводятъ также школы у себя въ домахъ или въ церковныхъ сторожкахъ; и что хотя уѣздныя земскія собранія, во многихъ мѣстностяхъ, не отказываютъ въ пособіяхъ первоначальному народному обученію; однако нельзя не сознаться, что важное дѣло народнаго образованія идетъ

у насъ весьма неудовлетворительно. Да иначе, при нынѣшнемъ положеніи, оно едвали и идти можетъ. Если бы даже училищные совѣты исполняли свои обязанности добросовѣстно и съ усердіемъ, то, и въ этомъ случаѣ они не могли бы сдѣлать по этой части того, что̀ въ состояніи исполнять приходскія попечительства. Члены училищнаго совѣта могутъ посѣщать школы своего участка по одному или по два раза въ годъ; къ тому же, школы преимущественно въ дѣйствіи зимою; а члены училищнаго совѣта, въ это свободное отъ хозяйственныхъ занятій время, отъѣзжаютъ или по дѣламъ, или на временное пребываніе въ столичные или губернскіе города; а потому, въ самую нужную для школъ пору, они лишены возможности за ними надзирать. Напротивъ того, приходское попечительство всегда на лицо, на мѣстѣ, и, состоя изъ многихъ и при томъ разнородныхъ членовъ, имѣетъ возможность постоянно слѣдить за ходомъ обученія. Къ тому же, нельзя упустить изъ вида и слѣдующее обстоятельство: земство даетъ пособія; крестьянскія общества назначаютъ сборъ; но необходимо лучшее употребленіе этихъ денегъ, и сверхъ того, изысканіе добавочныхъ средствъ къ поддержанію школъ. Все это никто не можетъ исполнить лучше, чѣмъ попечительства; а потому, земство, на основаніи Положенія о нихъ, питало самыя живыя надежды на ихъ помощь по части распространенія грамотности и образованія въ народѣ.

Наконецъ, что касается до четвертой цѣли, имѣвшейся въ виду при учрежденіи попечительствъ, то завѣдываніе по части благотворительности въ селеніяхъ, должно быть

почти исключительно возложено на эти необязательныя учрежденія. Въ городахъ, и то далеко не во всѣхъ, существуютъ благотворительныя заведенія казенныя, общественныя и частныя; въ селеніяхъ же, ихъ почти вовсе нѣтъ, и не скоро они могутъ устроиться. Трудно учредить по одной богадѣльнѣ на приходъ; во всякомъ случаѣ, такое заведеніе можетъ быть открыто и содержимо только на мѣстныя средства. Земство, во многихъ уѣздахъ, устроило или устроиваетъ врачебную часть; но идти далѣе оно не можетъ. Больницу, врача, аптеку и пр. завести въ состояніи только земство, ибо, для этого нужны совокупныя средства обывателей довольно обширной мѣстности. Это стоитъ земству не мало; но это—расходъ, если не по закону, то по совѣсти, обязательный. Въ область благотворительности, оно можетъ вступать только въ исключительныхъ случаяхъ; ибо эта область почти безпредѣльна; обязательнаго въ ней весьма мало, но за то необязательному — нѣтъ границъ. Эта дѣятельность особенно умѣстна въ приходѣ; а потому приходскія попечительства должны ей посвятить себя преимущественно. Въ селеніяхъ нужны богадѣльни, но еще нужнѣе нѣсколько упорядочить благотворительность; а потому законъ весьма мудро сказалъ, что приходскія попечительства должны имѣть попеченіе „о благотворительныхъ дѣйствіяхъ въ приходѣ“. Такое попеченіе ни на кого не можетъ быть удобнѣе возложено, какъ на приходскія попечительства. Бѣдные старики, старухи, колеки, неизлѣчимые больные и пр. не могутъ быть ни кому ближе и короче извѣстны, какъ членамъ попе-

чительства, которое одно можетъ оказывать бѣдствующимъ помощь, и вовремя и тѣмъ именно, что́ для нихъ нужно.

Всѣ эти надежды и ожиданія были возбуждены Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ, отъ 2 августа 1864 года. Къ крайнему прискорбію весьма многихъ, эти надежды и ожиданія далеко не осуществились.

Устройство приходскихъ попечительствъ предоставлено было „распоряженію епархіальныхъ архіереевъ“, которымъ разрѣшено было къ этому приступать „постепенно и по мѣрѣ удобствъ и возможности“. Нельзя не сказать, что епархіальныя начальства, въ этомъ дѣлѣ, дѣйствовали *съ крайнею постепенностію*, и что подчиненное имъ духовенство превзошло даже осмотрительность своего начальства. Въ иныхъ епархіяхъ, только черезъ годъ, и даже черезъ два года, священники получили Положеніе о попечительствахъ, которое они прочли, и, по большей части, оставили въ безгласности въ своихъ приходахъ. Мы знаемъ помѣщиковъ, которые, едва въ 1868 году, могли узнать отъ своихъ священниковъ о томъ, что дѣйствительно ими получено упомянутое Положеніе. Что же касается до устройства попечительствъ или до усилій, со стороны священниковъ, къ убѣжденію прихожанъ по части учрежденія попечительствъ, то примѣры того такъ рѣдки, что почти не стоитъ объ нихъ и говорить. Духовенство вообще отнеслось къ этому Положенію, весьма не сочувственно. Да и какая охота была священникамъ мѣнять вѣрное на невѣрное, собственное, произвольное, хозяйничаніе — на чужое и къ тому же — гласное распоряженіе! Причты, на основаніи старыхъ порядковъ, одни завѣдуютъ всѣми церковными

имуществами и доходами, и отвѣтствуютъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, только отдаленному начальству; по новому же Положенію, одинъ только священникъ, и онъ только какъ членъ, участвуетъ въ коллегіальномъ завѣдываніи церковными имуществами и доходами, и къ тому же, подъ контролемъ всегда *на мѣстѣ* находящагося прихода. Духовенство, какъ высшее такъ и низшее, хорошо поняло суть дѣла; и потому большинство изъ этого званія старалось задержать это преобразованіе и оставить, сколь возможно долѣе, устройство попечительствъ in potentia на бумагѣ. Къ тому же, весьма скоро, и, въ разныхъ епархіяхъ, почти одновременно, возникли, на счетъ двухъ важныхъ статей Положенія, истолкованія, казавшіяся сперва невозможными, по явному ихъ противурѣчію духу закона. Первое истолкованіе касалось того, что попечительства, по мнѣнію духовенства, имѣютъ право распоряжаться только однѣми своими собственными суммами, и отнюдь не вмѣшиваться въ завѣдываніе ни свѣчнымъ, ни кошельковымъ сборами, остающимися въ полномъ завѣдываніи причта и церковнаго старосты. А второе истолкованіе относилось къ тому, что приходскія попечительства будто подчинены епархіальному начальству и должны къ нему обращаться съ „*репортами*“. Эти два истолкованія, данныя въ разныхъ епархіяхъ, почти уничтожили дѣйствіе Положенія: новыя попечительства перестали открываться, а уже существующія сокращаютъ все болѣе и болѣе свои дѣйствія. Обнародованное, въ январѣ сего года, опредѣленіе св. Сунода о суммахъ, какими могутъ распоряжаться приходскія попечительства, должно считать утвержденіемъ

перваго истолкованія; и за тѣмъ, второе истолкованіе становится почти не нужнымъ; ибо нечего оспоривать или домогаться начальства надъ учрежденіями, не могущими существовать или вовсе не дѣйствующими. Какъ ни важно это сунодальное опредѣленіе, и по своей редакціи, и по вопросу, имъ разрѣшаемому, мы однако не войдемъ въ разсмотрѣніе этого постановленія. Эта задача, прежде и лучше насъ, уже исполнена г. Дмитріемъ Самаринымъ, въ его статьѣ, напечатанной въ № 32 „Современныхъ Извѣстій“ нынѣшняго года, и нами перепечатываемой въ Приложеніяхъ (№ III). Ограничимся здѣсь нѣсколькими словами.

Если церковныя суммы должны оставаться въ распоряженіи одного приходскаго причта, съ присоединеніемъ къ нему церковнаго старосты, то тѣмъ самымъ какъ будто упраздняется Положеніе, Высочайше утвержденное 2 августа 1864 года. Если собственно церковное хозяйство вообще, должно пребывать въ прежнемъ видѣ, то пѣтъ достаточныхъ причинъ къ устройству попечительства, имѣющаго завѣдывать только суммами, не существующими и только могущими впослѣдствіи образоваться. Можно жертвовать, въ виду извѣстныхъ недостаточныхъ средствъ, на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ; но едвали, при неизвѣстности первыхъ, явится гдѣ-либо желаніе основать учрежденіе, котораго устройство неминуемо должно вовлечь въ разходы и и пожертвованія. А потому мы сильно боимся, что слабое дѣйствіе Положенія о приходскихъ попечительствахъ, огорчавшее земство въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ, теперь вовсе прекратится, и что это за-

коноположеніе останется лишь памятникомъ благихъ намѣреній нашего гражданскаго вѣдомства.

При такомъ положеніи дѣла, слѣдуетъ ли намъ опустить руки и предоставить церковному хозяйству идти, какъ оно доселѣ шло?—Конечно въ настоящую минуту, мы не можемъ не подчиниться опредѣленію св. Сѵнода. Но какъ его опредѣленія вообще не непогрѣшимы; какъ только что упомянутое его опредѣленіе, по мнѣнію, обстоятельно изложенному въ статьѣ г. Дмитрія Самарина, и нами вполнѣ раздѣляемому, противурѣчитъ духу и словамъ Положенія отъ 2 августа 1864 года; и какъ благо церкви дорого не для одного духовенства, а и для всѣхъ мірянъ; то мы считаемъ долгомъ всякаго православнаго земскаго человѣка, и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и иными законными средствами, домогаться отмѣны этого сѵнодальнаго постановленія, и возвращенія полной силы Положенію, Высочайше утвержденному 2 августа 1864 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ просить, о поясненіи, въ назиданіе духовенства, что церковное хозяйство *все* должно быть въ завѣдываніи приходскихъ попечительствъ; что послѣднія состоятъ не подъ начальствомъ консисторіи, а только подъ наблюденіемъ епархіальныхъ архіереевъ; и что „открытіе попечительствъ постепенное, по мѣрѣ удобствъ и возможности“ значитъ не отсрочка исполненія этого дѣла до отдаленнаго будущаго, а только то, чтобы попечительства открывались не насильственно, не одновременно какъ по командѣ, а по свободному желанію и по средствамъ прихожанъ. Необходимо также яснѣе выразить, что право открывать попечительство принадлежитъ каждому при-

ходу, и починъ этого дѣла можетъ исходить и отъ прихожанъ.

Усилія наши къ осуществленію благой мысли о приходскихъ попечительствахъ—не могутъ остаться безъ желаемыхъ послѣдствій: правительство уже заявило свою волю, по сему предмету, утвержденіемъ Положенія; остается намъ только доказать, что мы искренне и глубоко сочувствуемъ этому закону, и что мы въ силахъ и готовы воспользоваться его предложеніемъ. Въ этомъ, мы можемъ и должны также расчитывать на помощь тѣхъ нашихъ іерарховъ и прочихъ духовныхъ, которые, по своему образованію и свѣтлымъ воззрѣніямъ на значеніе православной церкви, видятъ пользу ея, не въ средоточеніи церковныхъ дѣлъ въ исключительномъ завѣдываніи духовенства, а въ пріобщеніи къ ихъ веденію, особенно въ хозяйственномъ отношеніи, всего православнаго люда. Послѣдствія прежняго порядка вещей передъ глазами всѣхъ и каждаго. Пора вступить намъ на путь иный, указанный первобытною церковью Христовою, ею испытанный, и Россіи далеко не незнакомый: семивѣковая ея исторія являетъ тому несомнѣнныя доказательства.

20 февраля 1869.

москва.

VII.

О СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Хотя въ одной изъ предъидущихъ статей (стр. 101—105), мы уже говорили о необходимости распространенія грамотности и образованія въ народѣ, и о мѣрахъ къ достиженію этой цѣли, однако охотно возвращаемся къ этому предмету, считая его, въ настоящее время, однимъ изъ самоважнѣйшихъ и всего менѣе отлагательству подлежащихъ, и признавая долгомъ на этомъ настаивать постоянно—„благовременно и безвременно“.

Всматриваясь въ ходъ крестьянскаго самоуправленія и крестьянскаго домашняго быта, а равно и въ дѣйствія земскихъ собраній и правительства, нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ до сихъ поръ всѣ относятся къ дѣлу народнаго образованія. Мы сооружаемъ желѣзныя дороги, заботимся объ улучшеніи судопроизводства, устроиваемъ наши земскія собранія и управы, вводимъ взаимное застрахованіе сельскихъ строеній, приводимъ въ порядокъ наши мостовыя сооруженія, и совершаемъ многія другія добрыя и полезныя дѣла; но всего менѣе думаемъ мы о поднятіи просвѣщенія въ народѣ, въ уровень съ пра-

вами, ему дарованными. Мы огорчаемся усиленіемъ пьянства какъ въ селахъ такъ и городахъ; истощаемъ свой умъ на пріисканіе средствъ къ ограниченію этого зла; и почти готовы поставить къ каждому кабаку по чиновнику, для надзора за виноторговцами и винопійцами, и для наказанія ихъ на мѣстѣ самаго проступка. Мы соболѣзнуемъ голодающимъ, и расположены подѣлиться съ ними нашими достатками. А между тѣмъ мы не видимъ, что корень всѣхъ этихъ золъ есть недостатокъ просвѣщенія въ нашемъ народѣ, ищущемъ, вслѣдствіе того, утѣшенія и веселія только въ винѣ, и не обезпечивающемъ своего существованія улучшеніями по землевоздѣлыванію, и заработками по промысламъ.

Еще можно было холодно относиться къ народному образованію, когда не всѣ жители Россіи были ея гражданами; когда многія сотни и тысячи людей продавались, покупались, и милліоны людей находились въ полномъ распоряженіи и на такомъ же попеченіи помѣщиковъ. Тогда распространеніе грамотности было мѣрою, до нѣкоторой степени, даже революціонною, т. е. такою, которая готовила уничтоженіе господства однихъ надъ другими, и уравненіе правъ между различными состояніями. Но теперь дѣло совершенно иное. Самою консервативною мѣрою, т. е. такою, которая въ состояніи всего болѣе охранить порядокъ, есть развитіе просвѣщенія въ народѣ. Она—въ интересѣ правительства, ибо удобнѣе управлять людьми, хотя сколько нибудь образованными, и сознающими необходимость закона и порядка, чѣмъ распоряжаться существами безграмотными, всякому слуху вѣрящими, и враждебными всякимъ преобразованіямъ; и

легче для правительства сбирать значительныя суммы съ людей промышляющихъ, чѣмъ взыскивать даже малыя деньги съ бѣдняковъ и безпомощныхъ. Эта мѣра также въ общемъ интересѣ, потому что и въ земствѣ, и въ торговлѣ, и на заводахъ, и на фабрикахъ, и въ сельскомъ хозяйствѣ, лучше имѣть дѣло съ людьми развитыми, чѣмъ съ такими, которые ничего не знаютъ, плохо понимаютъ и еще хуже исполняютъ имъ приказанное. А между тѣмъ, даже теперь, и правительство и мы всѣ относимся къ дѣлу народнаго образованія, почти съ тѣмъ же равнодушіемъ какъ и прежде.

Отъ чего это происходитъ?

Отъ того ли, что мы недостаточно вѣримъ въ силу и пользу просвѣщенія?

Или отъ того, что личныя выгоды насъ отклоняютъ отъ хлопотъ и расходовъ, неизбѣжныхъ при устройствѣ школъ?

Или наконецъ отъ того, что, заваленные текущими дѣлами, мы откладываемъ *до завтра* тѣ дѣла, которыя не прямо бьютъ насъ по затылку?

Думаемъ, что не одна какая либо изъ этихъ причинъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ, удерживаютъ насъ въ равнодушіи къ дѣлу народнаго образованія.

Мы слабо вѣримъ въ силу и пользу просвѣщенія, потому что оно является намъ болѣе въ внѣшнихъ своихъ видахъ, чѣмъ въ дѣйствительномъ, внутреннемъ своемъ значеніи. Теперь, пожалуй, танцы, лепетаніе по французски, такая или иная прическа или одежда, уже несчитаются несомнѣнными признаками „цивилизаціи“. Мы поднялись нѣсколькими ступенями выше по лѣстницѣ

образованія. Чтобы считаться человѣкомъ современнымъ, необходимо теперь быть *гуманнымъ*, знать верхушки чуть чуть не всего, и, conditio sine qua non, быть человѣкомъ мало или вовсе не вѣрующимъ, съ окраскою болѣе или менѣе густою нигилизма, и съ нимъ неразлучнаго матеріализма. Въ такомъ видѣ просвѣщеніе является дѣйствительно не силою, поднимающею людей вообще, и совокупляющею ихъ во едино, а орудіемъ болѣе или менѣе пригоднымъ, хотя мало производительнымъ, и средствомъ, обособляющимъ людей, а не сплотняющимъ ихъ въ одно братство. Къ чему, въ этомъ случаѣ, тратить много силъ, времени и денегъ, на доставленіе другимъ того, что и намъ самимъ не безусловно полезно? А о просвѣщеніи дѣйствительномъ, исходящемъ изъ вѣры и на ней основанномъ, чуждомъ соціализма и комунизма, хотя прямо ведущемъ къ братству людей вообще, содѣйствующемъ къ возможнополному развитію силъ и способностей человѣческихъ, и стремящемся къ обезпеченію всѣмъ благоденствія,— о такомъ просвѣщеніи кто же помышляетъ?

При такомъ нашемъ умственномъ настроеніи, удивительно ли, что мы воздерживаемся отъ хлопотъ и затратъ на распространеніе грамотности въ народѣ? Пожалуй, разсуждаемъ мы, оно и полезно и сверхъ того требуется нашимъ положеніемъ въ Европѣ; но не достаточно ли того, что мы объ этомъ говоримъ, пишемъ, даже назначаемъ на это сколько нибудь денегъ, которыя быть можетъ и не израсходуются? Неужель намъ объ этомъ заботиться, какъ о собственномъ нашемъ дѣлѣ? Это положительно отъ насъ ничѣмъ и никѣмъ не требуется;

и сверхъ того—развѣ мы, изъ такихъ пожертвованій, извлечемъ для себя достаточныя и при томъ несомнѣнныя выгоды? Позаботимся о злобахъ сегодняшнихъ, а будущее пусть само о себѣ печется!

Къ тому же, развѣ мы, для потомства, сдѣлали мало? И уничтоженіе крѣпостнаго права на людей, и введеніе гласнаго и изустнаго судопроизводства, и возстановленіе земскихъ учрежденій, и многія другія преобразованія, развѣ не совершены правительствомъ при нашемъ содѣйствіи? Дай Богъ намъ управиться съ текущими дѣлами, которыя отнимаютъ у насъ и время и покой, и которыя мы оттолкнуть не можемъ; къ чему же намъ добровольно наваливать на себя дѣло, которое необходимо только для будущаго?

Такъ разсуждаемъ мы, и успокоиваемся, едва подозрѣвая, что настоящаго нѣтъ, и что будущее начинается, не чрезъ нѣсколько лѣтъ, а каждую минуту, въ которую мы говоримъ и дѣйствуемъ.

Нѣтъ! развитіе просвѣщенія въ народѣ, есть задача не отдаленнаго будущаго, а того, которое граничитъ съ настоящею минутою. Это было обязанностію нашею и правительственною до 1861 года; оно сдѣлалось потомъ задачею одного правительства, до введенія земскихъ учрежденій; а съ этого времени, оно опять стало нашею общею задачею, и задачею самою неотложною.

Если мы думаемъ стать во главѣ земства; если мы имъ дорожимъ; если правительство желаетъ имѣть настоящія земскія учрежденія, и на нихъ сложить тяжкое бремя отвѣтственности за мѣстное управленіе, которое для него становится съ каждымъ днемъ болѣе труднымъ

и менѣе возможнымъ; то обязанность наша и правительства устроить такъ, чтобы земство было не на бумагѣ, не какое-либо односословное, а потому безсильное,—не невѣжественное, а потому мало способное; а такое, которое дѣйствительно несло бы, обще съ правительствомъ, трудъ по управленію, искренне бы объ немъ заботилось, и доставляло бы странѣ тѣ выгоды и удобства, на которыя граждане вправѣ разсчитывать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ. Для этого, первое условіе чтобы люди и состоянія не оставались одиночками, ищущими своего блага лишь въ личныхъ или сословныхъ выгодахъ. Одно просвѣщеніе, разумѣемъ, настоящее просвѣщеніе, въ силахъ произвести дѣйствительное и плодотворное единеніе. А потому и правительство, и мы, люди болѣе другихъ образованные, обязаны, и по совѣсти и по разсчету, всячески озаботиться развитіемъ народныхъ способностей, и вмѣнить себѣ въ непремѣнный долгъ не щадить на это дѣло ни трудовъ, ни денегъ.

Мы уже говорили, на вышеупомянутыхъ страницахъ нашей книги, о мѣрахъ, необходимыхъ къ умноженію сельскихъ школъ и къ лучшему ихъ устройству. Сказанное тамъ кратко, мы постараемся здѣсь изложить обстоятельнѣе и кой-чѣмъ пополнить.

Пока открытіе и содержаніе школъ мы оставимъ на попеченіи сельскихъ обществъ, по тѣхъ поръ у насъ школъ не будетъ. Это конечно для насъ покойно: не существующія школы не требуютъ ни денегъ, ни надзора; а между тѣмъ весьма благовидно говорить въ свое оправданіе: не навязывать же школы крестьянамъ!

Конечно мы вовсе не сочувствуемъ системѣ навязыванія людямъ даже самыхъ необходимыхъ для нихъ благъ. Но, въ настоящемъ случаѣ, мы вовсе не это имѣемъ въ виду. Мы не предлагаемъ принуждать кого бы то ни было учиться; но желаемъ только, чтобы была къ тому возможность, т. е. чтобы существовали школы. Мы устроиваемъ мосты, сбираемъ на это деньги или заставляемъ строить и исправлять мосты натурою, и не спрашиваемъ ни каждаго крестьянина отдѣльно, ни даже каждое общество въ особенности, нуженъ и желателенъ ли для него такой-то мостъ. Мы убѣждены, что мосты вообще нужны, удостовѣряемся, что, въ извѣстномъ мѣстѣ, мостъ необходимъ, и мы его строимъ и содержимъ. Желательно, чтобы относительно школъ мы пришли къ такимъ же убѣжденіямъ, сознаніямъ и дѣйствіямъ. Убѣжденные, что сельскія школы вообще столько же нужны, сколько мосты; удостовѣренные, что въ такомъ-то селеніи школа необходима, мы должны ее открыть и содержать. Мы будемъ, по этой статьѣ, даже нѣсколько уступчивѣе. Какъ школами землевладѣльцы, по большой части, не пользуются непосредственно, то и небыло бы справедливымъ возлагать всѣ расходы по этому предмету на земство, коего доходы составляются преимущественно изъ землевладѣльческихъ платежей. Половину этихъ расходовъ слѣдовало бы отнести прямо на крестьянство, для котораго эти школы устраиваются, а другую половину на земство и казну. Первое необходимо сдѣлать обязательнымъ, ибо иначе немногіе крестьяне обложатъ себя сборомъ, даже въ виду пособія со стороны земства и правительства. Они,

мало убѣжденные въ пользѣ прочныхъ и безопасныхъ мостовъ, уже вовсе не убѣждены въ пользѣ грамотности, въ чемъ и винить ихъ трудно: невѣдая ея, они не могутъ и сознавать ея необходимости. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что школами пользуются изъ крестьянъ только тѣ, у которыхъ дѣти въ возрастѣ отъ 8 до 15 лѣтъ, а платить сборъ должны всѣ; слѣдовательно большинство всегда противъ расходовъ на школы. Второе, т. е. пособіе отъ земства сельскимъ школамъ, должно оставить разходомъ для него не обязательнымъ; а въ видахъ поощренія къ тому земства слѣдовало бы постановить, что оно имѣетъ право получать дополнительное пособіе изъ казны, въ размѣрѣ пособія, имъ назначеннаго изъ своихъ средствъ. Для огражденія казны отъ неопредѣленныхъ расходовъ по этой части, можно бы узаконить, что пособіе отъ казны не можетъ превышать половины обязательнаго сбора, взимаемаго съ крестьянъ.

Что касается до сбора съ крестьянъ, то на первый разъ, можно бы его ограничить десятью копѣйками съ души. Такой сборъ былъ бы для нихъ не обременителенъ, а между тѣмъ, онъ былъ бы достаточенъ на открытіе и содержаніе одной школы въ каждомъ приходѣ. Среднимъ числомъ можно считать на уѣздъ по 40 т. душъ мужескаго пола и по 60 сельскихъ приходовъ; слѣдовательно сборъ состоялъ бы изъ 4000 р. съ крестьянъ. Если бы земство и правительство вмѣстѣ дали такую же сумму, то пришлось бы по 133 руб. съ копейками на каждую школу. На эту сумму, при малѣйшемъ содѣйствіи прихожанъ, весьма возможно

устроить и содержать школу. Это содѣйствіе можетъ быть оказано какъ приходскими попечительствами, такъ и самими сельскими обществами; это тѣмъ необходимѣе, что такимъ только образомъ школы получатъ характеръ мѣстныхъ, собственно сельскихъ, а не казенныхъ или земскихъ заведеній.

Открытіе новыхъ сельскихъ школъ, конечно необходимо, ибо существующихъ этого рода заведеній у насъ очень мало; но еще болѣе неотложно—улучшеніе способа преподаванія въ тѣхъ школахъ, которыя уже имѣются. А потому, къ достиженію этой цѣли, необходимо идти двумя путями: во 1-хъ, образованіемъ настоящихъ учителей для сельскихъ школъ; и во 2-хъ, исправленіемъ методы преподаванія уже имѣющихся учителей, и привлеченіемъ къ этому дѣлу людей, могущихъ быть хотя сносными учителями. Въ виду перваго, мы должны устроивать особыя земскія училища для образованія сельскихъ учителей. Къ этому, въ разныхъ губерніяхъ, земство уже приступило. Желательно, чтобы прочія губерніи послѣдовали этимъ благимъ примѣрамъ. Желательно также, чтобы правительство не затрудняло, а напротивъ всячески поощряло эти добрыя начинанія. Но этотъ путь не скоро приведетъ насъ къ цѣли: мы будемъ получать ежегодно по 30, по 40, по 50 учителей на губернію, и то не прежде трехъ, четырехъ лѣтъ, послѣ устройства упомянутыхъ училищъ; намъ же теперь нужны многія сотни преподавателей; а потому въ нашей странѣ, долго остававшейся какъ бы въ спячкѣ, и вслѣдствіе того вынужденной нагонять потерянное время, необходимо, въ ожиданіи хорошихъ учителей, запастись

хотя посредственными. Эти послѣдніе могутъ выдти, какъ изъ числа нынѣ имѣющихся въ школахъ учителей, такъ и изъ другихъ грамотныхъ людей, и скорѣе всего изъ духовенства. Къ сожалѣнію, опытъ удостовѣряетъ, что нынѣшніе учители какъ изъ духовенства, такъ и изъ прочихъ состояній, имѣютъ самые неудовлетворительные способы преподаванія: они не развиваютъ и не научаютъ дѣтей, а притупляютъ ихъ, задерживая учениковъ, по многимъ мѣсяцамъ, на азбукѣ и складахъ, и заставляя ихъ читать, безъ пониманія читаемаго, и заучивать наизусть слова, безъ уразумѣнія ихъ смысла. Почти всѣ наши сельскія школы представляютъ примѣръ разительный того, какъ полезное можетъ быть превращено во вредное, или по крайней мѣрѣ въ безполезное, и какъ орудіе просвѣщенія можетъ становиться средствомъ къ подавленію человѣческихъ способностей. А потому, хотя необходимо думать объ умноженіи у насъ школъ, однако еще необходимѣе позаботиться объ ихъ исправленіи.

Къ этому особенно пригодными средствами были бы слѣдующія: 1) учрежденіе, на время лѣтнихъ каникулярныхъ мѣсяцовъ, педагогическихъ курсовъ для учителей; и 2) опредѣленіе одного на уѣздъ смотрителя или досмотрщика сельскихъ школъ. Обѣ эти мѣры были уже испытаны, и оказали благія послѣдствія. Первая доставила, въ Новгородской губерніи, улучшенныхъ учителей изъ прежнихъ обыкновенныхъ, и посредственныхъ наставниковъ изъ крестьянъ, только грамотныхъ. А вторая мѣра, принятая въ разныхъ мѣстностяхъ, исправила способъ преподаванія въ школахъ, какъ тѣмъ,

что этотъ ревизоръ объяснялъ учителямъ, бо́льшею частію изъ духовныхъ, новѣйшіе, лучшіе пріемы преподаванія, такъ и тѣмъ, что они обращали вниманіе училищныхъ совѣтовъ и ихъ членовъ, на замѣченные въ школахъ недостатки и на способы къ ихъ устраненію. Весьма желательно, чтобы обѣ эти мѣры получили бо́льшее развитіе, и сдѣлались общеупотребительными въ нашей странѣ.

Говоря о школахъ, необходимо упомянуть о вліяніи на нихъ духовенства. Есть у насъ школы (хотя и весьма мало), въ которыхъ священники или дьяконы преподаютъ очень хорошо, но, по бо́льшей части, наставники изъ духовныхъ учатъ неудовлетворительно. Весьма желательно, чтобы наше духовенство имѣло, въ сельскихъ школахъ, сильное дѣйствіе на юношество; но, къ сожалѣнію, мало, очень мало духовныхъ, которые этимъ дѣломъ занимаются съ любовью. Многіе изъ нихъ, получая, отъ сельскихъ обществъ, жалованіе, нанимаютъ себѣ въ помощники солдатъ или изключенныхъ изъ духовнаго званія семинаристовъ, а сами едва посѣщаютъ школы. Это особенно чувствительно въ школахъ, которыя духовенство любитъ называть церковно-приходскими. Тутъ уже преподаваніе болѣе чѣмъ неудовлетворительно. Священникъ получаетъ отъ прихода пособіе въ 30, 40, 50 или 60 руб.; онъ собираетъ учениковъ въ своемъ домѣ или въ церковной сторожкѣ; они ему носятъ воду, рубятъ дрова, посылаются на гумно за соломою или съ другими порученіями, и, въ свободное отъ этихъ занятій время, долбятъ азбуку или псалтырь. Эти школы просто вредны, ибо тутъ мальчики не обра-

зовываются, а привыкаютъ къ напрасной тратѣ времени, ко всякаго рода шалостямъ, и получаютъ отвращеніе отъ чтенія и письма. Понятно, какъ поражены были посредники, при полученіи циркуляра отъ своихъ губернскихъ присутствій, о томъ, чтобы ни они, ни волостныя и сельскія должностныя лица не вмѣшивались въ управленіе церковно-приходскими школами, и въ занятія духовенства по преподаванію въ свѣтскихъ училищахъ. Этотъ циркуляръ до того замѣчателенъ, и можетъ имѣть такія важныя послѣдствія, что стоитъ на немъ остановиться, и о немъ поговорить.

Въ началѣ прошлаго года, губернаторы получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ циркуляръ, въ которомъ было прописано, что имъ, министромъ, получено отношеніе отъ предсѣдателя Высочайше утвержденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, съ просьбою сдѣлать распоряженіе: а) „объ устраненіи неправильнаго вмѣшательства свѣтскихъ властей въ управленіе церковно-приходскими школами, равно и въ занятія духовныхъ лицъ по преподаванію въ свѣтскихъ училищахъ; и б) объ оказаніи, со стороны другихъ вѣдомствъ, содѣйствія духовенству въ законныхъ его требованіяхъ по дѣламъ о народныхъ школахъ“. Вслѣдствіе сего, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ начальниковъ губерній принять надлежащія мѣры, чтобы устранить неправильныя вмѣшательства мировыхъ посредниковъ, волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, въ управленіе церковно-приходскими школами, равно и въ занятія духовныхъ лицъ по преподаванію въ свѣтскихъ училищахъ, и объ оказаніи со

стороны сельскаго управленія, содѣйствія духовенству въ законныхъ требованіяхъ его по дѣламъ о народныхъ школахъ.

Сколько важнѣйшихъ вопросовъ возникаетъ при чтеніи этого, изъ немногихъ словъ состоящаго циркуляра!

Что́ такое церковно-приходскія школы? Законъ признаетъ сельскія школы, и для нихъ существуетъ особое Высочайше утвержденное Положеніе; но тутъ говорится о какихъ-то не просто приходскихъ, но о церковно-приходскихъ школахъ. Какое ихъ назначеніе? Какія отличительныя ихъ признаки? Какія ихъ права и обязанности?

Говорится въ циркулярѣ *о неправильномъ* вмѣшательствѣ свѣтскихъ властей: всякое ли вмѣшательство этихъ властей въ дѣла школъ, завѣдываемыхъ духовенствомъ, должно считать неправильнымъ, или только то, которое дѣйствительно почему либо неправильно? но въ послѣднемъ случаѣ, что́ считать правильнымъ, и что́—неправильнымъ? Гдѣ границы между этими двумя родами вмѣшательства?

Запрещается вмѣшательство въ управленіе церковно-приходскими школами, но что́ разумѣть подъ словомъ: управленіе? То ли что міряне не должны вмѣшиваться въ выборъ учебниковъ, или въ распредѣленіе часовъ ученія, или въ употребленіе учениками времени вообще, или во что-либо иное?

Запрещается вмѣшательство въ занятія духовныхъ лицъ по преподаванію *въ свѣтскихъ училищахъ:* но развѣ церковно-приходскія училища суть духовныя? Какія же сельскія училища должно считать свѣтскими, и

какія духовными? Неужель въ школахъ, учрежденныхъ на основаніи Положенія отъ 14 іюля 1864 года, и содержимыхъ насчетъ сельскихъ обществъ, по имѣющихъ учителями приходскихъ священниковъ или діаконовъ, нельзя мірянину сдѣлать имъ замѣчаніе даже на счетъ преподаванія азбуки, ариѳметики и пр.? Да неужель мірянинъ, потому только, что онъ мірянинъ, не имѣетъ права что-либо сказать о преподаваніи священной исторіи или краткаго катихизиса, а священникъ или діаконъ, только потому, что онъ носитъ духовное званіе, не погрѣшимъ по этимъ частямъ?

Вмѣняется „другимъ вѣдомствамъ“ (слѣдовательно всѣмъ не духовнымъ), или какъ сказано болѣе ограничительно министромъ внутреннихъ дѣлъ, мировымъ посредникамъ и должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія, способствовать духовенству къ достиженію желаемаго успѣха, по предмету наружнаго благоустройства школъ и снабженія ихъ необходимыми матеріальными средствами. Что такое наружное благоустройство школы? Чѣмъ же способствовать? Какія необходимыя матеріальныя средства? Кто судья того, что необходимо по этой статьѣ, и что не необходимо?

Мы кончаемъ наши вопросы, хотя число ихъ можно бы удвоить, утроить и все еще не истощить этой обильной почвы для недоумѣній, сомнѣній и всякаго рода опасеній. Не можемъ однако не поставить еще одного —послѣдняго вопроса:

Неужель мы, какимъ-либо чудомъ, перенесены въ католическую Австрію временъ пресловутаго конкордата?

Нѣтъ! мы ни какъ не можемъ считать этотъ циркуляръ плодомъ особенныхъ какихъ-либо соображеній, и даже обдуманнымъ домогательствомъ нашего православнаго духовенства. Нѣтъ! это—просто канцелярская отписка, очищенный номеръ и болѣе ничего.

Мы основываемъ это наше мнѣніе на томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду Высочайше утвержденное Положеніе о сельскихъ школахъ, не могъ подкрѣплять, силою ввѣренной ему власти, требованія, противурѣчущія духу и буквѣ этого закона; что духовенство наше, хотя по временамъ и выходило за предѣлы своего вѣденія, не могло однако, ни съ того ни съ сего, вдругъ заявить требованіе на безотчетное преподаваніе народу не только въ какихъ-то своихъ, но даже и въ не-своихъ школахъ, и разомъ всѣхъ мірянъ объявить неспособными имѣть голосъ по дѣламъ народнаго обученія, какъ только духовенство принимаетъ въ немъ участіе. Нѣтъ! Такое устраненіе мірянъ отъ завѣдыванія сельскими школами, такое притязаніе духовенства на безконтрольное въ нихъ преподаваніе, такое противорѣчіе духу и правиламъ нашей православной церкви—не могли быть обдуманнымъ дѣйствіемъ нашего духовенства. Скорѣе можно допустить, что какой-либо католикъ во зло употребилъ минутное невниманіе нашихъ іерарховъ.

Этотъ циркуляръ, если не будетъ вскорѣ отмѣненъ, то можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для школъ.

Во 1-хъ, такъ называемыя церковно-приходскія школы, нынѣ существующія и могущія быть улучшенными, закроются; ибо коль скоро онѣ будутъ признаны не

свѣтскими, а духовными, то крестьяне перестанутъ туда посылать своихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне отмѣнятъ выдачу всякихъ пособій для этихъ школъ.

Во 2-хъ, въ сельскихъ школахъ, преподаваніе священниками всего, кромѣ Закона Божія, прекратится; ибо едва ли міряне согласятся оставить въ рукахъ духовныхъ, ученіе дѣтей грамотѣ и проч., при невозможности имѣть наблюденіе за способомъ преподаванія.

Въ 3-хъ, земства и училищные совѣты, въ виду этого циркуляра, не усилятъ, а напротивъ того, сократятъ свою дѣятельность; ибо они усмотрятъ, что отвѣтственность за распространеніе образованія въ народѣ, не лежитъ прямо на нихъ, и что даже дѣйствія совѣтовъ и ихъ членовъ, могутъ вызвать новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, дополняющій то, что было имъ нѣсколько ограничено противъ сообщенія г. предсѣдателя присутствія по дѣламъ православнаго духовенства.

А потому потребность въ отмѣнѣ этаго циркуляра есть самая настоятельная.

Еще обо многомъ, относящемся до народнаго образованія, слѣдовало бы говорить. Необходимо бы обратить вниманіе правительства, земства и общества, на уѣздные и губернскіе училищные совѣты: они, по бо́льшей части, существуютъ только на бумагѣ; въ нихъ очевиденъ недостатокъ жизненности; эти совѣты, и въ особенности губернскіе, требуютъ преобразованія. Нужно бы также направить общественную заботу на женское воспитаніе въ селеніяхъ: не прочна, ограниченна будетъ грамотность у насъ въ народѣ, пока она не

распространится между матерями. Немало и другихъ важныхъ предметовъ по этой части, о которыхъ надлежало бы потолковать. Но на сей разъ мы ограничимся тѣмъ, что́ уже сказали.

Выше нами изложенное составляетъ кровную нужду настоящаго часа; остальное придетъ впослѣдствіи и постепенно, лишь бы основанія были положены правильно и прочно. Въ заключеніе, мы не можемъ однако не обратиться съ одною неотложною и весьма существенною просьбою, но уже не къ правительству или земству, а къ комитетамъ и обществамъ, заботящимся о народномъ образованіи.

Одно изъ великихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ уѣздными училищными совѣтами, при завѣдываніи школами, заключается въ томъ, что они не знаютъ: какіе буквари, учебники и способы преподаванія, должны быть признаны за лучшіе, и какія книги могутъ быть предложены народу для чтенія? Это затрудненіе много задерживаетъ дѣйствія училищныхъ совѣтовъ, и вредитъ ихъ полезному вліянію на училища и на народное образованіе вообще. Въ этомъ дѣлѣ, комитеты грамотности и общества для распространенія полезныхъ книгъ, могли бы оказать великую услугу нашему отечеству, указаніемъ тѣхъ способовъ преподаванія и тѣхъ книгъ, которыя, въ настоящее время, могутъ быть съ бо́льшею пользою употребляемы въ школахъ, и рекомендуемы народу для чтенія. Знаемъ, что отчасти они это уже дѣлаютъ, но нельзя не сознаться, что они это исполняютъ не съ полною добросовѣстностію и съ поверхностнымъ знаніемъ дѣла: они рекомендуютъ только книги, кото-

рыя сами издаютъ, и методы тѣхъ только учителей, которые состоятъ членами ихъ обществъ. Необходимы, въ этомъ дѣлѣ, и бо́льшее безпристрастіе и прилежнѣйшее изученіе всѣхъ способовъ преподаванія, находящихся у насъ въ ходу. — Знаемъ что упомянутые комитеты и общества занимаются даже составленіемъ учебниковъ, и назначаютъ преміи за лучшія книги въ этомъ родѣ; но это принесетъ пользу *завтра*, а мы нуждаемся знать *сей-часъ*, что́ можно получить для удовлетворенія нуждъ настоящихъ. Такое содѣйствіе училищнымъ совѣтамъ, со стороны комитетовъ и обществъ, было бы весьма полезно для дѣла, которому они желаютъ служить, и вполнѣ соотвѣтствовало бы цѣли ихъ учрежденія.

10 февраля 1869
Москва.

VIII.

О МѢРАХЪ КЪ СОКРАЩЕНІЮ ПЬЯНСТВА ВЪ НАРОДѢ.

Такъ много, въ послѣднее время, было говорено объ этомъ предметѣ, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати, и въ частныхъ бесѣдахъ, что почти совѣстно къ нему возвращаться. А между тѣмъ нельзя не сознаться, что это дѣло далеко вполнѣ не уяснено, и что почти вовсе не выработано мѣръ, которыя бы дѣйствительно вели къ достиженію желаемой цѣли. Мы не имѣемъ въ виду высказать, по этому предмету, что-либо новое, разрѣшающее многотрудную эту задачу; мы намѣрены только разсмотрѣть и оцѣнить, уже предложенное другими, и вывести тѣ заключенія, къ которымъ теперь, по этому дѣлу, можно и должно придти. Мы считаемъ такой трудъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что вопросъ о мѣрахъ къ сокращенію пьянства въ народѣ, долженъ, какъ слышно, вскорѣ поступить на обсужденіе нашего высшаго государственнаго учрежденія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что пьянство у насъ сильно, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо, и что, въ послѣдніе годы, оно значительно увеличилось. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что даже

теперь у насъ выпивается вина менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что въ нѣкоторыхъ областяхъ Имперіи (въ Привислянскихъ губерніяхъ и въ Финляндіи), гдѣ пьянство не значительно, вина выпивается гораздо болѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ нашего государства (*). Слѣдовательно употребленіе крѣпкихъ напитковъ у насъ не чрезмѣрно, даже слабо; а бѣда вся въ томъ, что не умѣютъ пить вино.

Иные винятъ въ увеличеніи пьянства — отмѣну крѣпостнаго права на людей и введеніе питейно-акцизной системы. Другіе—болѣе разсудительные, приписываютъ это зло не самимъ этимъ преобразованіямъ, а обстоятельствамъ, ихъ сопровождавшимъ. Неоспоримо, что освобожденіе крѣпостныхъ людей, въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, породило въ сельскихъ обществахъ неурядицу, которая, въ свою очередь, усилила въ нихъ пьянство. Объ этомъ мы уже говорили въ статьѣ IV нашей книги; такому посредственному

---

*) Въ Привислянскихъ губерніяхъ, при народонаселеніи съ небольшимъ въ пять милліоновъ, выпивалось вина (въ 1864 и 1865 г.), болѣе пяти милліоновъ ведръ оковиты, т. е. въ 78%; слѣдовательно на душу приходится алкоголя по..... 78%

Въ Даніи..... 78%
— Бельгіи..... 60%
— Пруссіи..... 52%
— Швеціи..... 46%

У насъ въ Имперіи, за исключеніемъ Привислянскихъ губерній и Финляндіи, народонаселеніе почти въ 70 милліоновъ, едва выпиваетъ отъ 66 до 67 милліоновъ ведръ вина, т. е. около 38% алкоголя на душу.

источнику пьянства, необходимо противудѣйствовать мѣрами, тамъ нами указанными; слѣдовательно здѣсь объ этомъ нечего говорить. Что же касается до питейно-акцизной системы, введенной въ Россіи съ 1863 года, то и её мы не можемъ признать прямою причиною усиленія пьянства; ибо убѣждены, что откупа были много ловчѣе, и болѣе заинтересованными въ спаиваніи народа, чѣмъ вновь учрежденное акцизное управленіе: въ этомъ особенно насъ убѣждаетъ то, что рвеніе чиновниковъ къ пользамъ казны, никогда не поровняется съ рвеніемъ откупщиковъ къ собственнымъ выгодамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не можемъ однако не признать, что нѣкоторыя, не существенныя для системы, статьи Положенія, и въ особенности способъ ихъ исполненія, дѣйствительно усилили пьянство въ народѣ, и по этому подлежатъ отмѣнѣ или измѣненію. Объ нихъ мы будемъ обстоятельно говорить при разсмотрѣніи различныхъ мѣръ, предлагаемыхъ къ сокращенію пьянства; а потому теперь постараемся указать главную, коренную причину существованія у насъ этого порока.

Мы сказали, что бѣда у насъ въ томъ, что не умѣютъ пить вино. За-границею и въ Привислянскихъ губерніяхъ, пьютъ ежедневно передъ обѣдомъ, и часто передъ ужиномъ. Это дѣлается и дома и въ корчмахъ или шинкахъ. У насъ, по двѣ, по три недѣли ничего, кромѣ воды и кваса, не пьютъ; по пріѣхавши на базаръ, или дождавшись храмоваго праздника, пасхи, масленицы, свадьбы, крестинъ, продажи или покупки чего либо— уже напиваются до упада. Виноваты ли въ томъ вино или кабаки или трактиры?

Нѣтъ! Главная, коренная причина существованія пьянства у насъ въ народѣ, заключается въ недостаточномъ его умственномъ и нравственномъ развитіи, и въ его бѣдности. Пожалуй, пьянствуютъ и образованные, даже ученые люди; пьянствуютъ и люди богатые, которые, вслѣдствіе излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, и становятся иногда бѣдными; но это—исключенія. Не только грамотность и первоначальное образованіе, но и самая высшая наука не содержатъ въ себѣ талисмана къ охраненію насъ отъ порока. Но они имѣютъ то полезное дѣйствіе, что открываютъ намъ новыя источники удовольствій, поднимаютъ насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ, и устремляютъ людей къ заработкамъ, болѣе выгоднымъ и требующимъ трезвой и порядочной жизни. А потому, существеннаго исцѣленія отъ пьянства народъ нашъ достигнетъ только со временемъ, когда образованіе его дойдетъ до извѣстной степени развитія; но какъ этого ожидать нельзя, ибо люди спиваются и бѣднѣютъ все болѣе и болѣе, то и слѣдуетъ принять нѣкоторыя, хотя посредственныя мѣры къ сокращенію усиливающагося зла.

Въ этихъ видахъ предлагается много мѣръ—такъ много, что затруднителенъ только выборъ между ними. Мы перечислимъ главнѣйшія:

1. Ограниченіе числа питейныхъ заведеній.

2. Стѣсненіе условій къ открытію питейныхъ заведеній.

3. Возвышеніе цѣнъ на патенты для мѣстъ раздробительной продажи вина.

4. Требованіе залоговъ отъ виноторговцевъ въ обезпеченіе правильной ихъ торговли.

5. Отмѣна временныхъ выставокъ для продажи вина.

6. Оказаніе покровительства торговлѣ пивомъ.

7. Пересмотръ законоположеній о трактирныхъ заведеніяхъ и постоялыхъ дворахъ, съ цѣлью возвращенія къ настоящему ихъ назначенію, т. е. къ продовольствію, а не къ спаиванію народа.

8. Усиленіе вообще надзора полиціи, волостныхъ и сельскихъ начальствъ, за правильностію винной торговли.

9. Вмѣненіе въ обязанность: а) полиціи—преслѣдовать пьяницъ, на основаніи статьи 42 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; и б) волостнымъ и сельскимъ властямъ—подвергать пьяницъ взысканіямъ, узаконеннымъ за маловажные проступки.

10) Обнародованіе закона о томъ, что нахожденіе въ пьяномъ видѣ, при совершеніи какого либо преступленія или проступка, считается обстоятельствомъ не облегчающимъ, а утяжеляющимъ вину подсудимыхъ.

Остановимся на этихъ десяти мѣрахъ, хотя знаемъ, что мы далеко не истощили этого предмета: къ сокращенію пьянства предлагается почти столько же мѣръ, сколько и къ уврачеванію зубной боли—у всякаго свое лекарство. Думаемъ однако, что эти десять мѣръ суть главнѣйшія изъ предлагаемыхъ; а потому разсмотримъ и оцѣнимъ ихъ по порядку.

Самою существенною, самою коренною и надежною мѣрою къ искорененію или сокращенію пьянства, считается ограниченіе мѣстъ раздробительной торговли виномъ. Предлагается: опредѣлить, по количеству народо-

населенія, наибольшее число питейныхъ заведеній, могущихъ быть открытыми въ каждомъ городѣ и уѣздѣ, если явится болѣе желающихъ содержать кабаки, чѣмъ сколько въ этой мѣстности назначено ихъ имѣть, то или дать соискателямъ жеребій, или оказывать предпочтеніе тѣмъ, которые признаны будутъ болѣе благонадежными. Опредѣленіе количества питейныхъ заведеній въ каждомъ городѣ и уѣздѣ, должно, по предположенію, зависѣть отъ правительства; размѣщеніе этихъ заведеній имѣетъ быть произведено земскими собраніями и думами, по принадлежности; а раздачу этихъ заведеній желающимъ, предполагается поручить управамъ и думамъ, также по принадлежности. Къ этимъ предположеніямъ дѣлаются разныя добавленія: такъ иные желаютъ чтобы были назначены maximum и minimum числа питейныхъ заведеній въ каждой мѣстности, не указывая однако, кѣмъ и какъ будетъ пополненъ послѣдній, въ случаѣ если явится желающихъ содержать кабаки менѣе, чѣмъ сколько установлено ихъ имѣть въ извѣстной мѣстности; другіе, вмѣсто жеребья, въ случаѣ излишка въ соискателяхъ на содержаніе питейныхъ заведеній, предлагаютъ, чтобы оныя сдавались съ торговъ, съ предоставленіемъ выручаемыхъ суммъ въ пользу земства и городовъ, не подозрѣвая, что такимъ образомъ, они возстановляютъ откупа, и даже въ самомъ худшемъ ихъ видѣ; третьи требуютъ, чтобы въ содержатели питейныхъ заведеній, допускались лица не иначе какъ за ручательствомъ, въ уѣздахъ, землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ, а въ городахъ — думъ; и проч.

О другихъ добавленіяхъ, мы не будемъ упоминать, ибо

они еще болѣе странны: ихъ заявленіе уже содержитъ въ себѣ и самое ихъ опроверженіе. Какъ ограниченіе числа кабаковъ подаетъ многимъ самыя живыя надежды къ сокращенію пьянства въ народѣ, то эту мѣру мы обсудимъ съ особенною обстоятельностію.

Ограниченіе числа питейныхъ заведеній, было вполнѣ согласно съ откупными уставами и порядками: монополія лежала въ основѣ этой системы. Но какъ согласить систему свободной торговли, узаконенной Положеніемъ объ акцизномъ сборѣ, съ опредѣленіемъ, гдѣ не должно быть кабака, гдѣ можетъ существовать только одинъ кабакъ, и гдѣ число ихъ можетъ доходить до 10, 20, 50, 100, но ни однимъ не болѣе опредѣленнаго числа? Слѣдовательно, если желательно ограниченіе числа кабаковъ, то надо начать съ отмѣны нынѣ существующей акцизной системы и, вмѣсто ея, предложить какую либо иную. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ, западная Европа не придетъ къ намъ на помощь, ибо тамъ вездѣ существуетъ свободная торговля крѣпкими напитками, и, вслѣдствіе того, нигдѣ нѣтъ ограниченія числа питейныхъ заведеній. Придется или отказаться отъ этой мѣры, или возвратиться къ прежнимъ откупамъ; ибо изобрѣсти систему такую, при которой не было бы ни свободы открывать кабаки, ни откуповъ, сосредоточивающихъ винную торговлю въ однѣхъ исключительныхъ рукахъ,—есть вещь безусловно невозможная.

Но допустимъ, что кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, мы согласили несогласимое, т. е. при удержаніи нынѣ существующей системы, ограничили бы число ка-

баковъ въ каждой мѣстности. За тѣмъ представляется вопросъ: какъ такое рѣшеніе привести въ исполненіе?

Если опредѣлять число кабаковъ по народонаселенію, то мы встрѣчаемъ слѣдующее затрудненіе: назначить ли одну норму для всей Имперіи, или различныя нормы по различнымъ мѣстностямъ?

Въ первомъ случаѣ, если за общую норму будетъ принято, положимъ, тысяча душъ, то тамъ, гдѣ народонаселеніе густо, это число жителей можетъ легко довольствоваться однимъ кабакомъ; но, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской, даже Рязанской и Тамбовской губерній, жителямъ будетъ очень обременительно ѣздить за 10 и болѣе верстъ, чтобы купить одну десятую или четверть вина; въ этихъ мѣстностяхъ, мало однаго кабака и на пять сотъ душъ, ибо тутъ крестьяне живутъ весьма разбросанно. Мы и не говоримъ о губерніяхъ Вологодской, Пермской и Самарской, гдѣ при ограниченіи числа кабаковъ по народонаселенію, до кабака будетъ такъ далеко, что всякая покупка вина будетъ сопряжена съ путешествіями, иногда даже опасными.—Если мы назначимъ разныя нормы, то раздѣленіе Имперіи, въ этомъ отношеніи, на категоріи, будетъ трудомъ весьма значительнымъ, и при томъ едва ли благодарнымъ.

У насъ есть уѣзды, даже губерніи гдѣ, въ извѣстное время года, бываетъ значительное стеченіе народа, а постоянныхъ жителей—очень мало. Есть дороги по пространствамъ, едва обитаемымъ, гдѣ кабаки совершенно необходимы, а между тѣмъ жителей почти нѣтъ. По какимъ данпымъ тутъ назначать число кабаковъ?

Къ тому же какъ наблюсти за тѣмъ, чтобы не завелась питейная продажа тамъ, гдѣ она необходима, и слѣдовательно выгодна? Безпатентные шинки не развиваются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ содержатели патентныхъ питейныхъ домовъ имѣютъ возможность за ними наблюдать, а возможность эта будетъ тѣмъ меньшая, чѣмъ пространнѣе будетъ округъ ихъ торговли. Теперь имѣются безпатентные шинки, но ихъ мало потому, что кабаковъ много, а при уменьшеніи ихъ числа, необходимо увеличится количество первыхъ. И слѣдовательно мы будемъ далеко не въ барышахъ, а въ несомнѣнномъ убыткѣ.

За тѣмъ второй вопросъ: чѣмъ будутъ руководствоваться земства и думы, при назначеніи кабака въ такомъ, а не иномъ мѣстѣ? Думы, подчиненныя губернскимъ правленіямъ, конечно не посмѣютъ отказаться отъ этой обязанности; но едва ли земства ее на себя примутъ, ибо тутъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ не будетъ конца. Въ весьма многихъ случаяхъ, произволу придется рѣшать въ пользу или противъ того или другаго селенія; а такая обязанность весьма щекотлива и совершенно несогласна съ достоинствомъ земства. Думаемъ, что придется не рѣдко губернскому начальству самому исполнять эту обязанность, а оно едва ли исполнитъ ее удовлетворительно.

Допустимъ, что число кабаковъ опредѣлено и мѣста для нихъ назначены; но этимъ еще далеко не устраняются всѣ затрудненія, представляемыя этою системою Кому сдать эти кабаки? Кого удостоить званія кабатчика, и кого объявить недостойнымъ этого званія? Если обра-

титься къ жеребью; то не можетъ ли случиться, что человѣкъ, къ этому ремеслу привыкшій и обладающій достаточнымъ на то капиталомъ, не получитъ, по жеребью, питейнаго дома, не только въ одномъ, но и въ разныхъ мѣстахъ, и долженъ будетъ искать себѣ занятіе и пропитаніе въ иномъ промыслѣ, къ которому онъ вовсе не привыкъ; и на оборотъ, можетъ случиться и то, что человѣкъ, вовсе непривычный къ винной торговлѣ, получитъ по жеребью питейный домъ, и долженъ будетъ оставить прежнее свое ремесло. Едва ли, въ государственно-хозяйственномъ отношеніи, это выгодно. Сверхъ того, если не допускать права передачи кабаковъ отъ одного лица другому—что довольно трудно, то этимъ установится новаго рода кабала; а если допустить передачи, то это разовьетъ едва ли выгодную для государства торговлю: будетъ являться вдвое, втрое, вдесятеро болѣе желающихъ снять кабаки, чѣмъ дѣйствительныхъ кабатчиковъ, и, за вынутіемъ жеребья, пойдетъ между ними настоящая раздача этихъ заведеній.

Если установить, что въ такомъ-то селеніи можетъ существовать только одинъ кабакъ, а въ такомъ-то городѣ только три, пять кабаковъ, то не выйдетъ ли изъ этого страшная монополія? Гдѣ одинъ кабатчикъ, тамъ онъ будетъ торговать какъ захочетъ; а гдѣ ихъ будетъ нѣсколько, то прямая ихъ выгода—стакнуться, и также торговать по своему произволу.

Но развѣ нельзя установить и высшія цѣны на вино и доброту его, и другія правила для винной торговли? Въ такомъ случаѣ, свободной торговли уже не будетъ вовсе, и мы возвратимся прямо къ прежней откупной

системѣ, при которой всѣ эти правила существовали, и ни одно изъ нихъ не исполнялось.

Очевидно, что при нынѣшней системѣ питейно-акцизнаго сбора, нѣтъ возможности ограничить число питейныхъ заведеній. Если требовать послѣдняго, то надо начать съ отмѣны ея, и прямо, откровенно возвратиться къ откупной системѣ, что́—конечно не желательно.

Мысль объ ограниченіи числа кабаковъ находитъ горячихъ защитниковъ, преимущественно, думаемъ, отъ того, что эта мѣра какъ будто просто, такъ сказать, механически, даетъ то, чего желаютъ—уменьшеніе питейныхъ заведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и сокращеніе пьянства; и что не вникли достаточно во всѣ затрудненія, соединенныя съ приведеніемъ въ дѣйствіе этой мѣры. Если бы приняли послѣднія въ надлежащее вниманіе, то легко бы убѣдились, что это, повидимому простое средство—крайне многосложно, и что ограниченіе числа кабаковъ сопряжено съ полнымъ устраненіемъ всякой свободы торговли, съ вызовомъ произвола на рѣшеніе многихъ по сему дѣлу вопросовъ, и съ возвращеніемъ той системы, которая была предметомъ общаго и постояннаго народнаго неудовольствія, даже негодованія, и которой отмѣна составляетъ одно изъ великихъ благодѣяній оказанныхъ народу. Жаль также что не принимаютъ въ соображеніе и того, что за границею и въ Привислянскихъ губерніяхъ, кабаки представляются на каждомъ шагу, а пьянство тамъ весьма слабо; и что у насъ пьянство не ежедневное, вызываемое близостью кабаковъ, а случайное, т. е. являющееся только при извѣстныхъ обстоятельствахъ (на базарахъ, ярмаркахъ,

во время особенныхъ праздниковъ), при которыхъ въ винѣ и кабакахъ никогда не будетъ недостатка. Эти соображенія должны бы нѣсколько умѣрить пылъ людей, желающихъ во чтобы то ни стало уменьшить число кабаковъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ конечной цѣли этихъ благонамѣренныхъ людей; но мы ни какъ не желаемъ достигнуть этого добра, путемъ такихъ мѣръ, которыя превратили бы его въ зло; что однако неминуемо, если сокращеніе числа кабаковъ послѣдуетъ чрезъ посредство административной реглементанціи, при чиновничьемъ надзорѣ, или что еще хуже, при откупной системѣ, въ какомъ бы то ни было видѣ.

А потому, если желательно достиженіе указанной цѣли, то еще болѣе желательно, чтобы оно совершилось посредствомъ не прямыхъ, а косвенныхъ мѣръ, и не путемъ реглементаціи, особенно не удобной въ настоящемъ дѣлѣ, а чрезъ надлежащее развитіе народныхъ силъ и способностей.

Второю мѣрою къ сокращенію пьянства, предлагается стѣсненіе условій къ открытію питейныхъ заведеній. На основаніи существующихъ законовъ, всякій землевладѣлецъ, всякое общество крестьянъ собственниковъ, всякое общество временно обязанныхъ крестьянъ, поселенное на землѣ помѣщика, имѣющаго питейное заведеніе, а въ городахъ всякій обыватель — имѣютъ право открывать и содержать питейное заведеніе. Предполагается установить непремѣннымъ условіемъ къ открытію питейнаго заведенія, согласіе на то всѣхъ живущихъ въ двухъ-или трехверстномъ разстояніи отъ открываемаго кабака; и при томъ такъ, чтобы

согласіе крестьянскихъ обществъ, въ этомъ случаѣ, считалось безусловно необходимымъ; а согласіе землевладѣльца, могло бы быть замѣнено разрѣшеніемъ земской управы, если окажется, что онъ, безъ достаточныхъ причинъ, отказываетъ въ своемъ на то согласіи, и что питейное заведеніе необходимо нужно для крестьянъ, лишенныхъ возможности пріобрѣтать для себя вино ближе 4-хъ или 6 верстъ т. е. двойнаго разстоянія противъ вышеупомянутаго. Эта мѣра не нарушаетъ прямо начала свободной торговли виномъ, ибо не запрещаетъ, нигдѣ и никому, открытіе и содержаніе питейнаго заведенія, но требуетъ только согласія на то обывателей этой мѣстности. Она справедлива, ибо поставляетъ непремѣннымъ къ тому условіемъ желаніе крестьянскихъ обществъ, для которыхъ нуженъ кабакъ, и требуетъ условнаго согласія землевладѣльца, для котораго питейное заведеніе можетъ представлять только выгоды или неудобства. Эта мѣра еще заслуживаетъ одобренія потому, что и крестьяне и землевладѣльцы могутъ съ виноторговцемъ дѣлать условія, по мѣстнымъ потребностямъ, на счетъ того какъ, по какимъ цѣнамъ и въ какое время питейная торговля можетъ производиться.— Конечно при этой мѣрѣ землевладѣльцы и крестьяне могутъ брать съ виноторговцевъ деньги за право производить торговлю; но деньги они берутъ и теперь. Тогда будутъ брать ихъ нѣсколько менѣе, ибо никто не будетъ исключительнымъ обладателемъ права разрѣшать открытіе питейнаго дома. При такомъ порядкѣ, правда, нѣсколько пострадаютъ землевладѣльцы, потому что теперь они получаютъ всего болѣе по этой статьѣ; а крестьяне

обыкновенно берутъ денегъ мало и пользуются угощеніями отъ виноторговцевъ. Но этотъ доходъ землевладѣльцевъ существовалъ прежде только въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. при открытіи штофныхъ лавокъ, и вовсе не можетъ считаться принадлежностью земли: вино нужно не для земли, а для крестьянскихъ обществъ. Эта мѣра не примѣнима къ городамъ, но въ уѣздахъ она можетъ быть весьма полезною.

Третья мѣра заключается въ возвышеніи цѣнъ на патенты для мѣстъ, въ которыхъ производится раздробительная продажа. Возвышеніе цѣнъ на патенты для третьяго разряда мѣстностей, узаконенная въ прошломъ году, была совершенно необходима. Слѣдуетъ ли еще возвысить цѣны на патенты? Это теперь становится сомнительнымъ въ виду другой мѣры, едва ли не болѣе полезной, предлагаемой къ сокращенію числа кабаковъ, и принятіе которой дѣлается почти невозможнымъ при новомъ возвышеніи цѣнъ на патенты—мы разумѣемъ подъ этимъ четвертую нами упомянутую мѣру, т. е. требованіе отъ виноторговцевъ залога въ обезпеченіе правильной ихъ торговли.

Эта мѣра, кажется, совершенно необходима, ибо она вѣрнѣе, можетъ доставить питейной торговлѣ надежныхъ людей, чѣмъ всякія свидѣтельства и удостовѣренія объ ихъ благонадежности, и, сверхъ того, она обезпечиваетъ взысканіе штрафовъ за нарушенія питейнаго устава. Слѣдовало бы размѣръ залоговъ назначить одинакій съ цѣною патентовъ, и постановить, что всякій штрафъ вычитается изъ залога; и что если виноторговецъ, въ теченіи семи дней, не пополнитъ залога; то закрывается

его питейное заведеніе. Противъ установленія залоговъ трудно что́ сказать, и эта мѣра кажется и справедливою и цѣли соотвѣтствующею.

Пятая мѣра состоитъ въ отмѣнѣ временныхъ выставокъ для продажи вина. Эта мѣра особенно нравится жителямъ столицъ. Конечно непріятно, на гуляньяхъ, видѣть около выставокъ людей пьяныхъ или валяющихся или едва движущихся. Но кромѣ гуляній, существуютъ базары и ярмарки, часто внѣ селеній и городовъ, гдѣ нѣтъ ни одного постояннаго питейнаго дома, и гдѣ однако винная торговля необходима.—Можно воспретить временныя выставки на городскихъ гуляньяхъ; но едва ли полезно и возможно отмѣнить эти заведенія на базарахъ и ярмаркахъ, неговорю, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ питейныхъ домовъ, но даже и тамъ, гдѣ таковыя имѣются; ибо столпленіе народа у одного или двухъ кабаковъ, не принесетъ никакой пользы народной нравственности, а напротивъ того, умножитъ неминуемо брани, драки и другія безчинства.

Шестая мѣра относится къ оказанію поощренія торговлѣ пивомъ. Конечно желательно, чтобы потребленіе пива у насъ вообще усилилось; но акцизъ съ пива и теперь весьма незначителенъ, а пивныя лавки пользуются дешевыми патентами. Болѣе, кажется, ничего сдѣлать нельзя; и надо дать этой торговлѣ постепенно и естественно развиваться. Это тѣмъ благоразумнѣе, что и безъ того потребленіе пива въ городахъ усиливается, а въ деревняхъ все болѣе и болѣе варятъ брагъ.

Седьмая мѣра заключается въ пересмотрѣ законоположеній о трактирныхъ заведеніяхъ и постоялыхъ дворахъ,

съ цѣлью возвращенія къ настоящему ихъ назначенію, т. е. къ продовольствію, а не къ спаиванію народа. Трактиры и постоялые дворы, особенно въ городахъ, превратились просто на просто въ кабаки, и они стали заведеніями особенно вредными потому, что въ нихъ болѣе удобствъ для посѣтителей, и что пребываніе въ нихъ не считается дѣломъ предосудительнымъ; а между тѣмъ тутъ народъ болѣе пропиваетъ денегъ и тратитъ времени, чѣмъ въ кабакахъ, и сверхъ того тутъ, на свободѣ, занимаются и устроиваются разныя воровства, грабежи и даже убійства. Подъ видомъ постоялыхъ дворовъ, теперь существуютъ кабаки и около самыхъ церквей и на разныхъ перекресткахъ, хотя, при этихъ постоялыхъ дворахъ, нѣтъ никакого помѣщенія ни для проѣзжающихъ, ни для ихъ лошадей! Пересмотръ Положеній о трактирныхъ заведеніяхъ, отъ 1821 и 1835 годовъ, особенно необходимъ; ибо они уже вовсе не соотвѣтствуютъ потребностямъ настоящаго времени. Желательно, чтобы, при этомъ случаѣ, было обращено особенное вниманіе на устраненіе всего того, что теперь способствуетъ къ превращенію трактировъ и постоялыхъ дворовъ въ кабаки, совершенно вопреки цѣли учрежденія какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Предоставляемъ себѣ, въ иное время, поговорить объ этомъ обстоятельнѣе.

Восьмая мѣра, т. е. усиленіе вообще надзора полиціи, волостныхъ и сельскихъ начальствъ, за правильною торговлею виномъ,—въ настоящее время, едва ли исполнима. Можно издавать какія угодно постановленія, но пока упомянутыя власти останутся при нынѣшнемъ ихъ устройствѣ, не будетъ отъ того никакой пользы.

И существующія узаконенія довольно строги и положительны, но они остаются мертвою буквою. Полиція мало наблюдаетъ за правильностію питейной торговли, потому что ей и безъ того много дѣла, и въ особенности, потому что она не можетъ разсчитывать на чьелибо содѣйствіе, которое явится лишь тогда, когда она будетъ пользоваться общимъ уваженіемъ, и когда всякій гражданинъ сочтетъ своимъ долгомъ помогать ей, въ охраненіи порядка и въ соблюденіи закона. Чтоже касается до волостныхъ и сельскихъ начальствъ, то, при неурядицѣ, нынѣ господствующей въ крестьянскихъ обществахъ, излишнимъ было бы устрожать обязанности первыхъ по наблюденію за правильностію винной торговли: они плохо исполняютъ свои прямыя, неустранимыя обязанности, какъ же разсчитывать на ихъ содѣйствіе по статьѣ, хотя важной, однако лишь посредственно до нихъ касающейся? Къ тому же, не многіе старшины и старосты даже посмѣютъ теперь вмѣшаться въ это дѣло, ибо на сходкахъ первенствуютъ именно самые ревностные посѣтители кабаковъ. А потому, теперь разумнѣе отложить принятіе этой мѣры до инаго, болѣе удобнаго времени. Тоже, и по тѣмъ же причинамъ, мы должны сказать и о девятой выше упомянутой мѣрѣ.

Что касается до послѣдней—десятой мѣры, а именно до того, чтобы нахожденіе въ пьяномъ видѣ, при совершеніи какого либо проступка, считалось обстоятельствомъ не уменьшающимъ, а увеличивающимъ вину обвиняемыхъ, то изданіе закона въ этомъ смыслѣ было бы весьма полезно. Хорошо знаемъ, что за исключеніемъ одного преступленія, ни по какому проступку и ни въ

одной статьѣ закона, не сказано, что нахожденіе въ пьяномъ видѣ, при совершеніи какого либо нарушенія закона, уменьшаетъ вину подсудимыхъ; но знаемъ также изъ опыта, что приводимые къ суду, прежде всего объявляютъ, что они были пьяны и не помнятъ, какъ ими совершенъ такой или иной проступокъ. Часто, сознаваясь въ содѣянномъ преступленіи, обвиненные въ свое оправданіе говорятъ, что они это сдѣлали „въ пьяномъ видѣ“. Даже въ гражданскихъ дѣлахъ, это оправданіе часто предъявляется при отказахъ платить по долговымъ роспискамъ, векселямъ или другимъ обязательствамъ. Необходимо уничтожить въ народѣ мнѣніе, что „нахожденіе въ пьяномъ видѣ“, можетъ служить къ оправданію обвиняемыхъ, и напротивъ того, вселить въ народное сознаніе, что самое такое состояніе есть уже проступокъ и причина, не облегчающая, а утяжеляющая вину нарушителей закона. Такое дѣйствіе можетъ произвести законъ, а потому весьма желательно, чтобы онъ былъ изданъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Изъ всего здѣсь сказаннаго, можно, кажется, вывести слѣдующія заключенія: большая часть предложенныхъ мѣръ—не ведетъ къ желаемой цѣли; только нѣкоторыя изъ нихъ могутъ принести пользу временно, впредь до болѣе вѣрнаго сокращенія пьянства, чрезъ поднятіе уровня народнаго образованія. Въ видахъ уясненія, настоящаго положенія этого дѣла, мы считаемъ нужнымъ здѣсь повторить тѣ немногія мѣры, которыя теперь могли бы быть приняты.

1) Желательно, чтобы открытіе питейныхъ домовъ и водочныхъ магазиновъ съ распивочною продажею вина,

допускалось не иначе, какъ съ согласія крестьянскихъ обществъ и землевладѣльцевъ, живущихъ въ 2-хъ или 3-хъ верстномъ округѣ. При чемъ, согласіе крестьянскихъ обществъ, должно считаться безусловно необходимымъ; а согласіе землевладѣльца можетъ быть замѣняемо разрѣшеніемъ со стороны уѣздной управы, въ случаѣ если она удостовѣрится, что питейное заведеніе для крестьянъ необходимо, т. е. что нѣтъ ни одного питейнаго дома ближе 4-хъ или 6 верстъ отъ открываемаго заведенія.

2) Желательно, чтобы съ виноторговцевъ требовались залоги, въ обезпеченіе правильности ихъ торговли. Размѣръ этихъ залоговъ слѣдовало бы установить одинакій съ цѣнностью выдаемыхъ патентовъ. Штрафы за нарушенія питейнаго устава должны бы вычитаться изъ этихъ залоговъ, съ обязанностію для виноторговцевъ, въ семидневный срокъ, пополнять эти залоги, подъ опасеніемъ закрытія ихъ заведеній.

3) Желательно, чтобы узаконенія о трактирныхъ заведеніяхъ и постоялыхъ дворахъ, были подвергнуты пересмотру, съ цѣлью возвращенія ихъ къ настоящему назначенію, т. е. къ продовольствію, а не къ спаиванію народа.

Наконецъ 4) желательно, чтобы изданъ былъ законъ, признающій нахожденіе въ пьяномъ видѣ, обстоятельствомъ, не облегчающимъ, а утяжеляющимъ вину подсудимыхъ.

Эти мѣры, надлежащимъ образомъ разработанныя и утвержденныя правительствомъ, конечно принесутъ пользу

нашему народу; но не должно забывать, что онѣ не могутъ уврачевать недугъ пьянства, а въ состояніи только отчасти пособить больному; исцѣленіе же его можетъ быть достигнуто только—еще разъ повторимъ—поднятіемъ уровня его образованія.

12-го марта 1869 г.

Москва.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ НАПАДОКЪ

НА ЗЕМСТВО И ЗЕМСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (*).

I.

Въ послѣднее время (въ началѣ 1867 г.), и въ журналистикѣ, и въ обществѣ, земство и земскія учрежденія подвергались разнаго рода нападкамъ. Иные, съ искреннею и глубокою къ нимъ любовью въ душѣ, упрекали земство въ томъ, что оно слишкомъ равнодушно относится къ дѣламъ общественнымъ, небрежно посѣщаетъ собранія и вообще не надлежаще оцѣниваетъ тѣ блага, которыя самоуправленіе должно доставить странѣ; что управы слабо занимаются собираніемъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ и подготовленіемъ докладовъ, и ведутъ свое дѣло болѣе бюрократически, чѣмъ съ рвеніемъ, смысломъ и живымъ знаніемъ мѣстныхъ нуждъ и обстоятельствъ—качествами, которыми необходимо должны отличаться учрежденія и люди земскіе; что собранія тратятъ много времени по пустому, поднимаютъ общіе, непрактическіе вопросы, и недовольно усердно разработываютъ дѣла, прямо къ обязанности земства относящіяся; наконецъ, что управы и собранія вообще мало заботятся о приданіи большей глас-

(*) Эта статья была напечатана въ №№ 48, 49 и 82 С.-Петербургскихъ вѣдомостей 1867 г.

ности своимъ дѣйствіямъ, постановленіямъ и разсужденіямъ; чрезъ что́ онѣ лишаютъ другія земства средствъ пользоваться ихъ опытностію, и ставятъ себя въ невозможность пользоваться опытностью прочихъ земствъ.

Другіе, напротивъ того, негодуя на нынѣшній составъ земства и имѣя въ виду — если не возвращеніе къ положенію дѣлъ до 19 февраля 1861 года, то по-крайней-мѣрѣ образованіе чего-то въ родѣ небывалой у насъ аристократіи съ патримоніальною юридикціей и съ искуственнымъ обособленіемъ отъ народа, упрекаютъ земство въ томъ, что собственность, и въ особенности крупная, въ земскихъ собраніяхъ недостаточно ограждена; что крестьянскій элементъ въ нихъ слишкомъ преобладаетъ; что земли все болѣе и болѣе отягощаются повинностями; что расходы земскіе страшно возрастаютъ, и что образуется въ земствѣ какой-то классъ „политикановъ“, которые дѣйствуютъ противъ охранительныхъ началъ и возбуждаютъ низшіе классы противъ высшихъ. Къ этому присовокупляется еще то, что въ земскихъ собраніяхъ все болѣе и болѣе развивается стремленіе захватить въ свои руки „инціативу законодательную“, и въ 350 собраніяхъ составлять законы для всей имперіи.

Мы не будемъ оправдывать земство, земскія управы и собранія въ упрекахъ, дѣлаемыхъ имъ со стороны искреннихъ ихъ друзей. Думаемъ, что, по этой части, земство и его учрежденія не совсѣмъ правы; но находимъ, что друзья ихъ черезчуръ взыскательны, и что они недостаточно обращаютъ вниманіе ни на новость у насъ земскаго дѣла, ни на обстоятельства, въ которыхъ оно находится въ силу какъ своего устройства, такъ и вообще своей обстановки. Предоставляя себѣ, въ иное время, поговорить объ этомъ подробно, спѣшимъ перейти къ тому, что всякій день, съ бо́льшею настойчивостію, утверждается и въ нѣкоторыхъ сло-

яхъ общества и въ нѣкоторой части журналистики, людьми, стремящимися, подъ видомъ преобразованія земства, достигнуть если не прямаго уничтоженія, то сперва полнаго его изуродованія, и затѣмъ его изчезновенія съ лица земли.

Слушая и читая упреки, дѣлаемые земству людьми послѣдняго разряда, и нами выше изложенные, всякій, живущій во внутренности Россіи и принимающій участвіе въ земскихъ собраніяхъ, невольно спрашиваетъ: да откуда же все это берется? Неужели страсти или личные интересы или страхъ (хотя у него, по пословицѣ, глаза и велики) могутъ до того ослѣплять людей, что небылицы являются имъ въ лицахъ, что бѣлое кажется имъ чернымъ, и наоборотъ?

Собственность и въ особенности крупная будто въ земскихъ собраніяхъ недостаточно ограждена! Желательно было бы знать, изъ чего это выводится? Какія нарушенія права собственности совершены земскими собраніями? До введенія земскихъ учрежденій въ дѣйствіе, теоретики и люди, недостаточно знающіе Россію, еще могли этого опасаться, ибо цифра гласныхъ отъ землевладѣльцевъ закономъ назначена была, почти во всѣхъ уѣздахъ, ниже цифры гласныхъ отъ крестьянъ и горожанъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но теперь, послѣ двухлѣтняго опыта, можно ли добросовѣстно говорить что-либо подобное? Въ какомъ земскомъ собраніи посягнули на собственность вообще и на крупную въ особенности? Сколько намъ извѣстно, ни въ одномъ, ни губернскомъ, ни уѣздномъ собраніи, подобныхъ попытокъ даже не было предпринято. Развѣ, быть можетъ, подъ нарушеніемъ права собственности разумѣется обложеніе помѣщичьей земли налогами наравнѣ съ землею крестьянскою? Въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы по-крайней-мѣрѣ выражаться яснѣе и упрекать земство прямо въ томъ, что оно, вѣрное своему коренному началу, не дѣлаетъ различія между

помѣщичьею и крестьянскою землей, дерзаетъ распространять свою власть на первую, и не сохраняетъ за нею тѣхъ привилегій, которыя прежде освобождали ее отъ всякихъ повинностей.

Говорятъ еще, что крестьянскій элементъ въ земскихъ собраніяхъ слишкомъ преобладаетъ! Спрашивается: гдѣ и какъ это проявилось? Сколько намъ извѣстно, не только въ губернскихъ, но и въ уѣздныхъ собраніяхъ, вездѣ землевладѣльцы не только преобладаютъ, но даже почти исключительно рѣшаютъ всѣ дѣла. Извѣстно, что крестьяне не рѣдко избираютъ помѣщиковъ въ свои гласные; что въ собраніяхъ гласные отъ крестьянъ почти никогда не берутъ на себя инициативу ни по какому дѣлу; что они соглашаются всегда съ тѣми гласными изъ дворянъ, которые въ уѣздѣ пользуются общимъ уваженіемъ; и что крестьяне у насъ всего болѣе за консервативныя начала. Что касается до горожанъ, то они также всего чаще, при подачѣ голосовъ, соединяются съ землевладѣльцами. Даже въ уѣздныхъ собраніяхъ, едвали былъ гдѣ-либо примѣръ, чтобы гласные изъ крестьянъ были всѣ сообща мнѣнія, противнаго мнѣнію землевладѣльцевъ. Почти всѣ дѣла въ нашихъ собраніяхъ рѣшаются единогласно; по большинству же голосовъ заканчиваются только тѣ пренія, въ которыхъ расходятся между собою въ мнѣніяхъ гласные отъ землевладѣльцевъ. Если крестьянъ можно въ чемъ упрекнуть, то развѣ въ томъ, что въ собраніяхъ они до сихъ поръ слишкомъ мало заявляли свое мнѣніе; но уже, конечно, нельзя ихъ обвинять въ преобладаніи въ собраніяхъ. Всего рѣзче и вѣрнѣе доказывается первенствующее положеніе дворянства въ собраніяхъ именно тѣмъ, что, при выборѣ гласныхъ въ губернское собраніе, значительное большинство вездѣ выпадаетъ на долю гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Даже можно почти

сожалѣть, что наши губернскія собранія состоятъ изъ чрезмѣрнаго числа гласныхъ изъ дворянъ; ибо чрезъ это, наши губернскія собранія грозятъ превратиться въ дворянскія собранія, гдѣ часто бывали разные скандалы, и гдѣ вообще много говорили и очень мало дѣлали.

Упрекаютъ земскія собранія въ томъ, что земли все болѣе и болѣе обременяются повинностями. Этотъ фактъ вполнѣ справедливъ, но, къ сожалѣнію, онъ неизбѣженъ. Прежде казна завѣдывала раскладкою повинностей и всѣми дѣлами по мѣстному управленію и по общеполезнымъ учрежденіямъ; а потому казна и выдавала жалованье своимъ чиновникамъ. Теперь мѣстное управленіе передано земству; слѣдовательно, оно и должно нести расходы по этому предмету. Прежде наши уѣздныя и губернскія хозяйства велись съ помощью крѣпостнаго права; теперь нѣтъ возможности долѣе пользоваться его средствами, и необходимо ихъ замѣнить способами, неразлучными съ тратою денегъ. Если мы разложимъ повинности уравнительно, если наши дороги и мосты будутъ удобопроѣзжи, если мы установимъ порядокъ по охраненію нашихъ полей и лѣсовъ, если мы устроимъ сельскую почту, если наши мировые судьи доставятъ намъ судъ правый и скорый, то, конечно, мы будемъ не въ убыткѣ при обложеніи нашихъ зѣмель нѣсколькими копѣйками болѣе. Кто хочетъ пользоваться выгодами самоуправленія, тотъ долженъ нести и тяжести, съ нимъ соединенныя. Знаемъ, что при обвиненіи въ увеличеніи расходовъ имѣется въ виду особенно то, что откровенно не высказывается. Всего прискорбнѣе для нѣкоторыхъ, что многія земства рѣшили натуральныя повинности перевести на денежныя и ими обложить какъ крестьянскія, такъ и прочихъ владѣльцевъ земли. Но развѣ возможно земству придти къ иному результату? Можно тутъ ранѣе, тамъ позднѣе исполнить эту обя-

занность; но она неустранима. Развѣ для однихъ крестьянъ служатъ дороги и мосты, и по нимъ развѣ не ѣздятъ и помѣщики, и купцы, и мѣщане, и не провозятъ своихъ продуктовъ и товаровъ? Развѣ полиція и другіе чиновники ѣздятъ на обывательскихъ лошадяхъ по дѣламъ только крестьянъ, а не лицъ всѣхъ сословій? Возможно ли долѣе удерживать прежнія привилегіи въ пользу однихъ и въ отягощеніе другихъ? Земство не было бы достойно своего имени, оно перестало бы быть русскимъ и ввело бы въ среду себя рознь и исключительность, еслибъ оно, при первой возможности, не воспользовалось правомъ уравнительно разложить повинности дорожную и подводную на всѣ состоянія, участвующія въ самоуправленіи. Къ чести русскихъ дворянъ должно сказать, что, почти во всѣхъ уѣздныхъ собраніяхъ, инициатива по этому переложенію натуральныхъ повинностей на денежныя и по уравнительному обложенію ими всѣхъ земель и имуществъ, исходила отъ гласныхъ изъ землевладѣльческаго сословія. Конечно, мы не будемъ защищать расходовъ, утвержденныхъ нѣкоторыми земскими собраніями, на чрезмѣрныя жалованья предсѣдателямъ и членамъ управъ и на разные другіе расходы; но относительно этого не можемъ не сказать, что въ эту ошибку впали только нѣкоторыя собранія; большинство же изъ нихъ назначило служащимъ по земству жалованье приличное и вовсе не излишнее (по 1,200 р. предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ и по 800 р. членамъ оныхъ, а предсѣдателямъ губернскихъ управъ по 2,000 руб. и членамъ по 1,200 и по 1,500 руб.). Не можемъ къ этому не присовокупить, что если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и были утверждены собраніями чрезмѣрныя жалованья, то въ этомъ виноватъ, конечно, не крестьянскій элементъ, который по части расходовъ всегда былъ и есть на сторонѣ строгой бережливости.

Что касается до класса „политикановъ“, будто возникающаго въ земскихъ собраніяхъ, то на это мы должны сказать, что трудно опровергать то, что плохо понимается. Ни мы, ни тѣ гласные, съ которыми намъ случилось объ этомъ говорить, не видали между гласными изъ крестьянъ или горожанъ людей, которыхъ можно было признать тѣмъ, что должно разумѣть подъ словомъ: „политиканы“. Если между землевладѣльцами могутъ быть лица, увлеченныя иноземными теоріями, противными охранительнымъ началамъ, то въ этомъ виновато не мнимое преобладаніе крестьянскаго элемента въ земскихъ собраніяхъ, и не Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а состояніе нашего образованнаго общества и малоопытность общественныхъ дѣятелей изъ нашего сословія. Не думаю, чтобы введеніе крупныхъ землевладѣльцевъ въ число гласныхъ, не по выбору, а по цензу, какъ нѣкоторые предлагаютъ, о чемъ мы будемъ говорить послѣ, и чтобы другія преобразованія въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ послужили въ уничтоженію „политикановъ“ или даже къ сокращенію ихъ числа, ибо, если они имѣются, то выходятъ изъ нашего сословія и всего болѣе изъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ подойти подъ цензъ. Слѣдовательно, бѣда малой консервативности въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, если эта бѣда дѣйствительна, имѣетъ источникомъ составъ и положеніе именно того сословія, въ пользу котораго наши теоретики и вскормленные на иноземныхъ доктринахъ аристократы желаютъ произвести преобразованіе земскаго устройства. Неужели лица, предлагающія этого рода измѣненія, хотятъ лѣчить болѣзнь гомеопатически — т. е. усиленіемъ ея, имѣютъ въ виду ее уничтожить?

Наконецъ, обвиняютъ земскія собранія въ томъ, будто они стремятся захватить въ свои руки „инціативу законодательную“ и въ 350 собраніяхъ составлять законы для всей Рос-

сіи. Возводящіе на земство это обвиненіе обращаютъ на него особенное вниманіе и придаютъ этому обвиненію чрезвычайную важность. Все это было бы смѣшно, еслибъ оно не было возмутительно. Всякій, участвующій въ дѣлахъ земства или внимательно за ними слѣдящій, знаетъ что бо́льшая часть предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій земства, принадлежитъ не исключительно извѣстной мѣстности, но всѣмъ, или почти всѣмъ уѣздамъ или губерніямъ имперіи. Неужели они обязаны воздерживаться отъ всякихъ постановленій, которыя болѣе или менѣе могутъ касаться и до другихъ мѣстностей? Но, въ этомъ случаѣ, не окажутся ли земства уже дѣйствительно виновными въ непользованіи правами, закономъ имъ предоставленными? Знаемъ, какія постановленія земствъ особенно непріятны извѣстной части нашего общества и журналистики, и вызываютъ всего болѣе негодованіе ея противъ земствъ. Дѣло тутъ идетъ опять о переложеніи натуральныхъ повинностей на денежныя, и объ обложеніи ими всѣхъ земель безъ исключенія (разумѣется, за немногими исключеніями, указанными въ приложеніи къ ст. 55 устава о земскихъ повинностяхъ). Но развѣ Положеніемъ не предоставлено уѣзднымъ собраніямъ право перелагать натуральныя повинности на денежныя? Или развѣ въ предоставленіи земству этого права и погрѣшило Положеніе, и потому должно быть по этой статьѣ исправлено? На первый вопросъ законъ отвѣчаетъ совершенно положительно; на второй—есть люди, которые не затруднятся отвѣтить: да, законъ ошибся и долженъ быть безотлагательно исправленъ. О сущности самаго вопроса мы поговоримъ послѣ, нельзя же ставить въ вину земству, что оно пользуется правомъ, положительно ему предоставленнымъ, а еще менѣе взводить подобное обвиненіе въ видѣ какого-то посягательства на верховныя права правительства. Конечно, при существованіи 350 уѣздныхъ

и губернскихъ собраній, логическою и практическою необходимостью является соглашеніе въ дѣйствіяхъ по вопросамъ общимъ для всѣхъ мѣстностей имперіи — въ видѣ ли центральнаго земскаго собранія, или инаго общаго совѣщательнаго учрежденія; но въ этомъ виновато не земство, а сущность самаго дѣла. Еслибы, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, дѣлались предложенія и утверждались ходатайства о предметахъ, выходящихъ изъ круга дѣятельности, земству очерченнаго, то правительство могло бы или закрывать такія собранія, или оставлять такія ходатайства безъ послѣдствій; но едвали добросовѣстно утверждать вообще, что мѣстныя пользы и нужды служатъ въ земскихъ собраніяхъ гораздо болѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью предложеній; что обнаруживается, въ 350 собраніяхъ, стремленіе вырабатывать проекты для всей Россіи; и что всѣ предложенія, всѣ рѣчи, всѣ отчеты обращаются гораздо болѣе ко всей Россіи, чѣмъ къ своему уѣзду или губерніи. (Замѣчательно, что одни упрекаютъ земство какъ-будто въ утайкѣ своихъ дѣлъ и рѣчей, а другіе, напротивъ того, ставятъ имъ въ вину какъ-будто установленіе каѳедръ на всю Россію). Въ подобныхъ словахъ видна не любовь, не уваженіе къ земскимъ учрежденіямъ, хотя всѣ безъ исключенія на такія чувства претендуютъ, а совершенно противное, и—что̀ еще хуже—желаніе возбудить подозрѣнія въ правительствѣ и даже его запугивать. Конечно, эти желанія не могутъ исполниться; но грустно видѣть, что, на русской почвѣ, они могутъ даже возникать.

Разсмотрѣнные нами упреки дѣлаются не спроста, не безцѣльно: они служатъ только введеніемъ къ заявленію требованій о будтобы необходимыхъ измѣненіяхъ въ Положеніи о земскомъ устройствѣ. Заявленія эти, въ послѣднее время, усиленно повторяются и поступаютъ какъ-будто съ разныхъ концовъ Россіи; пожалуй, людьми, живущими въ столицахъ

и не принимающими прямаго участія въ дѣлахъ земскихъ, эти заявленія сочтутся за чистыя деньги. Поэтому считаемъ нужнымъ разсмотрѣть и оцѣнить ихъ по настоящему ихъ достоинству.

II.

Существеннѣйшія измѣненія въ нынѣ дѣйствующемъ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, требуемыя нѣсколькими людьми и однимъ или двумя органами журналистики, заключаются главнѣйше въ нижеслѣдующемъ:

1) Чтобы крупные землевладѣльцы участвовали въ собраніяхъ не по выбору, а по цензу.

2) Чтобы постановленія, относящіяся до общихъ, а не исключительно мѣстныхъ предметовъ, и въ особенности до обложенія имуществъ повинностями, утверждались центральною властью.

3) Чтобы власть администраціи по земскимъ дѣламъ была усилена, безъ чего столкновенія между нею и земскими учрежденіями должны все болѣе и болѣе умножаться, и взаимное ихъ другъ къ другу раздраженіе—увеличиваться.

4) Чтобы кругъ дѣйствія *почетныхъ* мировыхъ судей былъ разширенъ; чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ свой участокъ и въ немъ исполнялъ всѣ обязанности, лежащія на участковыхъ мировыхъ судьяхъ: чтобы всѣ лица, владѣющія имѣніемъ извѣстнаго ценза и удовлетворяющія условіямъ закономъ установленнымъ, имѣли право быть мировыми судьями не по выбору, а de jure.

Наконецъ, 5) чтобы совѣщанія въ земскихъ собраніяхъ происходили не въ присутствіи посторонникъ слушателей, или по-крайней-мѣрѣ при весьма ограниченномъ ихъ числѣ.

Разсмотримъ эти предложенія одно за другимъ.

Мысль о пріобщеніи къ представителямъ земства крупныхъ землевладѣльцевъ не по выбору, а по цензу, давно была заявлена и въ обществѣ, и въ печати. Вначалѣ, т. е. до обнародованія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, эта мысль еще имѣла, въ свою пользу, нѣкоторые доводы. Основываясь на теоріи и опытѣ запада, иные боялись, что крупные землевладѣльцы будутъ совершенно затерты въ земскихъ собраніяхъ, и что отъ того ихъ достояніе не будетъ достаточно ограждено. Двухлѣтній опытъ, къ чести и счастью Россіи, доказалъ, что эти опасенія неосновательны: всѣ крупные землевладѣльцы, живущіе въ уѣздѣ или пріѣзжающіе туда на нѣсколько продолжительное время, выбраны не только въ уѣздные, но и въ губернскіе гласные. Сверхъ того, нигдѣ, сколько намъ извѣстно, собственность вообще и крупная въ особенности, не была подвергнута земскими собраніями какимъ-либо излишнимъ отягощеніямъ. Слѣдовательно, теперь нѣтъ никакихъ причинъ къ тому, чтобы изъ общаго правила о выборномъ началѣ по земскимъ учрежденіямъ, дѣлать какія-либо исключенія, и, въ законѣ недавно изданномъ, производить коренныя измѣненія. Самое естественное, самое раціональное, изъ существа земства истекающее, начало для образованія его собраній есть, конечно, начало выборное. Оно нашимъ закономъ и утверждено. Для опредѣленія числа гласныхъ, принято въ соображеніе количество недвижимыхъ имуществъ, владѣемыхъ каждымъ состояніемъ, и каждое состояніе, по суммѣ своего владѣнія, принимаетъ участіе въ назначеніи гласныхъ. Такая система и консервативна и разумна, и не лишена справедливости. Отступленія отъ такой системы могли бы быть допущены въ томъ только случаѣ, еслибы на дѣлѣ оказалось, что какое-либо меньшинство испытываетъ на себѣ постоянный гнетъ большинства. У насъ этого, окажется, нигдѣ не было. Къ чему же дѣлать измѣ-

ненія, и тѣмъ вызывать то, чего нѣтъ, вѣроятно никогда не будетъ, и что̀ можетъ быть порождено именно такою предупредительною мѣрою. Земледѣльцы, какъ таковые, у насъ вовсе не возбуждаютъ противъ себя ни ненависти, ни зависти со стороны прочихъ состояній. Богатство, чины, умъ и образованіе, при доброй совѣсти и простотѣ обхожденія, у насъ привлекаютъ къ себѣ людей, и вовсе не становятъ ихъ въ уединенное положеніе. Землевладѣльцы вообще и крупные въ особенности, имѣютъ въ нашихъ собраніяхъ рѣшительное преобладаніе. Къ чему же измѣнять существующій порядокъ вещей? Если даже, въ пространной нашей имперіи, имѣются въ виду какіе-либо исключительные случаи, то это еще не представляетъ достаточной причины къ измѣненію для всей Россіи того, что̀ оказывается неудобнымъ въ какомъ-либо ея уголкѣ. Весьма было бы любопытно узнать эти исключительные случаи, т. е. положить палецъ въ эти раны; вѣроятно, оказалось бы, что и эти случаи выходятъ не изъ существа дѣла, а изъ особенныхъ какихъ либо обстоятельствъ и причинъ. Не имѣемъ положительныхъ данныхъ насчетъ того, какъ объ этомъ думаютъ на Руси вообще, но, сколько намъ извѣстно, подобное измѣненіе въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ не было бы, во внутренности имперіи, встрѣчено съ радостію. Въ одной изъ внутреннихъ губерній (въ Рязанской) вопросъ о допущеніи крупныхъ землевладѣльцевъ въ число гласныхъ не по выбору, а по цензу, былъ возбужденъ однимъ уѣзднымъ собраніемъ и переданъ на разсмотрѣніе губернскаго собранія, которое рѣшило сообщить это предложеніе на предварительное обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ собраній. Изъ 11 уѣздовъ, три одобрили это предложеніе; но 8 высказали мнѣніе противное. Когда же этотъ вопросъ, съ мнѣніями уѣздныхъ собраній, былъ прочтенъ въ губернскомъ собраніи, гдѣ значительное большинство глас-

ныхъ было изъ землевладѣльцевъ, то единогласно было постановлено отклонить это предложеніе.

Конечно, неудобно, что постановленія, относящіяся до предметовъ общихъ всѣмъ губерніямъ или всѣмъ уѣздамъ одной губерніи, утверждаются отдѣльно въ каждой губерніи или въ каждомъ уѣздѣ; конечно желательно было бы видѣть бо́льшее единообразіе въ постановленіяхъ этого рода; но, при настоящемъ положеніи дѣлъ, трудно этого достигнуть, безъ уничтоженія самыхъ земскихъ учрежденій. Извѣстно, что эти предметы составляютъ почти всю суть дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію земства. Если еще болѣе ограничить кругъ дѣйствія собраній, то они, и теперь незначительныя по степени предоставленной имъ власти, совершенно упадутъ, и едва будутъ посѣщаться; и въ этомъ случаѣ придется возвратиться къ тому, что̀ вызвало образованіе земскихъ учрежденій, т. е. къ производству и рѣшенію дѣлъ способами одной администраціи, которой малоспособность по этой части всѣмъ извѣстна. Если, въ предупрежденіе вышеупомянутаго неудобства, установить такой порядокъ, чтобы уѣздныя и губернскія собранія высказывали только свои мнѣнія, и тѣмъ доставляли губернской и центральной всѣ нужныя свѣдѣнія и соображенія, а чтобы рѣшенія зависѣли отъ усмотрѣнія этихъ властей, то такой порядокъ едвали принесетъ много пользы для надлежащаго хода дѣлъ. Извѣстно, съ какою безцеремонностью бюрократія обходится съ доставляемыми ей свѣдѣніями и мнѣніями; извѣстно также, что для пользованія первыми и оцѣнки послѣднихъ, необходимы практическій смыслъ и знаніе дѣла— не бумажное, а настоящее; а потому такой порядокъ производства дѣлъ былъ бы, въ новомъ видѣ, тѣмъ же бюрократическимъ самоуправствомъ. Кто не знаетъ, какая огромная разница между канцелярскимъ сопоставленіемъ свѣдѣній и

мнѣній, и между живымъ знаніемъ первыхъ и словесною передачею послѣднихъ? Этимъ послѣднимъ способомъ сообщается весьма много такого, что̀ письменно не передается, ибо̀ предполагается извѣстнымъ, и чего незнаніе лишаетъ именно законъ и полноты, и удобопримѣнимости. Общія идеи и крупные факты извѣстны почти всѣмъ какъ въ Петербургѣ, такъ и во внутренности имперіи; но правительству рѣдко приходится разрѣшать основные вопросы, а ежедневно имъ устанавливаются мелкія житейскія правила, и тутъ дѣйствительное знаніе дѣла особенно важно. Этого-то знанія бюрократія не имѣетъ и неспособна имѣть; а потому ей передать окончательное рѣшеніе дѣлъ, значитъ отказаться отъ всѣхъ выгодъ мѣстнаго самоуправленія, и подвергнуть теченіе дѣлъ извѣстнымъ неудобствамъ производства ихъ способомъ бюрократическимъ. Конечно, есть средство, при сохраненіи мѣстнаго самоуправленія, водворить бо̀льшее единство въ его постановленія и распоряженія. Это средство состояло бы въ томъ, чтобы окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ общихъ всѣмъ уѣздамъ сосредоточить въ губернскомъ собраніи, а для вершенія дѣлъ общихъ всѣмъ губерніямъ изыскать какой-либо способъ совмѣстнаго совѣщанія всего земства. Какъ изысканіе такого способа вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія высшаго правительства, то на этомъ мы останавливаться не будемъ, а выскажемъ только глубокое наше убѣжденіе, что, до введенія подобнаго порядка, всего удобнѣе оставаться при томъ, что̀ нынѣ существуетъ, и отнюдь неумѣстными измѣненіями не приводить дѣло въ разстройство.

Нѣкоторые считаютъ необходимымъ, въ избѣжаніе столкновеній между земскими учрежденіями и администраціею, усилить власть послѣдней. Но неужели власть администраціи теперь слишкомъ ограничена, а власть земскихъ учрежденій слишкомъ широка? Едвали это такъ. Дѣятельность земскихъ

учрежденій заключена въ предѣлахъ, кажется, весьма тѣсныхъ; она сосредоточена на дѣла чисто общественно-хозяйственныя. На это разумная часть земства и не жалуется: лучше вначалѣ предоставить ему область даже тѣсную, но въ ней обезпечить ему нѣкоторую самостоятельность, чѣмъ указать ему кругъ дѣйствія даже обширный и держать его на короткихъ помочахъ. Неужель, и по общественно-хозяйственнымъ дѣламъ, земство менѣе знаетъ, чѣмъ бюрократія, менѣе ея дорожитъ интересами жителей, и должно на каждомъ шагу быть опекаемо администраціею? Неужели и тутъ оно не должно ничего дѣлать, не испросивъ отъ нея разрѣшеній или утвержденій? Или земство вовсе не должно существовать, или необходимо ему предоставить нѣкоторую самобытность; безъ нея земство немыслимо. Не должно забывать, что изъ всѣхъ великихъ преобразованій, совершенныхъ въ нынѣшнее царствованіе, ни одно не было встрѣчено съ мѣньшимъ восторгомъ, чѣмъ дарованіе земскихъ учрежденій, хотя именно оно-то и должно было бы возбудить всего болѣе ликованій. Отчего это произошло? Отгого-что кругъ дѣйствій, предназначенныхъ для земства, былъ весьма тѣсенъ и заключенъ въ сферѣ чисто-хозяйственной. Сперва многіе думали даже уклониться отъ участія въ земскихъ собраніяхъ; но здравый смыслъ русскаго человѣка взялъ верхъ, и всѣ состоянія собрались на общія совѣщанія. Къ сожалѣнію, между земствомъ и администраціей, не замедлили обнаружиться столкновенія. Изъ чего они возникли? Изъ того ли, что земскія учрежденія пошли за предѣлы указаннаго имъ округа дѣйствій? Или оттого, что администрація не хотѣла уступить земству и то, что̀ закономъ было ему предоставлено? Были, можетъ быть, случаи, что земскія учрежденія заявляли требованія незаконныя; но, кажется, въ большинствѣ случаевъ, законъ былъ на сторонѣ земства, а адми-

нистрація не хотѣла выпустить изъ своихъ рукъ то, чѣмъ она доселѣ распоряжалась произвольно и почти безконтрольно. Если безпристрастно разсмотрѣть жалобы земствъ на администрацію, и жалобы послѣдней на первыя, то едвали отвѣтственность за столкновенія останется на земствѣ. Къ сожалѣнію, не всѣ губернаторы помогали земству вступить въ права, ему предоставленныя, и не всѣ они удерживали подчиненныя имъ мѣста и лица отъ столкновеній съ новыми учрежденіями. При установленіи всякаго новаго, даже административнаго вѣдомства, столкновенія неизбѣжны: старыя учрежденія стараются удержать власть въ своихъ рукахъ, а новыя считаютъ долгомъ войти въ кругъ дѣйствія, имъ указанный. На нашей памяти столкновенія, бывшія между полиціею и новымъ акцизнымъ управленіемъ. Но тогда были пререканія между двумя административными вѣдомствами; нынѣ же пререканія идутъ между властью административною, сильною, въ бюрократическихъ пріемахъ искушенною, и между властью только-что возникающаго земства. Какъ легко противъ него дѣйствовать, представлять его посягающимъ на права правительства, и оправдывать свои поступки необходимостью охранять силу и значеніе власти! Государю Императору благоугодно было вызвать къ жизни земство и даровать ему самоуправленіе въ извѣстныхъ границахъ. Эти границы должны быть строго соблюдаемы со стороны какъ земства, такъ и администраціи. Если бы послѣдняя рѣшилась твердо и искренно стать на эту почву, то столкновенія были бы невозможны, ибо власть въ ея рукахъ; и земство могло бы только входить съ жалобами къ высшимъ административнымъ властямъ, которыя, конечно, устранили бы неумѣстныя его требованія, и тѣмъ отучили бы его отъ пустыхъ жалобъ. Самое важное, самое серьозное столкновеніе, между административною властью и земствомъ, возникло вслѣдствіе обна-

родованія Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 21-го ноября 1866 года. Этотъ законъ былъ полученъ въ губерніяхъ въ самыхъ послѣднихъ дняхъ ноября, и относился къ смѣтамъ и раскладкамъ, утвержденнымъ уѣздными собраніями еще въ прошедшемъ сентябрѣ. Губернскія собранія, на основаніи Положенія, не имѣютъ права передѣлывать уѣздныя смѣты и раскладки; а потому всѣ собранія постановлены были упомянутымъ закономъ въ крайне-затруднительное положеніе. Нѣкоторыя губерніи, имѣя въ виду, что экстренныя уѣздныя собранія, для передѣлки смѣтъ и раскладокъ, могутъ быть собраны только въ январѣ; губернскія же экстренныя собранія не прежде февраля, а что деньги на расходы необходимы съ начала года, рѣшились, въ виду этой крайности, передѣлать смѣты и раскладки, и представить ихъ губернаторамъ. Другія губерніи просили о дозволеніи собрать экстренныя губернскія и уѣздныя собранія для законнаго составленія уѣздныхъ и губернскихъ смѣтъ и раскладокъ. Наконецъ, третьи ходатайствовали о томъ, чтобы уѣздныя и губернскія смѣты и раскладки, составленныя до изданія указа 21-го ноября 1866 года, удержаны были въ своей силѣ, и чтобы новый законъ примѣненъ былъ только къ будущимъ раскладкамъ. При этомъ, нѣкоторыя собранія, чувствуя, что они стоятъ на почвѣ законности, въ силу которой постановленія обратнаго дѣйствія не имѣютъ, нѣсколько увлеклись въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Нимало не оправдывая эти собранія, нельзя, однако, не сознаться, что первоначальная вина лежитъ не на земствѣ. Расширеніе власти администраціи по дѣламъ земства не устранитъ столкновеній и не уменьшитъ раздраженія между этими двумя властями, напротивъ, оно умножитъ и усилитъ столкновенія и раздраженія, или—что также весьма возможно и, конечно, весьма нежелательно—совершенно уронитъ зем-

скія учрежденія; гласные не будутъ ѣздить въ собранія, порядочные люди не пойдутъ на службу по управамъ, и казнѣ придется опять всѣмъ завѣдывать. Если это кѣмъ-либо имѣется въ виду, то такого результата достигнуть не трудно. Но высшее правительство, даровавшее земское устройство, конечно, не имѣетъ такой цѣли, оно дорожитъ имъ и имѣетъ въ виду его преуспѣяніе; а потому единовозможное средство къ устраненію столкновеній и недоразумѣній заключается въ томъ, чтобы самому правительству неуклонно стоять на почвѣ законности, на ней держать земство, и теперь не дѣлать въ Положеніи никакихъ измѣненій.

Судебная реформа входитъ у насъ въ дѣйствіе удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствуютъ мировыя учрежденія и въ городахъ, и въ уѣздахъ. Народъ изъявляетъ къ этому суду полное сочувствіе и остается весьма довольнымъ тѣмъ, что дѣла производятся быстро, не на бумагѣ, а изустно, не съ канцелярскою таинственностію, а открыто при всѣхъ. Слѣдуетъ ли, возможно ли теперь, при самомъ установленіи мироваго института, дѣлать уже въ немъ измѣненія? Конечно, было бы желательнымъ, чтобы всѣ мировые судьи служили безвозмездно; чтобы не было разницы между почетными и участковыми судьями, и чтобы всѣ имѣли свои обязательные участки. Но возможно ли это? Развѣ неизвѣстно, что участковые мировые судьи, съ утра и до ночи, заняты отправленіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей? Возможно ли такую службу навязать на всѣхъ мировыхъ судей? Не сократится ли чрезъ то до крайности число почетныхъ мировыхъ судей, и мы лишимся возможности имѣть, изъ ихъ среды, предсѣдателей съѣздовъ и людей, окончательно рѣшающихъ по жалобамъ на участковыхъ мировыхъ судей? Развѣ у насъ въ уѣздахъ, да и въ городахъ, такъ много людей съ достаточнымъ состояніемъ, что мы мо-

жемъ быть увѣренными, что всѣ мѣста мировыхъ судей будутъ ими замѣщены? Надо совершенно не знать Россіи, чтобы утверждать что-либо подобное. Участковые мировые судьи, во внутренности имперіи, получаютъ, по бо́льшей части по полторы тысячи рублей на содержаніе своего письмоводителя, двухъ разсыльныхъ, на канцелярскіе расходы, на разъѣзды, на квартиру и пр. Спрашивается: много ли изъ этихъ денегъ остается мировымъ судьямъ въ счетъ жалованья? Нельзя и думать, чтобы одно это жалованье заставляло ихъ служить и дорожить этимъ мѣстомъ. Требовать же, чтобы эти люди не только безвозмездно посвящали свое время службѣ общественной, но еще, изъ своихъ средствъ, покрывали расходы, неизбѣжные при этой службѣ — значитъ требовать невозможнаго, подкапываться подъ этотъ институтъ и стремиться къ возвращенію прежняго порядка вещей. И при нынѣшнемъ устройствѣ, мѣста участковыхъ мировыхъ судей едва замѣщаются, а потому сокращать кругъ людей, изъ которыхъ могутъ выходить мировые судьи, было бы нововведеніемъ крайне вреднымъ; возложеніе же обязанностей участковыхъ мировыхъ судей на почетныхъ, было бы именно такимъ сокращеніемъ. Послѣдніе, или занятые своими личными, часто значительными дѣлами, или привыкшіе жить въ столицахъ, или по болѣзни, по лѣтамъ и другимъ причинамъ находящіеся въ невозможности свое время посвящать постоянному отправленію суда, вышли бы изъ почетныхъ мировыхъ судей, и вмѣсто того, чтобы имѣть мировыхъ судей, безвозмездно отправляющихъ свою службу, мы лишились бы вовсе безвозмездной службы по мировымъ учрежденіямъ, и должны были бы назначать чиновниковъ, которымъ пришлось бы дать уже не малое, а довольно значительное жалованье.

Что касается до того, чтобы земскія собранія поставить внѣ условій гласности, то такое измѣненіе въ ихъ устрой-

ствѣ едвали мыслимо. Гласные суть повѣренные земства; одна гласность даетъ ему возможность ихъ контролировать; безъ гласности ни земство не можетъ давать уполномочія своимъ членамъ, ни члены не въ состояніи принимать отъ земства уполномочія, подвергаясь опасности быть осужденными общественнымъ мнѣніемъ за то, чего они не сдѣлали или даже за то, противъ чего они протестовали. Воспрещеніе постороннимъ лицамъ входить въ собранія, или собраніямъ и управамъ печатать свои журналы и отчеты, уронило бы эти учрежденія въ общественномъ мнѣніи такъ, что никто не захотѣлъ бы быть гласнымъ. И безъ того, наши земскія собранія посѣщаются, и членами, и посторонними лицами, крайне слабо. Не должно судить наши внутреннія губерніи по Петербургу: здѣсь число посѣтителей считалось сотнями, а у насъ оно не обозначалось и десятками. Воспрещеніе же впуска посторонних ъ лицъ подѣйствовало бы гибельно на земское дѣло. Даже ограниченіе числа посѣтителей, не обусловленное вмѣстимостью пространства, для нихъ предназначеннаго, было бы великою ошибкой; оно выказало бы какіе-то неумѣстные, пустые страхи, и придало бы этому обстоятельству бо́льшую ва́жность, чѣмъ какую оно имѣетъ. Развѣ предсѣдатели собраній не имѣютъ права, въ случаѣ нарушенія посторонними лицами тишины и порядка, требовать, чтобы всѣ посѣтители или виновные изъ нихъ удалены были изъ залы? Развѣ правительство не въ правѣ подвергать предсѣдательствующаго въ собраніяхъ отвѣтственности за неисполненіе имъ обязанностей по охраненію въ собраніяхъ должнаго благочинія? И въ этомъ отношеніи всего лучше остаться при томъ порядкѣ, какой существуетъ, не предпринимая улучшеній, которыя легко могутъ превратиться въ опасныя ухудшенія.

Изъ вышеизложеннаго какія заключенія можемъ мы вывести? Кажется, мы должны положительно сказать:

1) Что упреки, дѣлаемые земству и земскимъ учрежденіямъ, со стороны людей требующихъ ихъ преобразованія— неосновательны.

2) Что измѣненія, предлагаемыя въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, не улучшили бы, а ухудшили бы его, и подвергли бы опасности самое существованіе земства и его установленій.

Наконецъ 3) что всего согласнѣе съ требованіями государственной мудрости и съ желаніями земства—оставаться, до поры до времени, при существующемъ порядкѣ вещей, и безъ необходимости, безъ достаточныхъ причинъ, не предпринимать перемѣнъ съ цѣлью усилить вліяніе администраціи, и безъ-того преобладающее, и ослабить дѣйствіе земства, только-что возникающаго.

Конечно, вначалѣ, т. е. при составленіи Положенія, многое могло бы быть устроено иначе или даже лучше; но законъ изданъ; къ нему начинаютъ привыкать; онъ не оказалъ явно дурныхъ дѣйствій—а потому и нѣтъ достаточныхъ причинъ къ его измѣненію. Устойчивость въ законодательствѣ полезна и благодѣтельна вездѣ; но она особенно необходима у насъ, только вступающихъ на почву законности. Мы должны въ себѣ воспитать чувство законности, пріучить людей къ уваженію ея, и всячески чуждаться врага ея — произвола, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ постановленіяхъ. Въ законодательствѣ по устройству земства, устойчивость еще необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо: тутъ дѣло идетъ о бытіи общественномъ и государственномъ цѣлаго народа. Тутъ измѣненія частыя и произвольныя до крайности вредны. Опасно играть съ огнемъ; но еще стократъ опаснѣе легкомысленно тре-

вожить бытъ народный. Измѣненія въ законахъ о земствѣ должны быть вызваны не иначе, какъ общими и несомнѣнными потребностями народа или государства; иначе ничѣмъ они оправданы быть не могутъ. Надѣемся, что съ этимъ согласятся съ нами всѣ люди истинно-консервативные.

5-го февраля 1867 года.

III.

Слухи объ измѣненіяхъ, будто готовящихся въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, доходятъ къ намъ, изъ Петербурга, все съ бо́льшею и бо́льшею опредѣлительностію, и крайне тревожатъ насъ, живущихъ во внутренности имперіи. Говорятъ, что будто предполагается подвергнуть упомянутый законъ значительной передѣлкѣ; что нѣкоторыя изъ измѣненій должны быть въ смыслѣ тѣхъ предположеній, о которыхъ мы прежде упоминали; что рѣшительно имѣется въ виду сокращеніе круга дѣйствія уѣздныхъ собраній и подчиненіе ихъ губернскому собранію; что считается возможнымъ и, по экономическимъ соображеніямъ, желательнымъ упраздненіе уѣздныхъ управъ и возложеніе ихъ обязанностей на губернскую управу; и что признается теперь благовременнымъ исполненіе работъ, о которыхъ упомянуто въ статьяхъ 2-й и 8-й Временныхъ Правилъ, по коренному пересмотру уставовъ о земскихъ повинностяхъ, о народномъ продовольствіи и объ общественномъ призрѣніи. Конечно, люди разсудительные мало вѣрятъ этимъ слухамъ; ибо они убѣждены, что правительство, хорошо зная настоящее положеніе земства и его учрежденій, и вѣрно оцѣнивая пользу и необходимость устойчивости въ законодательствѣ по всякому и въ особенности по земскому дѣлу, едвали признаетъ удобнымъ и даже возможнымъ теперь подвергать преобразо-

ванію только-что возникающее земство и вводить существенныя перемѣны въ законъ, недавно изданный и едва начинающій прилагаться къ дѣлу; но вѣдь большинство людей болѣе вѣритъ слухамъ, даже неправдоподобнымъ, чѣмъ соображеніямъ самымъ разумнымъ. А потому у насъ въ провинціи большая тревога: многіе твердятъ, будто теперь не только нельзя думать объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, больницъ, школъ и пр., но что слѣдуетъ даже воздержаться и собираніемъ свѣдѣній, необходимыхъ для уравнительной раскладки земскихъ повинностей; ибо эти данныя, пожалуй, попадутъ въ такія руки, которыя воспользуются ими для того, чтобы получить въ свое распоряженіе бо́льшія по возможности денежныя суммы. Мы убѣждены, что эти опасенія лишены всякаго основанія; что правительство, даровавшее земству права, вовсе не думаетъ о ихъ сокращеніи; и что, напротивъ того, зная ихъ ограниченность, оно, по-мѣрѣ развитія нашихъ земскихъ способностей, будетъ расширять кругъ дѣятельности земства и усиливать его самостоятельность; но какъ эти тревожные слухи въ ходу, то считаемъ долгомъ ихъ огласить печатно и, изъ самой ихъ сущности, вывести ихъ несостоятельность.

Пересматривая статьи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и имѣя въ виду, какъ онѣ исполняются на дѣлѣ, нельзя придумать, какія дѣла, безъ вреда для существованія земства вообще, могли бы быть изъяты изъ вѣдѣнія и рѣшенія уѣзднаго земства, и перенесены въ вѣдѣніе и на рѣшеніе губернскаго земства. Главнымъ, самымъ надежнымъ основаніемъ для земства вообще, служитъ наше уѣздное земство. Оно одно, при нынѣшнихъ средствахъ сообщенія, хорошо знакомо съ мѣстностями и людьми своего вѣдомства; оно одно дѣйствительно, а не чрезъ посредство бумагъ, знаетъ интересы своего участка, принимаетъ въ нихъ живое участіе

и находится въ возможности непосредственными дѣйствіями обезпечивать народонаселенію выгоды, ожидаемыя отъ самоуправленія. Всякій, участвующій въ уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ и безпристрастно къ нимъ относящійся, не можетъ не признать, что, въ настоящее время, первыя вообще много удовлетворительнѣе послѣднихъ: тамъ дѣйствительно занимаются дѣломъ, а въ губернскихъ собраніяхъ часто поднимаютъ вопросы болѣе общіе, чѣмъ прямо практическіе. Конечно, вторыя срочныя губернскія собранія были лучше первыхъ; увѣрены, что послѣдующія собранія будутъ все болѣе и болѣе соотвѣтствовать своему назначенію; но думаемъ, что уѣздныя собранія всегда сохранятъ свое значеніе. Чѣмъ люди ближе къ дѣлу, тѣмъ вѣрнѣе и сильнѣе они имъ внушаются; чѣмъ собранія непосредственнѣе представляютъ народонаселеніе, тѣмъ слова ихъ болѣе истинны и тѣмъ живѣе они выражаютъ дѣйствительность. Поэтому чѣмъ сильнѣе, плотнѣе и дѣйственнѣе будетъ уѣздное земство, тѣмъ болѣе ручательствъ въ томъ, что представительство и въ послѣдующихъ степеняхъ будетъ дѣльнѣе, и что его собранія не превратятся въ поприще интригъ, пустословія и вредныхъ мечтаній.

Взглянемъ, что́ теперь поручено уѣзднымъ собраніямъ. Статья 63 Положенія ясно говоритъ, что уѣздныя земскія учрежденія завѣдуютъ земскими дѣлами (въ статьѣ 2-й положительно означенными), относящимися *до каждаго отдѣльнаго уѣзда*. Статья 64 того же положенія опредѣляетъ особенныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію уѣздныхъ собраній. Сто́итъ вникнуть въ эти статьи и легко убѣдиться, что, безъ вреда для дѣла, нѣтъ возможности ни сократить кругъ дѣйствія уѣздныхъ собраній, ни уменьшить степень ихъ власти. Неужели лучше уѣздныя дѣла передать на вершеніе губернскому собранію, менѣе ихъ знающему и менѣе ими интере-

сующемуся? Всякое измѣненіе въ этомъ смыслѣ было бы отступленіемъ отъ самыхъ начальныхъ правилъ и требованій самоуправленія, и возвратомъ къ системѣ бюрократизма. Не должно упускать изъ виду и того, что въ уѣздныхъ собраніяхъ, по бо́льшей части, всѣ дѣла довольно свободно оканчиваются въ десятидневный срокъ, положенный закономъ для этихъ засѣданій; въ губернскихъ же собраніяхъ, мы не успѣваемъ въ двадцатидневный срокъ порядкомъ разсмотрѣть всѣ, нынѣ губернскому земству принадлежащія, дѣла. Конечно, по закону мы вправѣ просить о продолженіи срока засѣданій; но дѣйствительно мы не можемъ этимъ пользоваться, ибо большинство гласныхъ, утомленное двадцатидневнымъ пребываніемъ въ губернскомъ городѣ, и истощенное по статьѣ денежныхъ средствъ, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ закрытія собранія. Если уѣздныя собранія будутъ рѣшать одни дѣла неважныя, а по прочимъ давать только мнѣнія, имѣющія подлежать окончательному разсмотрѣнію и рѣшенію губернскаго собранія; то уѣздныя собранія, за отсутствіемъ дѣлъ важныхъ, перестанутъ посѣщаться гласными, а губернскія собранія, заваленныя уѣздными дѣлами, интересными для немногихъ, еще менѣе будутъ привлекать къ себѣ гласныхъ. Такимъ образомъ упадутъ тѣ и другія собранія.

Тѣмъ, которые желаютъ сокращенія власти уѣздныхъ собраній, особенно хочется, чтобы переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя, зависѣло отъ губернскаго, а не отъ уѣзднаго собранія, и чтобы самая раскладка денежныхъ повинностей была производима, по родамъ земель, не въ уѣздномъ, а въ губернскомъ собраніи. Но есть ли разумныя причины къ удовлетворенію такого желанія? Натуральныя повинности, по существу своему, не могутъ быть уравнительно разлагаемы; въ этомъ согласится всякій, кто хотя

сколько-нибудь жилъ въ деревнѣ. Натуральныя повинности обходятся жителямъ вдвое, втрое дороже, чѣмъ эти же повинности, обращенныя въ деньги; съ этимъ также трудно не согласиться, ибо стóитъ только всмотрѣться, какъ натурою отбываются двѣ главныя повинности: починка мостовъ и содержаніе лошадей на стойкѣ *). Сверхъ того, нѣтъ возможности содержать въ исправности мосты и лоша-

---

*) Для людей, никогда не жившихъ въ деревнѣ, позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ разсказать, какъ натурою чинятся мосты и содержатся лошади на стойкѣ.

Прóломилась одна или двѣ половицы на мосту; полиція или управа, наблюдающія за содержаніемъ мостовъ въ исправности, даетъ о томъ знать сотскому того селенія, которое приписано къ поврежденному мосту. Сотскій ѣдетъ осмотрѣть мостъ и видитъ, что провалились уже не одна или двѣ, а двѣ или три половицы. По возвращеніи въ селеніе, онъ требуетъ отъ сельскаго начальства столько то людей, и не двѣ или три половицы, а три или четыре, т. е. одну про запасъ. Наконецъ, приступаютъ къ исправленію моста; но, при починкѣ, оказывается, что потребны уже не три или четыре, а пять или шесть половицъ. Новыя требованія, новыя поѣздки, новыя починки, а между тѣмъ мосты остаются постоянно въ неисправности.

Подводная повинность натурою исполняется слѣдующимъ образомъ: каждая деревня обязана имѣть на стойкѣ, въ теченіе извѣстнаго числа дней, столькихъ-то лошадей. Изъ-за 10, 20, 30 и болѣе верстъ ѣдетъ крестьянинъ для того, чтобы простоять на стойкѣ одинъ, два или болѣе дней; это бываетъ и въ рабочую пору и въ ростополь (продолжающуюся въ деревняхъ двѣ или три недѣли); пріѣзжаетъ онъ и стоитъ; иногда свезетъ какого-либо чиновника, а часто, простоявъ свои урочные дни, и протравивъ по напрасну и свое время и свой кормъ, возвращается домой. Случается и то, что чиновникъ пріѣзжаетъ, а лошадей, обязанныхъ быть на стойкѣ

дей на стойкѣ, пока эти повинности отправляются натурою цѣлымъ околодкомъ. Слѣдовательно, переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя—неминуемо. Вопросъ только въ томъ: когда и какъ произвести это переложеніе? Спрашивается: кѣмъ этотъ вопросъ можетъ быть, по каждому уѣзду, разрѣшенъ съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и съ живѣйшимъ въ немъ участіемъ, уѣзднымъ или губернскимъ собраніемъ? Очевидно, первымъ; а потому дѣла сего рода должны подлежать рѣшенію его, а не губернскаго собранія.

Для крестьянъ рѣдко бываетъ тяжче платить деньгами, чѣмъ исправлять повинности натурою. Даже при крѣпостномъ правѣ, крестьяне весьма охотно сдавали разнымъ лицамъ, за деньги, погодно, починку мостовъ и исправленіе постоянной подводной повинности. Сверхъ того, крестьяне весьма хорошо понимаютъ, что эти повинности, разверстанныя на всѣ казенныя, помѣщичьи и крестьянскія земли и прочія недвижимыя имущества, лягутъ на нихъ много легче, чѣмъ эти же повинности, отбываемыя ими одними. Впрочемъ, если для крестьянъ выгоднѣе отправлять повинности натурою, то рѣшеніе этого вопроса тѣмъ необходимѣе оставить за уѣздными собраніями; ибо тутъ крестьяне принимаютъ несравненно бо́льшее участіе въ дѣлахъ, чѣмъ въ губернскомъ собраніи, гдѣ они бываютъ въ крайнемъ меньшинствѣ.

Изъ вышесказаннаго, кажется, очевидно, что хозяйственныя дѣла уѣзда (а другихъ никакихъ нѣтъ), нигдѣ и никѣмъ, не могутъ быть лучше завѣдываемы, какъ въ уѣздѣ и уѣзднымъ собраніемъ, и что всякое измѣненіе, въ этомъ отношеніи, значительно повредило бы успѣшному и разумному про-

---

изъ другихъ деревень, не имѣется, и тогда то селеніе, гдѣ стойка, обязано исполнить повинность за другихъ, не выѣхавшихъ въ срокъ на стойку.

изводству этихъ дѣлъ, и сверхъ того (что особенно важно) ослабило бы и потрясло ту живую, самую дѣйственную единицу, которую представляетъ уѣздное земство, и которая должна быть основою всего нашего земскаго устройства.

Предположеніе упразднить уѣздныя управы до того странно, что трудно даже понять его. Какъ можетъ быть уѣздное земство и уѣздное земское собраніе, безъ учрежденія, подготовляющаго для собранія проекты, собирающаго нужныя для него свѣдѣнія, исполняющаго его постановленія и отдающаго ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и ввѣренныхъ суммахъ? И какой главный доводъ выдвигается въ пользу такого нововведенія? То, что управы дорого стоютъ земству. Но справедливо ли это вообще? По большей части предсѣдатели управъ получаютъ жалованья въ годъ 1,200, а члены отъ 600 до 800 руб.; сверхъ того, на канцелярію, канцелярскіе расходы, наемъ и отопленіе квартиры для управы расходуется около 2,000 р. Слѣдовательно, всего отъ 5,000 до 6,000 р. Есть ли тутъ излишки? При сравненіи этихъ расходовъ съ окладами прежняго времени, упомянутая сумма можетъ казаться значительною; но эти оклады усиливались разными грѣшными и безгрѣшными доимками. Если же принять въ соображеніе жалованья, которыя нынѣ назначены по новой судебной части, по акцизному управленію и вообще по новымъ учрежденіямъ, то упомянутое жалованье членовъ управъ нельзя не счесть весьма умѣреннымъ. Правительство признаетъ выгоднымъ и необходимымъ имѣть служащихъ, вполнѣ обезпеченныхъ жалованьемъ. Земство не идетъ такъ далеко, но считаетъ неизбѣжнымъ, хотя въ скромныхъ размѣрахъ, доставить своимъ повѣреннымъ средства къ безнужденному существованію. Гласные могутъ не получать денегъ на свое содержаніе, ибо они посвящаютъ общественной службѣ только нѣсколько дней; члены же управъ должны жить въ уѣздномъ

городѣ, нанимать квартиру, покупать всякую всячину, которую въ деревнѣ они имѣли бы даромъ, и трудиться ежедневно. Справедливо ли, возможно ли требовать отъ нихъ службы безвозмездной? Чтобы утверждать что-либо подобное, надобно или не знать нашихъ обстоятельствъ, или служить особенной, едвали истинно-патріотической мысли. Знаемъ, что есть люди, которые стоятъ за безвозмездность земской службы вообще; но мы считаемъ ее для страны слишкомъ невыгодною, во-первыхъ, потому, что кругъ людей, изъ которыхъ могли бы быть назначаемы служащіе, былъ бы чрезъ то слишкомъ съуженъ; и, во-вторыхъ, потому, что вся дѣятельность была бы сосредоточена въ рукахъ весьма немногихъ, что̀ обошлось бы странѣ слишкомъ дорого. Понимаемъ, что за безвозмездную службу стоятъ люди, противящіеся переложенію натуральныхъ повинностей на денежныя, но timeo Danaos et dona ferentes. Не безъ основанія говоритъ русская пословица: даровыя милости—неоплатные долги.

Мы считаемъ невозможнымъ упраздненіе уѣздныхъ управъ, и вотъ по какимъ причинамъ:

1) Уѣздныя управы обязаны теперь, и еще довольно долгое время, собирать разныя свѣдѣнія объ имуществахъ помѣщичьихъ, крестьянскихъ и промышленныхъ. Члены управъ, зная хорошо уѣздъ и принадлежа къ разнымъ состояніямъ, одни могутъ удовлетворительно, т. е. не бумажно, а дѣйствительно исполнить эту задачу.

2) Уѣздныя управы завѣдываютъ дѣлами уѣзда, имъ хорошо извѣстными и находящимися у нихъ подъ глазами. Онѣ могутъ сами осматривать и мосты и больницы и школы, собирать всѣ нужныя о нихъ свѣдѣнія, отдавать подряды въ удобное время и на условіяхъ вполнѣ исполнимыхъ, и пр. Какъ все это, по 12—15 уѣздамъ, можетъ быть исполнено губернскою управой иначе, какъ бюрократически?

3) Уѣздныя управы подготовляютъ для уѣздныхъ собраній всѣ нужныя работы и свѣдѣнія, представляютъ и защищаютъ тутъ свои предположенія и отдаютъ собраніямъ отчетъ въ исполненіи ихъ постановленій, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и ввѣренныхъ имъ суммахъ. Можетъ ли губернская управа, даже черезъ своихъ агентовъ, исполнять эти необходимыя обязанности, безъ чего немыслимы и самыя уѣздныя собранія земства.

Наконецъ, 4) уѣздныя управы, состоя большею частію изъ предсѣдателя-землевладѣльца и изъ членовъ изъ купцовъ и крестьянъ, сохраняютъ связи со всѣми состояніями въ уѣздѣ, и тѣмъ внушаютъ народонаселенію къ себѣ довѣріе, чего губернская управа никакъ достигнуть не можетъ.

Говорятъ, что уѣздныя управы удобно замѣнить одноличными агентами; но кѣмъ они будутъ назначаемы: уѣзднымъ земствомъ или губернскою управою? Въ первомъ случаѣ, возможно ли давать губернской управѣ агентовъ, которыхъ не она будетъ назначать, и за которыхъ, слѣдовательно, она и отвѣчать не можетъ? Въ послѣднемъ случаѣ, если уѣздныя земскія собранія должны существовать, то какія будутъ отношенія къ нимъ упомянутыхъ агентовъ? Они не могутъ быть отвѣтственны передъ уѣзднымъ собраніемъ, ибо они не имъ назначаются, и могутъ ссылаться на предписанія губернской управы. Отъ послѣдней, уѣздныя собранія не имѣютъ возможности требовать объясненій, и по краткости времени своихъ засѣданій, и по неудобству подчинять губернскую управу различнымъ уѣзднымъ собраніямъ. Въ натурѣ человѣческой, любить власть и желать круга дѣйствія по возможности обширнаго; но мы вполнѣ увѣрены, что еслибъ губернскія управы были спрошены: желательно ли упразднить уѣздныя управы и сосредоточить всѣ дѣла въ губернскихъ управахъ съ придачею имъ нужнаго числа уѣздныхъ агентовъ; то, конечно,

отвѣты всѣхъ управъ были бы отрицательные. Лучшія губернскія управы стараются децентрализировать производство дѣлъ, и передаютъ все, что̀ могутъ, въ уѣздныя управы, зная, что послѣднія находятся ближе къ дѣлу и потому имѣютъ возможность лучше вести его. Сосредоточеніе земскихъ дѣлъ въ губернскихъ управахъ, было бы превращеніемъ ихъ производства изъ дѣйствительнаго, живаго въ чисто бюрократическое. Едвали такой результатъ желателенъ: онъ совершенно противорѣчилъ бы цѣли, которая имѣлась въ виду при дарованіи земству самоуправленія.

Благовременно ли теперь исполненіе работъ, указанныхъ во 2-й и 8-й статьяхъ Временныхъ Правилъ для земскихъ учрежденій, т. е. коренный пересмотръ уставовъ о земскихъ повинностяхъ, о народномъ продовольствіи и объ общественномъ призрѣніи? Эти работы, нѣтъ сомнѣнія, необходимы; чѣмъ скорѣе онѣ будутъ сдѣланы, тѣмъ лучше; но едвали уже наступило время для ихъ производства. Правительство въ этомъ случаѣ, быть можетъ, призоветъ къ себѣ на помощь предсѣдателей губернскихъ управъ, которые должны будутъ доставить полезнѣйшія и самыя необходимыя свѣдѣнія и указанія по этому дѣлу. Но эти предсѣдатели теперь едвали въ состояніи быть настоящими совѣтниками. Теперь губернскія и уѣздныя управы только собираютъ по этимъ предметамъ свѣдѣнія; доселѣ собранія, какъ уѣздныя, такъ и губернскія, не могли по нимъ составить никакихъ, кромѣ самыхъ кратковременныхъ, постановленій. Сентябрьскія уѣздныя и декабрьскія губернскія собранія текущаго года, должны въ этомъ отношеніи кой-что сдѣлать; ибо управамъ поручено представить разныя свѣдѣнія и свои, по этимъ дѣламъ, предположенія. Слѣдовательно ближайшее время, которое можно избрать для этихъ работъ въ Петербургѣ, есть будущая зима, т. е. послѣ 1-го января. Весьма желательно,

чтобы проекты, которые тогда будутъ выработаны, были сообщены на разсмотрѣніе губернскихъ собраній декабря 1868 года, и чтобы только за тѣмъ приступлено было къ окончательной редакціи этихъ проектовъ. Существующія положенія по этимъ частямъ, конечно недостаточны и были составлены при обстоятельствахъ совершенно иныхъ; но отмѣнить или измѣнить эти положенія, не собравъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и не приноровивъ новыхъ правилъ къ новымъ обстоятельствамъ, было бы крайне неосторожно.

Въ заключеніе скажемъ: всего желательнѣе, въ настоящее время, чтобъ земству предоставлено было самому развиваться согласно его нуждамъ и потребностямъ, и чтобъ не были даваемы ему несвойственныя русскому духу направленія.

27-го Февраля 1867.

II.

ДВОРЯНСКОЕ ДѢЛО.

(Изъ газеты „**День**“ №№. 8 и 9 1861 года).

Статьи И. С. Аксакова.

I.

Такъ называемое *крестьянское дѣло* есть въ тоже время *дворянское дѣло:* оно въ равной степени затронуло интересы крестьянъ и помѣщиковъ, оно сдвинуло оба сословія съ ихъ вѣковаго подножія. Едва ли движеніе однаго не находится въ обратномъ отношеніи къ движенію другаго, — но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что все наше дворянство чувствуетъ въ настоящую минуту невольную потребность отдать себѣ отчетъ въ своемъ современномъ призваніи и значеніи. Казалось бы, уступка крестьянамъ части земли и права на личную свободу—не должна была бы произвести существенной перемѣны въ быту и общественномъ положеніи помѣщичьяго сословія, — точно также, какъ произведенный правительствомъ въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ странахъ западной Европы, выкупъ крестьянскихъ повинностей помѣщику, нисколько не измѣнилъ и даже въ нѣкоторой степени возвысилъ и очистилъ значеніе сословія нѣмецкихъ высокородныхъ, высокоблагородныхъ и просто

благородныхъ (Hochgeboren, Hochwohlgeboren, Wohlgeboren). Во всякомъ случаѣ дворянство на Западѣ, въ обстоятельствахъ подобныхъ нашимъ, вовсе не задавало себѣ тѣхъ тревожныхъ вопросовъ о своей судьбѣ, какими смущается теперь дворянство у насъ въ Россіи. Почему же это такъ? Какая тѣсная связь существуетъ между крѣпостнымъ правомъ и сословнымъ значеніемъ дворянства? Отчего могъ родиться самый вопросъ — что̀ такое русское дворянство въ настоящее время? и что̀ же такое, въ самомъ дѣлѣ, теперь — русское дворянство?

Намъ кажется, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо для нашего общественнаго сознанія, особенно въ настоящую минуту, въ виду дворянскихъ съѣздовъ и выборовъ, открытыхъ, открываемыхъ и имѣющихъ открыться, въ непродолжительномъ времени, въ разныхъ губерніяхъ Россіи и у насъ въ Москвѣ.

Отвѣты на эти вопросы можетъ дать только исторія, и потому, не вдаваясь въ подробности, постараемся представить въ общихъ чертахъ, какъ можно яснѣе и проще, историческій ходъ дворянскаго учрежденія въ Россіи.

Въ Россіи,—это уже неоднократно было замѣчено, — не было завоеванія, какъ въ западной Европѣ, не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ, ни феодаловъ, ни вассаловъ, вообще никакихъ тѣхъ сословныхъ стихій, какія существовали и еще существуютъ на Западѣ. Люди въ Россіи дѣлились не столько по *происхожденію*, сколько по *наслѣдственному роду занятій*, и эта черта проходитъ сквозь всю нашу исторію до настоящаго времени. Даже въ современномъ уставѣ о податяхъ, мы видимъ, что подлежатъ записке въ ревизію 100 (или даже болѣе) разрядовъ людей, и каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ свои права и обязанности. Всякой согласится, что *сословіями*, въ смыслѣ западномъ, ихъ назвать

нельзя, хотя мы и говоримъ: сословіе ямщиковъ, лашмановъ, горнозаводскихъ крестьянъ, наборщиковъ московской университетской типографіи, служителей архіерейскихъ домовъ, и т. д. Очевидно, что главнымъ основаніемъ дѣленію служитъ *родъ и видъ занятій*, сопряженный съ элементомъ наслѣдственности, занятій свободно и естественно передаваемыхъ отъ отца къ сыну. При этомъ однакоже ничего похожаго на касту не было, потому что перемѣна занятій была доступна для каждаго.

Народъ и дружина, служилое и земское сословія — вотъ главное дѣленіе русскаго населенія въ древней Руси, и въ основаніи этого дѣленія лежало тоже начало, т. е. *родъ занятій*, а также и *отношеніе ихъ къ государству*. Служилое сословіе служило непосредственно государственной власти; его занятіе было — служебное ремесло. Земля также тянула тягло въ отношеніи къ государству, служа ему платою податей, поставкою войска и работою на служащихъ людей. Ея занятіе было: воздѣлываніе земли, промыслы и торговля.

Мы не входимъ здѣсь въ изслѣдованіе о происхожденіи дружины: составилась ли она изъ пришлецовъ или изъ туземныхъ, выдѣлившихся родовъ, — но дѣло въ томъ, что когда сложился государственно-гражданскій строй Россіи, выступило ярко и это разграниченіе двухъ сословій: служилаго и земскаго. Земля жила обычаемъ, подъ закономъ общиннаго быта и общиннаго поземельнаго владѣнія; служилые люди не составляли общины, не знали общиннаго быта и общиннаго владѣнія: дѣятельность ихъ была *личная*, равно какъ и отношеніе къ власти; землю получали они отъ государя, *за службу и вмѣсто жалованья*, въ личное пользованіе и владѣніе, въ пожизненное и потомственное, въ помѣстье или вотчину. Въ предѣлахъ служилаго сословія были

разныя степени, или своего рода чины, обусловливавшіе и различный видъ службы: жильцы, дѣти боярскіе, дворяне, и другіе; эти чины не передавались наслѣдственно, и сынъ боярина не былъ бояриномъ, но оставаясь въ служиломъ сословіи, спускался на нѣсколько ступеней ниже: то-есть служилое званіе, или вѣрнѣе, принадлежность къ служилому сословію всегда удерживалась въ потомствѣ и была наслѣдственною, — сначала по обычаю, а потомъ и по закону. — Служилый человѣкъ по этому самому, по унаслѣдованному имъ роду занятій и обязанностей, весь принадлежалъ государству, и, включенный въ списки, состоялъ въ его полномъ распоряженіи (en disponibilité), былъ, такъ сказать, на службѣ отъ рожденія до смерти.

Несмотря однако на эту наслѣдственность правъ и обязанностей, служилое сословіе не носило въ себѣ никакой аристократической стихіи. Это всего лучше доказывается *мѣстничествомъ*, страннымъ учрежденіемъ, которое имѣло для служилаго сословія значеніе связующаго и сплачивающаго (по замѣчанію Хомякова) цемента. Дѣйствительно, сословіе, котораго все значеніе заключалось въ *наслѣдственной службѣ*, должно было необходимо вести счеты и разсчеты своимъ служебнымъ трудамъ, потому что на нихъ единственно и основывались ихъ права и преимущества, объемъ ихъ власти и участія въ государственной дѣятельности. Честь полагалась *не въ древности рода*, хотя и къ ней не были нечувствительны наши предки, но въ *службѣ* предковъ, и потомокъ Рюрика (слѣдовательно безукоризненный *аристократъ* съ точки зрѣнія западной) уступалъ Салтыкову или Бутурлину, человѣку не столь древняго происхожденія, но котораго дѣдъ или отецъ исполнялъ служебное дѣло высшее по назначенію, нежели дѣдъ и отецъ Рюриковича. Понятно, что начало наслѣдственности и преданія,

взявши силу и породивъ мѣстничество, естественнымъ ходомъ вещей и властію обычая, преградило вступленіе въ служилое состояніе лицамъ новымъ, изъ сословій земскихъ, которыя не могли опираться на заслуги предковъ,—и, дѣйствительно, кромѣ Минина, включеннаго въ служилое сословіе съ чиномъ думнаго дворянина, мы другихъ примѣровъ и не припомнимъ.

Первою значительною реформою въ исторіи этого сословія — было уничтоженіе мѣстничества при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, уничтоженіе разрядныхъ книгъ и учрежденіе бархатной книги, въ которую записаны были всѣ древніе роды служилаго сословія, но уже не на основаніи службы предковъ, а на *основаніи родословномъ*. Мы думаемъ, что такого рода учрежденіе, возникшее отчасти подъ вліяніемъ Польши и выдвигавшее впередъ *древность* рода и начало генеалогическое, можетъ быть и положило бы у насъ основаніе аристократіи, которой главнымъ преимуществомъ была бы служба, т. е. участіе въ дѣлахъ государственныхъ,—еслибъ принципъ аристократическій не былъ противенъ нашимъ кореннымъ народнымъ началамъ. Исторія обличила несостоятельность такой попытки. Скоро, въ лицѣ Петра, эта попытка образовать аристократію въ Россіи — была сокрушена смертельнымъ ударомъ.

Табель о рангахъ, не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, сдѣлала всякую аристократію въ Россіи невозможною. Выдвинувъ опять на первый планъ не происхожденіе, а дѣйствительную службу, она исключительную привилегію дворянства—службу, участіе въ дѣлахъ государственныхъ и достиженіе высшихъ государственныхъ званій и почестей—сдѣлала доступною для всѣхъ сословій безъ исключенія, проводя ихъ по лѣстницѣ нѣмецкихъ чиновъ или ранговъ. Еслибы чинъ означалъ только *должность* и не давалъ правъ

дворянскихъ, то дворянство могло бы еще не смѣшиваться съ постоянно прибывавшими во множествѣ служилыми людьми не дворянскаго происхожденія. Такъ въ Германіи, до сихъ поръ, даже высокой чинъ, сколько мы знаемъ, не вездѣ даетъ право владѣть имѣніемъ называемомъ Rittergut, —но въ Россіи этого различія никогда установлено не было, и чинъ или рангъ получилъ у насъ сословное значеніе: такимъ образомъ табель разрушала въ существѣ родословный или аристократическій характеръ дворянства. Воспоминанія о древности своего служилаго рода были праздникъ утѣшеніемъ потомку древнихъ бояръ, сидѣвшему рядомъ въ совѣтѣ съ пирожникомъ Меншиковымъ (таково преданіе), съ нѣмецкимъ солдатомъ Минихомъ, съ нѣмецкимъ пасторскимъ сыномъ Остерманомъ, и со всѣми тѣми, которыхъ заслуги или милость царская возвели на высшія ступени государственной службы.

Мы забыли сказать, что видовое названіе *дворянъ*, означавшее прежде *должность*, мало по малу, силою обычая, перешло на все старое служилое сословіе, которое въ первое время Петръ окрестилъ было названіемъ шляхетскаго. Названіе не удержалось, и очевидно, что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ значеніи этого сословія. Первые преемники его пытались сдѣлать изъ служилаго сословія шляхетство или нѣмецкую аристократію, думая согласить это начало съ табелью о рангахъ, но попытки ихъ были неудачны; вспомнимъ хоть учрежденіе майоратовъ, въ послѣдствіи отмѣненное.

И такъ, что же представляется намъ въ Россіи со введеніемъ табели о рангахъ? Мы видимъ потомковъ древняго служилаго сословія, записаннаго въ книгѣ древнихъ родовъ, — съ непремѣнною *обязанностью*, но не съ исключительнымъ *правомъ службы*. Сохраняя свое служилое значеніе, но безъ всякаго прежняго вліянія на него службы предковъ и древ-

ности рода, — они утратили всякое родовое, генеалогическое или аристократическое значеніе, безразлично смѣшиваясь съ новопроизведенными военными и гражданскими офицерами, самаго незнатнаго происхожденія, нерѣдко изъ крестьянъ и бывшихъ холоповъ. Эти послѣдніе не могли гордиться ни древностью рода, ни службою предковъ, но были во всемъ равны, а нерѣдко имѣли преимущество предъ чиновниками и офицерами изъ древняго служилаго сословія. И тѣ и другіе владѣли крестьянами, и на тѣхъ и на другихъ работали крестьяне, видя въ нихъ людей служилыхъ, независимо отъ происхожденія, и продолжая считать, по до-Петровскому обычаю, свою работу жалованьемъ, даннымъ помѣщикамъ отъ царя за службу. — Теперь ясно, что изъ этихъ элементовъ не могло образоваться никакой аристократіи, — но тогда это еще не всѣмъ было ясно.

Самый гибельный ударъ нанесенъ дворянству, какъ сословію, тѣмъ распоряженіемъ, которому дворяне радовались тогда наиболѣе, — именно указомъ Петра III о вольности дворянства, т. е. о правѣ дворянъ не служить. Древняя дружина была наконецъ распущена, и такимъ образомъ сокрушено было историческое основаніе дворянскаго сословія, именно его служилое призваніе и значеніе; (родовое, аристократическое значеніе было еще прежде сокрушено табелью о рангахъ). Изъ превосходнаго изслѣдованія г. И. Д. Бѣляева („Крестьяне на Руси“) можно видѣть, что этотъ указъ о необязательности службы для помѣщиковъ — породилъ волненія между крестьянами, вообразившими, что, вмѣстѣ съ службой дворянъ государству, кончилась и ихъ служба дворянству, имѣвшая одно общее историческое основаніе.

Вслѣдъ за Петромъ III, Екатерина, подтвердивъ указъ о вольности дворянской, собрала распущенную дружину и связала ее узами привилегированной сословности. Тѣмъ не менѣе

ея знаменитая грамота не могла создать Русской аристократіи.

Если аристократію полагать въ *древности рода,* то ни графъ Разумовскій, ни всѣ тѣ, которымъ фаворитизмъ давалъ чины и титулы, не могли бы принадлежать къ сословію дворянскому... Но такое распоряженіе (относительно древности рода) не только не было возможно послѣ пролома, произведеннаго табелью о рангахъ, но едва ли даже и заявлялось въ то время кѣмъ либо изъ дворянъ, какъ требованіе: до такой степени это не въ нашихъ нравахъ, что не смотря на всю нашу подражательность, умъ и талантъ не подлежатъ у насъ той сословной оцѣнкѣ, какая существовала и существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Западѣ. Вопроса о томъ, напримѣръ, tafelfähig ли, т. е. имѣетъ ли „правоспособность“ обѣдать за придворнымъ столомъ сынъ сельскаго священника, государственный министръ Сперанскій, у насъ никогда бы и возникнуть не могло, тогда какъ въ Германіи, напр. въ Ганноверѣ, только считающій 40 поколѣній генеалогической линіи — владѣетъ способностью и правомъ быть принятымъ ко двору; у насъ теперь никому и въ голову не приходитъ, чтобы недоученный Рюриковичъ имѣлъ болѣе правъ на службѣ, чѣмъ ученый кандидатъ университета, хотя бы происходившій изъ бывшаго крѣпостнаго сословія, и т. п.

Далѣе: если аристократію полагать, — какъ между прочимъ въ Англіи, — въ правѣ и обязанности непосредственнаго, *по рожденію*, участія въ дѣлахъ государственныхъ, то *отмѣна обязанности служить,* которой такъ обрадовались дворяне, дѣлала и это основаніе невозможнымъ.

Оставалось только дать, безъ особеннаго основанія, привилегіи дворянскому сословію; онѣ и были даны, но конечно не однимъ древнимъ родамъ, уже заслоненнымъ новыми, а

древнимъ родамъ и чинамъ, дававшимъ дворянское достоинство. Такимъ способомъ образовалось у насъ пожалованіе *потомственнаго* дворянства — въ смыслѣ обратномъ и, какъ намъ кажется, нѣсколько неправильномъ относительно языка, т. е. не въ томъ смыслѣ, что слово „потомственный дворянинъ“ означаетъ потомка дворянъ, а въ томъ, что будущіе потомки новопожалованнаго дворянина дѣлаются дворянами.— Доступъ въ дворянское сословіе былъ по прежнему открытъ каждому, по лѣстницѣ ранговъ.

И такъ *только привилегіи* давали дворянству тотъ сословный характеръ, которое оно имѣло въ древности, какъ служилое и какъ родовое, и которое утратило съ табелью о рангахъ и съ указомъ о вольности дворянства.

Главнѣйшею и существеннѣйшею *привилегіею* было — крѣпостное право, право владѣть землями населенными, личностью и трудомъ крестьянскимъ. Крестьяне продолжали по прежнему, по стародавнему, тянуть тягло, платить подати государству и отбывать повинности помѣщикамъ — но сами помѣщики были уже иные, не служилые люди и не всѣ древняго служилаго происхожденія. Всякой оберъ-офицеръ дѣлался столбовымъ дворяниномъ, назывался благороднымъ (т. е., если понимать буквально, ему жаловались благородные предки), а потому могъ быть и помѣщикомъ.

Такъ, съ разными неважными измѣненіями, продолжалось и до нашего времени.

19 Февраля 1861 года уничтожило на вѣки вѣковъ крѣпостное право, а съ нимъ и существеннѣйшій признакъ дворянскаго достоинства, т. е. привилегію. — Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ de facto и de jure отличается теперь дворянинъ отъ прочихъ сословій? Населенными землями, по окончаніи выкупа, будутъ имѣть право владѣть и купцы и крестьяне. Избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній будетъ, вѣ-

роятно, когда-нибудь распространено и на прочія сословія. Избавленіемъ отъ рекрутства — пользуются и купцы, — да эта повинность, можетъ статься, будетъ также переорганизована правительствомъ. Избавленіе отъ платежа податей, вѣроятно, не избавитъ отъ платежа поземельнаго налога. Что же остается? Право службы? оно, еще современъ Петра I-го, предоставлено всѣмъ. Древность происхожденія? Но какъ опредѣлить ее? Если считать древнимъ родъ—хотя бы только столѣтній, то значительную часть дворянъ пришлось бы исключить изъ дворянскаго сословія! Поземельное владѣніе? но это право принадлежитъ въ Русской землѣ всѣмъ. Богатство? Оно на сторонѣ купцовъ, капиталистовъ-торговцевъ, но не дворянства. . . .

Что же дѣлать, какъ быть?

Очевидно, что объемъ и опредѣленіе земства въ настоящее время разширилось. Распущенная дружина обращается домой, въ земство, и вноситъ въ него новые элементы. Въ земствѣ мы видимъ, или скоро увидимъ, два начала, двѣ бытовыя стихіи: начало общины и начало личности, начало общиннаго поземельнаго владѣнія, общинниковъ-крестьянъ и личныхъ землевладѣльцевъ, большинство которыхъ едва ли не исключительно составляютъ теперешніе дворяне. Другихъ дѣленій намъ не предвидится. Взаимный союзъ этихъ двухъ стихій, чуждыхъ замкнутости, исключающій взаимную односторонность; ихъ искреннее сближеніе и дружное дѣйствіе; сближеніе, не внѣшнее только, но и нравственное, въ области историческихъ и духовныхъ общенародныхъ началъ, могли бы служить, кажется намъ, залогами богатаго будущаго развитія. . .

Но это въ будущемъ. А что предстоитъ дѣлать теперь, съ сохраненіемъ вѣрности народнымъ историческимъ началамъ, о томъ мы отложимъ бесѣду до слѣдующаго раза.

2 Декабря 1861.

II.

Въ послѣдней статьѣ нашей, мы, кажется, показали довольно ясно, что дворянство, какъ сословіе, утратило, по нашему убѣжденію, прежнюю общественную и историческую почву: корни, связывавшіе его съ почвой, съ теченіемъ времени, порвались одинъ за другимъ, и наконецъ, въ нынѣшнемъ году, окончательно порвался и послѣдній: мы говоримъ здѣсь объ *остальномъ* значеніи дворянства, какъ сословія привилегированнаго, т. е. владѣющаго крестьянами на крѣпостномъ правѣ. Мы уважаемъ и любимъ историческое преданіе, но, тѣмъ не менѣе, признаемъ вполнѣ разумность такого историческаго рѣшенія, и не думаемъ, чтобы кто-либо изъ просвѣщенныхъ дворянъ русскихъ способенъ еще былъ мечтать о возвращеніи невозвратно-потерянnаго, или предаваться праздными сожалѣніямъ и чувству безсильной досады. Мы не говоримъ здѣсь о дворянахъ остзейскихъ: они—дѣло другое; у насъ съ ними разныя историческія начала, а потому и разные выводы; они подлежатъ дѣйствію своей исторической логики, которая не замедлитъ оказать свою силу и надъ потомками гордыхъ завоевателей-крестоносцевъ! Но мы, Русскіе, вполнѣ понимаемъ, что образовательный процессъ русскаго государственнаго и гражданскаго строя не только еще не окончился вполнѣ, но во очію совершается и переживается нами, и что намъ остается только стать въ уровень съ требованіями исторіи и уразумѣть, по возможности, самый смыслъ этихъ требованій. Однимъ словомъ, дворянамъ необходимо опредѣлить себѣ самимъ, что̀ они такое, и чѣмъ могутъ быть, пристроить себя, отыскать себѣ почву и фундаментъ общественный.

На этомъ основаніи, мы смѣемъ полагать, что всѣ вопросы, разсужденія и соображенія, *внѣ* этой главной задачи, не только преждевременны, но не могутъ быть, даже въ теоріи, ни правильно поставлены, ни правильно разрѣшены. Нѣтъ ничего вреднѣе въ общественномъ важномъ дѣлѣ, какъ неопредѣленное выраженіе неопредѣленныхъ желаній, которыхъ практическую, немедленно примѣнимую къ жизни сторону уловить невозможно, и которымъ суждено по этому оставаться праздными, блестящими фразами, лишенными всякого жизненнаго содержанія и не приводящими ни къ какому существенному результату. Теоретическая постановка и уясненіе началъ и вопросовъ совершаются при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, въ средѣ литературной или общественной; но когда вы обращаетесь къ той средѣ, которая призвана давать вашему предположенію внѣшнюю форму и полновѣсное значеніе положительнаго явленія, вы ставите ее, эту среду, въ сильное затрудненіе, если сами не уяснили себѣ вполнѣ вашей собственной мысли, или не указываете ни средствъ, ни практическаго пути для ея осуществленія.

Такъ напримѣръ, мы считаемъ совершенно безсильнымъ и праздымъ требованіе, заявленное, года три тому назадъ, на дворянскихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: о перемѣнѣ судопроизводства, о введеніи суда присяжныхъ и т. п. Недостаточно сказать: это слѣдуетъ перемѣнить, это слѣдуетъ ввести: укажите — *какъ* перемѣнить, и *какъ* ввести. А именно, нигдѣ это слово *какъ*—такъ не важно, какъ въ вопросѣ о судопроизводствѣ: въ этомъ-то и состоитъ вся задача. Не знаемъ, отдавали ли себѣ сами дворяне ясный отчетъ въ томъ: желаютъ ли они, напримѣръ, процесса обвинительнаго или слѣдственнаго? вполнѣ ли примѣнимъ къ нашимъ нравамъ первый? не нужно ли подумать о другихъ формахъ процесса? можетъ ли Франція, наслѣдница рим-

скаго міра, служить намъ, въ этомъ отношеніи, образцомъ? и т. д.—Не знаемъ, понимали ли они сами, что ихъ собственное требованіе предполагаетъ народъ и общество какою-то tabula rasa, бѣлой бумагой, на которой они сами приглашаютъ законодателя писать — что̀ угодно и какъ угодно! Понимали ли они, что судопроизводство, одно изъ важнѣйшихъ отправленій государственнаго организма, такъ тѣсно связано со всѣмъ общественнымъ бытомъ, — что не можетъ быть сочинено вдругъ, особенно въ Россіи, безъ предварительнаго изученія народныхъ юридическихъ понятій и требованій, какою-нибудь коммиссіею экспертовъ или ученыхъ докторовъ римскаго права! Всѣ эти вопросы едвали ли приходили на умъ предъявлявшимъ такія желанія. . .

Мы привели этотъ примѣръ для того, чтобы показать, во 1-хъ, всю неосновательность заявленія подобныхъ неопредѣленныхъ требованій, и во 2-хъ, всю несостоятельность такихъ требованій въ настоящее время, когда вопросъ крестьянскій еще не вполнѣ покончень, и мы, дворяне, сами еще не знаемъ что̀ мы такое! Эта несостоятельность становится еще очевиднѣе, когда дѣло идетъ о припискѣ къ волостямъ или о примѣненіи выборнаго начала къ контролю земскихъ повинностей. (Оба эти вопроса возбуждены въ нашей литературѣ, а послѣдній возникъ отчасти вслѣдствіе обнародованнаго правительствомъ и предложеннаго имъ на общее обсужденіе доклада коммиссіи, учрежденной для пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ). Разсмотримъ дѣло поближе. Дворянство, утративъ свое существенное сословное право, сохраняетъ однакоже ту внѣшнюю обстановку сословности, которая все еще можетъ разобщить дворянство и низшія сословія, и положить между ними преграду недовѣрія и взаимнаго непониманія. Какіе глубокіе корни пустило недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, о томъ единогласно свидѣтель-

ствуютъ отзывы самихъ помѣщиковъ изо всѣхъ концовъ необъятной Россіи. Мы сказали выше, въ нашей первой статьѣ, что служилое сословіе распущено и возвращается въ земство, — но мы должны прибавить, что такому возвращенію еще мѣшаютъ разныя путы, какіе-то призраки прежней исключительной сословности, за которые дворянство, въ невѣденіи своихъ собственныхъ выгодъ, все еще держится крѣпко. Потерявъ прежнюю почву, оно еще не стало на новую, и находится теперь въ какомъ-то странномъ, уединенномъ или изолированномъ положеніи. Мы убѣждены, что приписка дворянина, какъ *дворянина*, къ волости невозможна, — или, по крайней мѣрѣ, будетъ явленіемъ насильственнымъ, искусственнымъ, и нисколько не плодотворнымъ,—и что точно также безполезно было бы *теперь* соединеніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій для контроля земскихъ повинностей, пока еще не рѣшенъ самый вопросъ *о сословіяхъ*, пока крестьяне и помѣщики не развяжутся между собою, пока раздѣляютъ ихъ преданія о полноправности одного и о безправіи другаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ, прежнія основанія поколеблены, новыя еще не опредѣлились и не сознаны, духъ сословный еще продолжаетъ витать въ дворянствѣ, и нашему общественному организму недостаетъ той органической, нравственной и духовной цѣльности, которую не въ силахъ замѣнить никакія искусственныя связи.

Прежде, чѣмъ строить зданіе, необходимо подвести прочный фундаментъ,—иначе зданіе обрушится безобразною грудою камней и мусору. Къ ветхой изношенной одеждѣ не пришиваютъ заплаты: ветхая одежда разлезется врозь и заплата ее не удержитъ. Толковать теперь о соединеніи выборныхъ для всѣхъ сословій, припискѣ къ волостямъ и тому подобномъ, мы считаемъ тѣмъ же, что строить зданіе безъ фундамента, или пришивать заплаты къ ветхому рубищу.

Поймемъ же, что намъ прежде всего слѣдуетъ скинуть съ себя ту ветхую одежду, къ которой не пришьешь никакого лоскута свѣжей, здоровой матеріи! займемся возведеніемъ самого фундамента. . .

Мы полагаемъ, что русскимъ дворянамъ необходимо было бы, во 1-хъ, вникнуть въ историческій ходъ дворянскаго учрежденія, и проникнуться сознаніемъ, что дальнѣйшее существованіе дворянскаго сословія, какъ сословія, на прежнихъ основаніяхъ, послѣ великаго дѣла 19 Февраля 1861 года, невозможно; во 2-хъ, отрѣшиться отъ прежнихъ воспоминаній, безплодныхъ сожалѣній и отъ всякого духа сословной гордости и исключительности; въ 3-хъ, устранить всѣ перегородки, которыя отдѣляютъ его отъ народа, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ; въ 4-хъ опредѣлить свои отношенія къ прочимъ сословіямъ.

Таковы общія начала. Ближайшею же заботою дворянства должно быть примѣненіе къ Положенію 19 Февраля, Устава о выборахъ и Дворянской Грамоты, т. е. III и IX тома Свода Законовъ. Необходимость такого примѣненія очевидна, даже и при сохраненіи начала сословности: прежде основаніе праву голоса на дворянскихъ выборахъ лежало въ привилегіи крѣпостнаго права, въ извѣстномъ числѣ душъ, которыми владѣлъ помѣщикъ; но теперь это основаніе, съ Манифестомъ 19 Февраля, уже не можетъ имѣть никакой силы. — Дворянство Самарской губерніи, въ началѣ нынѣшняго года, уже испросило себѣ дозволеніе на пересмотръ Устава о выборахъ, и объ этомъ дозволеніи было напечатано во всѣхъ нашихъ газетахъ. Но Самарское дворянство, сколько мы знаемъ, только предъявило желаніе, но не уяснило себѣ, какъ воспользоваться разрѣшеніемъ, и не опредѣлило способа, какимъ можетъ совершиться этотъ пересмотръ Устава.

Мы, съ своей стороны, смѣемъ думать, что никакіе *общіе*

вопросы не могутъ быть предметомъ полезнаго обсужденія въ теченіи двухнедѣльнаго срока, и что, по нашему мнѣнію, было бы необходимо: учредить комитетъ изъ членовъ по выбору дворянства, для составленія проэкта о примѣненіи къ Положенію 19 Февраля Устава о выборахъ и законовъ о дворянскомъ состояніи. Членовъ для комитета было бы довольно двоихъ отъ каждаго уѣзда; срокъ занятіямъ — полугодичный.

Если разрѣшеніе, данное Самарскому дворянству, послѣдуетъ и для дворянства другихъ губерній, то Россія можетъ вновь увидать то величавое зрѣлище, какое представляли сорокъ восемь губернскихъ комитетовъ, обсуждавшихъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ 1858 и 1859 годахъ. Въ этихъ комитетахъ само дворянство, въ виду всей Россіи, собственными руками раздирало свою стародавнюю привилегію, и наконецъ во всеуслышаніе отреклось отъ своего дворянскаго преимущества и произнесло вѣчно-памятныя слова: крѣпостное право отмѣняется навсегда! Теперь дворянству предстоитъ докончить начатое и опредѣлить свое настоящее мѣсто и значеніе *внѣ* сословныхъ привилегій и преимуществъ. Предрѣшать эту задачу невозможно. Рѣшеніе должно выработаться постепенно, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей и соображеній. Мы полагаемъ, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать дворянству; это будетъ и новымъ нравственнымъ подвигомъ и мудрымъ политическимъ дѣйствіемъ.

Только по разрѣшеніи этого вопроса, можно будетъ съ достаточнымъ основаніемъ приступить къ разрѣшенію вопроса о земскихъ повинностяхъ, объ областномъ управленіи, о судопроизводствѣ, и о прочихъ преобразованіяхъ, необходимость въ которыхъ такъ уже гласно заявлена.

Только тогда станетъ возможнымъ всякое общее дружное

дѣйствіе, сближеніе съ народомъ и постепенное возстановленіе цѣльности нашего государственнаго организма.....

При настоящемъ разрывѣ образованнаго общества съ народомъ, оно дрябло и лишено всякой общественной силы, потому что нѣтъ силы внѣ народной и исторической почвы. Мы указали на *внѣшнія* пути сближенія, но ихъ, разумѣется, недостаточно; почерпнуть эту силу можетъ общество только окунувшись въ живительныя струи народнаго духа. — Когда мы станемъ строить фундаментъ, то увидимъ, что единственный прочный цементъ для стройки можетъ дать намъ только народность или единство общихъ историческихъ, духовныхъ и нравственныхъ началъ всего Русскаго общества и народа.

9 Декабря 1861.

III.

ПО ПОВОДУ ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВ. СѴНОДА, О СУММАХЪ, КАКИМИ МОГУТЪ РАСПОРЯЖАТЬСЯ ПРИХОДСКІЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА.

Статья г. Дмитрія Самарина.

(Изъ № 32 „Современныхъ Извѣстій“ 1869 г.).

Состоявшееся недавно опредѣленіе Св. Сѵнода о суммахъ, какими могутъ распоряжаться приходскія попечительства, такъ важно для этого учрежденія, что мы считаемъ необходимымъ обратить на него особенное вниманіе и уяснить его значеніе.

Изъ этого опредѣленія видно, что многія земскія собранія и приходскія попечительства входили къ г. оберъ-прокурору Св. Сѵнода съ ходатайствами, „о предоставленіи въ ихъ распоряженіе всѣхъ церковныхъ суммъ, собираемыхъ въ православныхъ церквахъ“. Этотъ фактъ означаетъ, что вопросъ объ участіи прихожанъ въ завѣдываніи имуществомъ приходскихъ церквей, выдвинутъ самимъ дѣломъ, и что прихожане не равнодушно относятся къ существующему нынѣ порядку завѣдыванія. Нельзя не порадоваться этому явленію, и не желать, чтобы участіе, которое показали къ этому дѣлу земскія собранія и приходскія попечительства, не только не охладѣло, а напротивъ еще болѣе усилилось.

Всѣ ходатайства, поступившія къ г. оберъ-прокурору, были переданы имъ въ Св. Сѵнодъ для соображенія: въ какой мѣрѣ удовлетвореніе ихъ соотвѣтствуетъ цѣли учрежденія

приходскихъ попечительствъ, и согласуется ли съ существующими гражданскими и церковными постановленіями? — Вопросъ, какъ видитъ читатель, чисто юридическій. Съ этой, т. е. съ юридической точки зрѣнія, разсмотримъ состоявшееся опредѣленіе Св. Сунода. Оно признало, что ходатайство приходскихъ попечительствъ несогласно: 1) съ самымъ Положеніемъ объ этихъ учрежденіяхъ, 2) съ дѣйствующимъ русскимъ церковнымъ законодательствомъ, и 3) съ каноническими правилами.

Статья 6-я Положенія о приходскихъ попечительствахъ указываетъ на средства, предоставленныя въ ихъ распоряженіе — „добровольныя пожертвованія“; и на предметы назначенія сихъ средствъ—„въ пользу причта, школы и благотворительныхъ учрежденій“. — Такъ гласитъ синодальное опредѣленіе. Нельзя не пожалѣть, что въ этомъ перечисленіи предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію приходскихъ попечительствъ, опущенъ одинъ, весьма существенный, указанный однако въ Положеніи. Въ 6-й статьѣ сказано такъ: „сборъ пожертвованій производится отдѣльно: 1) *въ пользу церкви*, 2) въ пользу причта и 3) для школы и благотворительныхъ учрежденій“. Въ предъидущей 5 статьѣ, точно также говорится, что приходскія попечительства „обязаны заботиться: 1) о содержаніи и удовлетвореніи нуждъ приходской церкви, и объ изысканіи средствъ для производства нужныхъ исправленій въ церковныхъ строеніяхъ, и для возведенія новыхъ въ замѣнъ пришедшихъ въ упадокъ. Разсматриваемое опредѣленіе Св. Сунода само въ заключеніи говоритъ, что „цѣль учрежденія сихъ попечительствъ состоитъ въ воспособленіи правительству и святой церкви въ *поддержаніи благольпія церковнаго*“.— Не подлежитъ слѣдовательно сомнѣнію, что забота о храмѣ приходскомъ возложена на попечительства, и притомъ какъ главная ихъ обязанность. А если это такъ,

то главной обязанности попечительства никакъ нельзя опускать изъ вниманія, при разсмотрѣніи вопроса: согласно ли ихъ ходатайство съ Положеніемъ 2 августа 1864 года? Заключеніе, при этомъ опущеніи, едва ли выйдетъ правильное.

Дѣйствительно, если бы на попечительства не было возложено обязанности заботиться о храмѣ приходскомъ, то цѣль ихъ учрежденія не давала бы имъ права вмѣшиваться въ завѣдываніе суммами церковными, ни даже о томъ ходатайствовать. Но иначе представляется тоже ходатайство, когда забота о приходскомъ храмѣ поставлена главнымъ предметомъ дѣятельности попечительствъ.

Затѣмъ, въ опредѣленіи говорится, что „разрѣшеніе, данное попечительствамъ выставлять и обносить въ церквахъ кружки, а также получать отъ епархіальныхъ архіереевъ сборныя книги, достаточно указываетъ, что сіи кружки и сіи книги суть *отдѣльныя* отъ кружекъ и сборныхъ книгъ, назначенныхъ на суммы собственно церковныя". Что въ настоящее время, суммы церковныя отдѣлены отъ попечительскихъ, это совершенно справедливо. Но вопросъ состоитъ не въ томъ, отдѣлены ли *теперь* суммы церковныя отъ попечительскихъ или нѣтъ, а въ томъ, есть ли основаніе для *дальнѣйшаго* отдѣльнаго ихъ существованія? Если бы у каждой изъ нихъ было свое особое назначеніе, то и сливать ихъ конечно было бы нельзя. Такъ напримѣръ, если бы церковная сумма назначалась на расходы по содержанію храма Божьяго, а попечительская не имѣла этого назначенія, тогда было бы конечно полное основаніе для отдѣльнаго существованія этихъ двухъ суммъ. Но мы уже видѣли, что подобное предположеніе было бы несогласно съ закономъ. Кромѣ того, если бы и оказалось препятствіе слить обѣ суммы вмѣстѣ, развѣ нельзя, не производя этого сліянія,

предоставить однако обѣ суммы въ вѣдѣніе попечительствъ, только на различныхъ основаніяхъ?

Ходатайство попечительствъ признано несогласнымъ и съ *дѣйствующимъ церковнымъ законодательствомъ* на томъ основаніи, что, въ настоящее время, установленъ различный порядокъ завѣдыванія и распоряженія суммами церковными и суммами попечительствъ. Въ чемъ же заключается это различіе? Суммы церковныя, говоритъ опредѣленіе, лежатъ на отчетности церковныхъ причтовъ, *помимо всякаго вліянія свѣтскаго вѣдомства Распоряжается ими непосредственно вѣдомство духовное, а староста церковный не имѣетъ никакого права непосредственно ими распоряжаться.* Отвѣтственность въ расходованіи ихъ лежитъ на причтѣ, *а изъ міранъ только на одномъ лицѣ*, на церковномъ старостѣ. Значеніе старосты церковнаго, относительно суммъ церковныхъ, ограничено тѣмъ, что онъ *отвѣчаетъ* за цѣлость ихъ, а участіе прихожанъ — тѣмъ, что они допускаются *къ присутствованію* при ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ сихъ суммъ. О порядкѣ же завѣдыванія суммами попечительскими, опредѣленіе говоритъ: „напротивъ, къ распоряженію суммами приходскаго попечительства, призываются тѣ лица, которымъ будетъ сіе поручено прихожанами, а изъ причта обязательно въ сихъ распоряженіяхъ участіе только одного приходскаго священника. Въ этомъ противоположеніи одного порядка другому, въ завѣдываніи суммами, ясно проводится мысль, что церковными суммами распоряжается духовное вѣдомство, а прихожане, какъ міряне, не въ правѣ вмѣшиваться; суммами же попечительства распоряжаются сами міряне, т. е. прихожане, съ участіемъ одного духовнаго лица — священника. Согласно ли однако будетъ такое описаніе порядка въ завѣдываніи *церковными* суммами, съ дѣйствующимъ церковнымъ законодательствомъ?

Обратимся къ *Инструкціи церковнымъ старостамъ*. По §§ 4, 9, 15 и 17 Инструкціи, отчетность въ суммахъ церковныхъ возложена не на одинъ причетъ, а на старосту церковнаго *вмѣстѣ съ* причтомъ. По этому, опись церковнаго имущества и приходорасходная книга, должны находиться у старосты, который обязанъ записывать въ нихъ деньги и имущества церковныя на приходъ и въ расходъ. Отчеты изъ книгъ, по закону, должны „составляться старостою обще со священно-церковно-служителями", и представляться за „общимъ ихъ подписаніемъ". Относительно распоряженія церковными суммами, въ § 12 той же инструкціи, установленъ слѣдующій порядокъ: *„На старосту возлагаются покупки нужныхъ для церкви вещей, подряды, починки и пристройки;* но производить сіе ему надлежитъ *не иначе какъ съ предварительнаго согласія священно-служителей и почетнѣйшихъ прихожанъ.* Въ случаѣ же значущихъ издержекъ и починки внутри алтаря церкви, староста и священно-служители имѣютъ испрашивать на сіе благословеніе архипастыря". Для ежемѣсячнаго свидѣтельства церковныхъ суммъ, §§ 9-мъ и 10-мъ, установлено, чтобы оно производилось „въ присутствіи священно-церковно-служителей и почетнѣйшихъ изъ прихожанъ, буде они отъ того не отрекутся". Самый актъ свидѣтельства „долженъ быть подписываемъ всѣми особами при семъ находившимися, т. е. прихожанами, старостою и священно-церковно-служителями". И такъ, по закону нынѣ дѣйствующему: 1) почетнѣйшіе прихожане не только допускаются *присутствовать* при ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ церковныхъ суммъ, но имѣютъ право голоса въ распоряженіи суммами такъ какъ *„безъ ихъ согласія"* староста церковный не долженъ производить никакихъ расходовъ по церкви; и 2) церковный староста не только есть хранитель или казначей церковнаго имущества,

но имѣетъ голосъ въ распоряженіи имуществомъ, и исполняетъ всѣ постановленія на счетъ этого имущества, состоявшіяся съ общаго согласія. Словомъ, завѣдываніе церковнымъ имуществомъ предоставлено закономъ старостѣ церковному, причту и почетнѣйшимъ прихожанамъ, иначе сказать—приходу, а не исключительно—духовному вѣдомству. Слѣдовательно, и разницы въ отношеніи мірянъ по завѣдыванію церковнымъ и имуществомъ попечительствъ, по закону, существовать не должно. А если этой разницы быть не должно, то почему казалось бы, и не удовлетворить ходатайство приходскихъ попечительствъ?

Ходатайство признано несогласнымъ съ *каноническими правилами*. „Домогательства", говоритъ опредѣленіе Св. Синода, „о предоставленіи въ распоряженіе приходскихъ попечительствъ суммъ, принадлежащихъ церквамъ, противны каноническому правилу: *никто да не присвояетъ церковнаго достоянія* (преподоб. Θеофила Алекс. пр. 11), и заключаетъ въ себѣ „воспрещенное канонами церкви посягательство на ея достояніе". Присвоять, въ свою пользу, достояніе церкви—конечно весьма предосудительно, и притомъ одинаково предосудительно, дѣлается ли оно попечительствомъ, или старостою церковнымъ, или причтомъ. Поэтому должно всѣми мѣрами стараться оградить имущество церковное отъ *посягательства* съ чьей бы то ни было стороны. Нынѣшній порядокъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ недостаточно ограждаетъ его отъ присвоенія его тѣмъ или другимъ лицомъ. По этому-то попечительства и ходатайствовали объ измѣненіи этого порядка и о предоставленіи суммъ церковныхъ въ ихъ распоряженіе. Исполнимо ли или нѣтъ ихъ ходатайство? это другой вопросъ; но несомнѣнно одно, что цѣль, которую имѣли въ виду земскіи собранія и попечительства, состояла въ томъ, чтобы лучше *оградить* церков-

ное имущество *отъ посягательства на него* и отъ присвоенія его тѣмъ или другимъ лицомъ. Мы недоумѣваемъ поэтому: какимъ образомъ попечительства могутъ быть сами обвиняемы, за подобное ходатайство, въ посягательствѣ на церковное достояніе? Если бы даже ходатайствовано было о томъ, чтобы суммы церковныя были присоединены къ суммамъ попечительскимъ, и предоставлены въ ихъ полное и безотчетное распоряженіе, то и тогда не было бы съ ихъ стороны посягательства на церковное достояніе. Попечительства въ правѣ расходовать собираемыя ими суммы только: 1) на содержаніе своего приходскаго храма, 2) для улучшенія матеріальнаго быта причта и 3) для устройства школы, больницы, богадѣльни, пріюта и вообще для оказанія пособія бѣднымъ людямъ прихода. Что суммы церковныя могутъ быть употребляемы на храмъ Божій и въ пользу причта, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. А если бы кто усомнился, можно ли суммы церковныя употреблять на школы, больницы, богадѣльни, пріюты и вообще въ пользу бѣдныхъ, то достаточно, въ разрѣшеніе сомнѣнія, указать на подобныя благотворительныя учрежденія, которыя устроиваются при монастыряхъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ. Наконецъ, изъ множества каноническихъ правилъ, вполнѣ оправдывающихъ, въ этомъ отношеніи, практику церковную, приведемъ одно правило, то самое, на которое сдѣлана ссылка въ опредѣленіи Св. Сунода. Въ 11 правилѣ препод. Θеофила Александрійскаго сказано: „*Вдовцы и убогіе и странствующіе пришельцы да получаютъ всякое успокоеніе,* и никто да не присвояетъ церковнаго достоянія“. И такъ, если бы суммы церковныя были даже слиты съ суммами попечительствъ въ одно, онѣ стали бы расходоваться только на такіе предметы, на которые каноническими правилами дозволено употреблять имущество церковное.

Словомъ, цѣль учрежденія попечительствъ, права участія мірянъ въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ, современное русское церковное законодательство и каноническія правила—все это одинаково не противорѣчитъ ходатайству попечительствъ къ завѣдыванію церковными суммами.

Удовлетворенію этого ходатайства, *въ настоящее время*, представляется препятствіе другаго рода. Власть епископа надъ этими суммами, теперь не одинакова. О суммахъ церковныхъ, по закону, староста церковный и причтъ обязаны представлять епископу отчеты, а въ случаѣ „значащихъ расходовъ", испрашивать на нихъ разрѣшеніе. Сверхъ того, на практикѣ власть епископа надъ этими суммами оказывается ничѣмъ неограниченною. Попечительства, напротивъ того, распоряжаются своими суммами самостоятельно, обязаны отдавать въ нихъ отчетъ только общему собранію прихожанъ; епископамъ же не предоставлено *никакого* права надъ этими суммами. Поэтому онѣ и не имѣютъ теперь характера вполнѣ церковнаго. А при такомъ условіи, присоединить суммы церковныя къ попечительскимъ, значило бы отнять у епископа *всякую* власть надъ церковными суммами, что́ было бы конечно несогласно съ каноническими правилами и съ существомъ власти епископа. Ежели же суммы попечительствъ присоединить къ церковнымъ, чтобы эти суммы стали къ епископамъ въ такое отношеніе, въ какомъ стоятъ *нынѣ* къ нимъ суммы церковныя, то на это конечно попечительства не согласятся. Если бы соединеніе послѣдовало на такомъ основаніи попечительства несомнѣнно предпочтутъ прекратить свою дѣятельность, чѣмъ продолжать ее при условіяхъ невозможныхъ.

Вотъ причина, по которой, *въ настоящее время*, нельзя слить двухъ суммъ. Но это препятствіе временное, условное. Въ существѣ дѣла, попечительства конечно — учрежденія церковныя; по этому есть полное основаніе признать и власть

епископа надъ этими суммами. Вопросъ лишь въ томъ: какая это должна быть власть? Требуется ли существомъ епископской власти, чтобы она ничѣмъ не была ограничена, или же она должна быть подчинена извѣстнымъ правиламъ, не превращаясь на дѣлѣ въ произволъ? Не было ли бы согласно съ каноническими правилами, чтобы періодически, одинъ или два раза въ году, собирались въ разныхъ мѣстахъ церковной области, т. е. Россіи, мѣстные (по митрополіямъ) соборы, которые бы разсматривали дѣйствія епископовъ, возстановляли происшедшія уклоненія отъ правилъ, и вообще имѣли умѣряющее вліяніе на власть епископовъ? Когда за каждымъ монастыремъ признается право собственности на его имущество, требуется ли существомъ церковнаго имущественнаго права, чтобы отрицалось право собственности каждой приходской церкви на принадлежащее ей имущество? Есть ли дѣйствительная необходимость въ томъ, чтобы всѣ доходы приходскихъ церквей отвлекались отъ нихъ, сливались въ общую массу, и чтобы изъ нихъ почти ничего не было оставляемо для удовлетворенія *мѣстныхъ* потребностей? Требуется ли существомъ понятія о церкви, чтобы голосъ мірянъ не былъ слышимъ въ дѣлахъ церковныхъ, чтобы признавались они неправоспособными, или же они, какъ *члены* церкви, могутъ быть допускаемы къ участію въ дѣлахъ церкви? Не должна ли словомъ, *церковь представительная* составлять *съ церковью народною* одно тѣло, живущее однимъ духомъ, и не нужно ли, чтобы церковь народная актомъ избранія постоянно скрѣпляла свою связь съ церковью представительною?

Если бы была возможность установить, на подобныхъ основаніяхъ, власть епископовъ надъ приходскими попечительствами и надъ принадлежащими имъ суммами; конечно упразднилось бы тогда само собою и то временное препятствіе,

которое представляется теперь окончательному слiянiю двухъ суммъ въ одну сумму церковную, которая была бы тогда собственностью каждой отдѣльной приходской церкви. А теперь, какъ мы уже сказали, полное слiяніе суммъ невозможно, покуда попечительствамъ приписывается Св. Сонодомъ въ одно и тоже время, двоякое, и притомъ противоположное значеніе. Съ одной стороны, они признаются за учрежденія „не имѣющія ни по цѣли, ни по составу своему значенія самостоятельнаго, т. е. особаго отъ прихода или приходской церкви установленія“ *), слѣдовательно признаются за учрежденія церковныя; а съ другой стороны, за ходатайство свое о предоставленіи въ ихъ распоряженіе суммъ церковныхъ, обвиняются въ „посягательствѣ на церковное достояніе“. Впрочемъ земскія собранія и попечительства, сколько можно судить по опредѣленію Св. Сунода, повидимому и не ходатайствовали о томъ, чтобы предоставить суммы церковныя въ *полное* и *безотчетное* распоряженіе попечительствъ. Они просили, чтобы имъ предоставлено было только *распоряженіе* этими суммами. И удовлетвореніе этого ходатайства повидимому ничѣмъ бы не нарушило теперешняго порядка въ завѣдываніи суммами церковными, если бы попечительства поставлены были *на правахъ старостъ церковныхъ*.

Ходатайство отвергнуто, и конечно, опредѣленіе состоявшееся въ этомъ смыслѣ, безусловно обязательно для приходскихъ попечительствъ. Но не въ правѣ ли однако попечители, хотя въ качествѣ почетнѣйшихъ прихожанъ и на правахъ, которыя предоставлены таковымъ прихожанамъ *Инструкціею* церковныхъ старостъ, принимать участіе по прежъ-

*) См. указъ св. сунода 27 іюля 1867 г.

нему въ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ церковныхъ суммъ и подписывать актъ свидѣтельства? Не вправѣ ли они, по силѣ той же *Инструкціи*, изъявлять свое согласіе или несогласіе на производство расходовъ изъ церковныхъ суммъ? Не осталась ли въ силѣ обязанность, возложенная на церковныхъ старостъ, производить расходы изъ церковныхъ суммъ не иначе, какъ съ согласія почетнѣйшихъ прихожанъ? Едвали въ этомъ можетъ быть сомнѣніе. Право, предоставленное закономъ почетнѣйшимъ прихожанамъ, осталось въ полной силѣ, такъ какъ опредѣленіе Св. Сунода не отмѣнило и не видоизмѣнило ни одного изъ прежнихъ законовъ, а оставило завѣдываніе и распоряженіе церковными суммами *на прежнемъ основаніи*. Этимъ правомъ „почетнѣйшихъ прихожанъ", конечно имѣютъ полное право пользоваться попечители, какъ лица, избранныя приходомъ, оказавшимъ тѣмъ самымъ къ нимъ довѣріе.

8 января 1869 года.

Спаскій приходъ,

Самарской епархіи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

	Напечатано	Слѣдуетъ читать:
Стр. 5 строка 2 сверху:	излѣчались	излѣчивались
— 8 — — 3 и 2 снизу:	что своекорыстныя дѣйствія членовъ управъ почти безпримѣрны;	что о своекорыстныхъ дѣйствіяхъ членовъ управъ, почти не слышно;
— 14 — — 14 — —	13 Іюля	13 Іюня
— 17 — — 3 сверху:	сообщить дворянскимъ собраніямъ	сообщить всѣмъ губернскимъ дворянскимъ собраніямъ.
— 92 — — 11 снизу:	избранные сельскимъ крестьянскимъ обществомъ	избранные крестьянскими обществами
— 113 — — 6 сверху:	все	еще
— 115 — — 6 снизу:	не домовладѣльцамъ	не-домовладѣльцамъ
— 116 — — 5 — —	научатся.	научаться?
— 132 — — 11 — —	средоточеніи	сосредоточеніи
— 166 — — 9 сверху:	занимаются	замышляются
— 168 — — 5 снизу:	уясненія, настоящаго положенія	уясненія настоящаго положенія

Цѣна въ Москвѣ, въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города Имперіи, по 1 руб. 50 коп.

Продается въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ гг. Готье, Соловьева, Глазунова и другихъ книгопродавцевъ; а въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ гг. Давыдова, Базунова, Вольфа и другихъ книгопродавцевъ.

Иногородные книгопродавцы благоволятъ, съ своими требованіями, обращаться въ книжную лавку Готье, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго.